

**Курский государственный университет
Исторический факультет**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2015

**Материалы научной конференции
с международным участием
(21–23 апреля 2015 г.)**

Курск 2016

УДК 93/99
ББК 63
И90

Редакционная коллегия:
И.А. Конорева (отв. редактор),
И.Н. Селиванов, К.В. Яценко,
О.Н. Аргунов, К.С. Стародубцева

И90 Исторические чтения – 2015 [Текст]: материалы науч. конф. с
международ. участием (21–23 апр. 2015 г.) / отв. ред. И.А. Конорева; Курск.
гос. ун-т. – Курск, 2016. – 137 с. – **ISBN 978-5-88313-883-5**

В настоящем сборнике размещены материалы пленарного и секционных заседаний исторических научных чтений, состоявшихся в рамках недели науки исторического факультета Курского государственного университета в апреле 2015 г., посвященной юбилею факультета.

**УДК 93/99
ББК 63**

ISBN 978-5-88313-883-5

© Коллектив авторов, 2016
© Курский государственный
университет, 2016

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А.И. Волкова

СТРУКТУРА, ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Роль периодической печати в жизни любого общества неизменно и значительно повышается, особенно в период изменения политических и экономических условий. Играя положительную, а часто и отрицательную роль, пресса формирует сознание всего общества. Из всех сфер профессиональной культуры, таких как просвещение, профессиональное образование, театр, музыка, кино, художественная литература, периодика является наиболее действенным средством общественного влияния. Это объясняется легкостью ее распространения, доступностью для понимания различных представителей народных масс, универсальностью в широте охвата действительности, нацеленностью на злободневные проблемы общества. И, кроме того, история периодической печати – один из аспектов исторической науки, а сама пресса – один из главных исторических источников.

Периодическая печать Курской губернии была представлена изданиями, выходившими в губернском центре – городе Курске. Официальную периодику представляли две газеты – «Курские губернские ведомости» и «Курские епархиальные ведомости».

Рассмотрим структуру, основное содержание и направления работы официальных периодических изданий Курского края на примере газеты «Курские губернские ведомости». Первый официальный экземпляр данного издания Курской губернии впервые вышел в свет 22 сентября 1838 года как еженедельное издание. Издавались и редактировались «Ведомости» при Курском губернском правлении. «Курские губернские ведомости» были посредником между центральной и местной властью и состояли из двух частей: официальной и неофициальной. Каждый номер газеты в среднем включал четыре страницы, текст размещался на странице в три колонки. Статьи разделялись между собой горизонтальной разграничительной линией, в первых номерах издания текст официальной части занимал левые две трети, а свободные широкие поля были предназначены для заметок чиновников.

Основными направлениями публикаций официального отдела являлись следующие:

- 1) постановления Правительства и распоряжения местного начальства;
- 2) известия о движении по службе, наградах и т.д.;

- 3) списки лиц по выборным должностям и присяжных заседателей;
- 4) списки дел, назначаемых к слушанию в судебных установлениях;
- 5) о розысках и вызовах наследников;
- 6) сведения о продаже имущества, о подрядах и торгах;
- 7) всякого рода иные официальные объявления и сообщения.

Из этой части газеты население губернии узнавало об официальных распоряжениях Правительства, указах и манифестах Его Императорского Величества, официальных объявлениях, здесь можно было ознакомиться с должностными перемещениями официальных лиц губернии. Читатели газеты знакомились с отчетами Курской губернской управы, с объявлениями губернского, уездных и городских полицейских управлений, а также со списками присяжных заседателей, с распоряжениями по выборам в Государственную Думу, со списками лиц, присутствующих на слушании приговоров уездных судов. Предавались огласке постановления и отчеты силовых структур относительно местной власти, подтверждением этому служит Циркуляр Министерства Внутренних Дел, по Департаменту Общих Дел от 3 февраля 1889 года за № 6 «Господину губернатору, о размере прогонных денег членам сиротских судов, командируемым в опекунические имения», помещенный на первой странице официального губернского издания [15, с. 1]. Из газеты можно узнать даже о курских кавалерах высших государственных орденов. Так, на первой странице 19 номера от 10 марта 1889 года находим «Капитуль российских императорских и царских орденов», к которому прилагался список лиц-кавалеров орденов Святого Владимира, Святой Анны и святого Станислава, вступивших в пенсионный возраст: «Данный капитул извещает упомянутых в прилагаемом списке лиц о вступлении их ныне в комплект пенсионеров по орденам. Именной список кавалеров, кавалерственных дам и сопричастных к орденам, которые в настоящее время вошли в комплект пенсионеров» [12, с. 1–2].

Кроме того, в официальном отделе внимание читателей привлекали такие разделы, как «Торги», «Розыски», «Ведомости цен», «Справочные цены», «Продажи», «Объявления об утере документов», «От управления железных дорог».

Проследим несколько типичных публикаций официального отдела «Курских губернских ведомостей», характеризующих его основные направления. В номере от 11 февраля 1867 года читатели узнали об утерянном кошельке с деньгами по сообщению от Белгородского уездного полицейского управления: «...временно обязанные крестьянки Белгородского уезда слободы Шостной Матрена Андреевна Мамолейникова и Александра Акимовна Кравцова нашли на дороге, идущей мимо хутора помещика Шатохина, против деревни Беломестной, близ колодца, кошелек с 2 рублями серебряных денег» [10]. Далее в сообщении, как и во всех подобных случаях, давались подробные указания для хозяев, найденной вещи: «...если где-либо окажутся хозяева этого кошелька и денег, то явились бы за получением таковых в Полицейское управление» [10]. Сообщения по-

добного характера помещались в официальной части практически в каждом номере газеты.

По публикациям в официальном отделе можно проследить политику правительства, деятельность местных органов власти. Официальные объявления ярко иллюстрируют повседневную жизнь курян, быт и нравы общества.

Постепенно регулярными для первого отдела газеты стали рубрики «Хроника», «Местные известия», «Иностранные известия».

Неофициальная часть «Курских губернских ведомостей» сначала во многом уступала первому отделу, но постепенно ее программа расширялась и выглядела следующим образом:

- 1) торговые и промышленные сведения;
- 2) известия о кустарных промыслах в губернии;
- 3) хроника текущих событий;
- 4) корреспонденция из уездов Курской губернии;
- 5) сведения о деятельности администрации, земства и городских общественных управлений;
- 6) судебные известия;
- 7) театральные и музыкальные известия;
- 8) новости науки, литературы и искусств;
- 9) известия о разных сообщениях внутренней жизни России и заграничные новости;
- 10) исторические статьи и заметки, касающиеся прошлого Курской губернии;
- 11) хозяйственные и гигиенические сведения;
- 12) недоставленная почтово-телеграфная корреспонденция;
- 13) сведения о прибывших в город Курск и выбывших из него;
- 14) вообще интересные для читателей сообщения;
- 15) частные объявления.

В неофициальном разделе помещались материалы о ярмарках, о развитии сельского хозяйства в губернии, о ведении домашнего быта, о происшествиях и о многом другом. Данную информацию можно было получить из следующих статей: «Курский отдел московского общества сельского хозяйства сообщает об отчете за 1888 год», «Итоги Коренной ярмарки», «Виды на урожай в Курской губернии» [13, 14, 16]. Подобные статьи стали регулярными в губернском издании. Достаточно любопытными выглядят метеорологические наблюдения, регулярно сообщавшие жителям губернии о погодных условиях города Курска: «...погода остается быть хорошею. Стоят умеренные холода; ртуть не опускается ниже 8 градусов холода, часто идет снег» [11].

Регулярно в неофициальном отделе газеты публиковались исторические и статистические материалы о губернии, которые являются достаточно интересными и для читателей газеты, и для современных исследователей. Так, в № 11 газеты за 1867 год находим информацию о заштатных го-

родах Курской губернии – Богатом, Мирополье и Хотмыжске [8]. В следующем № 12 газета опубликовала материал о еще нескольких городах губернии, кстати, о наиболее крупных – Белгороде, Грайвороне, Дмитриеве (на Свапе), Короче, Льгове, Старом Осколе, а также губернском центре – Курске [9]. В подобных статьях дано краткое статистическое описание городов и историческая справка по каждому из них.

Таким образом, на примере публикаций газеты можно сказать, что «Курские губернские ведомости» подробно освещали культурную жизнь губернии, становились важным источником информации и формирования общественного мнения, а также ценным источником для современных исследователей. По мнению белгородского исследователя И.Т. Шатохина, многие идеи, высказанные на страницах газеты, вскоре материализовались в благотворительные и просветительские акции, вечера, концерты, публичные лекции, общественные организации [47, с. 275].

В 1890-х годах ведомости часто обращаются к истории Курского края, что являлось еще одним направлением в работе издания. Количество публикаций и регулярность их выхода говорят о возросшем интересе местных жителей и образованной читающей публики к истории родного края.

Первая курская газета также уделяла внимание и темам сатирического плана, сообщениям о народных праздниках и гуляниях не только в Курской губернии, но и за ее пределами. Следовательно, первая курская газета «Курские губернские ведомости» для современных исследователей является ценным источником по многочисленным вопросам провинциальной жизни губернии.

Достаточно много места в газете отводилось объявлениям как рекламного характера, так и несущим общественную пользу. Так, к примеру, в № 14 за 1839 год находим заметку, публикующую «Положение об учениках Курской гимназии: правилах их приема и выхода из гимназии» [3]. В № 4 за 1841 год – «Открытие Полтавского кадетского корпуса», в № 37 и № 42 за 1843 год – «Учреждение Дворянского пансиона в Белгороде», «Открытие кадетского корпуса в Орле», в № 2 за 1850 год – «Охота за волками в Новооскольском уезде» [2, 4, 5, 6, 7]. Публиковали и весьма коммерческие объявления: «Желаю купить имение в Курской губернии» [18]. Как правило, в подобных объявлениях подробно указывались все условия заказчика.

Достаточно много места отводилось под отчеты различных официальных учреждений, обществ, организаций, банков и т.д. В подтверждение этому читаем: «Отчет Комитета Курского Благотворительного Общества за ноябрь и декабрь месяцы 1888 года – по богодельне» [11, с. 4].

Далее рассмотрим историю, структуру и основные направления работы газеты «Курские епархиальные ведомости» – официального церковного периодического издания Курской губернии, первый номер которого вышел 1 января 1871 г.

Епархиальные ведомости несли в себе все характеристики, свойственные государственной прессе, поэтому структура издания во многом повторила структуру «Курских губернских ведомостей», но с поправкой на специфику религиозной периодики. Как и губернские ведомости, епархиальные имели две части – официальную и неофициальную.

Содержательно-тематическая структура официального отдела издания строго соответствовала программе специализированного издания. Сгруппируем материалы епархиальных ведомостей по следующей тематике публикаций:

- 1) указы Синода и Манифесты Его Императорского Величества относительно церковной политики;
- 2) сведения о перемене высших правительственных лиц духовного ведомства;
- 3) уведомления о назначении и увольнении должностных лиц по епархиальному и духовно-учебному ведомствам епархии;
- 4) извлечения из журналов, отчетов по учебно-воспитательной и экономической частям семинарии и училищ епархии;
- 5) отчеты о деятельности и постановлениях общепархиальных и окружных училищных съездов;
- 6) сведения о приходских попечительствах;
- 7) данные о церковных братствах и других благотворительных учреждениях в Курской епархии и т.д.

Так, уже во втором номере газеты за первый год издания в официальной части находим Указы Синода, отчеты об открытии училищ по епархиальному ведомству. Рядом помещены епархиальные распоряжения от Курской духовной консистории, разнообразные проповеди, выполненные в виде советов священнослужителей [20, с. 1]. Здесь же читатель знакомился и с Поучениями, прочитанными лицами духовного сана при открытии подобных училищ, например «Поучение для девиц при открытии училища при Белгородском женском монастыре» [20, с. 1–3].

Кроме того, официальная часть помещала поучительные беседы, наставления для мирян по социальным проблемам и вопросам, а также наставления по выполнению гражданских обязанностей населением. В подтверждение этому приведем публикацию следующей темы: «Беседы священника с прихожанами об обязанностях присяжных заседать в окружном суде» [20, с. 3–4].

Программа неофициальной части была утверждена Указом Святейшего синода от 1 декабря 1870 года. Выделим основные направления публикаций данного раздела:

- 1) выписки из творений Святых Отцов и духовных пастырей, которые имеют отношение к «духовным нуждам паствы и к руководству пастырей»;
- 2) общепонятно изложенные статьи догматического характера, нравственного, толковательного, церковно-исторического содержания;

3) слова, беседы, поучения, а также наставления как «благоуспешнее преподавать такие поучения»;

4) сведения и заметки о религиозном и нравственном состоянии народа и о средствах «возвышения оного, о местных расколах, предрассудках, суевериях, поверьях, а также о благочистивых и добрых обычаях и обрядах»;

5) описание особенно замечательных церковных древностей и святынь епархии, т.е. монастырей, церквей, крестных ходов и прочего;

6) жизнеописания пастырей, воспоминания о лицах, «оставивших о себе добрую память в епархии своей благочистивой жизнью и общеназидательной деятельностью», некрологи и прочее;

7) замечания, советы и наставления, пригодные сельскому священнику в разных случаях его пастырской жизни и деятельности;

8) соображения об улучшении быта духовенства и духовно-учебных заведений епархии;

9) педагогические заметки, такие как «указания лучших приемов воспитания и обучения, особенно первоначального, руководств и книг для школ народных» [25, 26];

10) краткие библиографические заметки «о более замечательных и полезных книгах и статьях духовного содержания, особенно о книгах для народного чтения» [22, 27, 28].

Конечно, светскую часть читательской аудитории «Епархиальных ведомостей» в большей степени интересовало содержание неофициальной части, поэтому редакторы газеты, как правило, старались максимально удовлетворять информационные запросы курян, сознательно расширяя программу издания.

В тематике публикаций «Курских епархиальных ведомостей» можно выделить ряд приоритетных направлений:

- нравственная атмосфера в стране и в регионе и ее взаимосвязь с политическими событиями в столицах;
- материалы, посвященные историко-краеведческим вопросам;
- статьи о школьном и домашнем воспитании.

С первых номеров «Курские епархиальные ведомости» много места на своих страницах оставляли под борьбу с расширяющимся революционным движением. Значительное внимание газета уделяла покушениям на императора Александра II, подробно описывая их характер и обличая «покусителей на жизнь Государя» [19]. Особенно подробно освещались события 1 марта 1881 года. В десятистраничном обзрении излагались версии трагических событий, предложенные наиболее авторитетными общероссийскими изданиями [32, 33]. Сотрудники «Епархиальных ведомостей» подготовили для печати подборку телеграмм, с помощью которых газета не только информировала своих читателей о случившихся событиях, но и формировала общественное мнение, направляла отношение общества к «цареубийству», к революционным методам борьбы [31]. «Курские епар-

хияльные ведомости» ежегодно помещали заметки о покушения на Его Величество Дмитрием Каракозовым 4 апреля 1866 года, публикуя эти небольшие статьи в апрельских номерах [34, 35, 36].

Популярны ведомости были благодаря традиционным развернутым историческим очеркам и обзорам, которые регулярно публиковались в неофициальном отделе и составляли еще одно направление работы издания. Так, в июле 1871 года в газете были опубликованы «Материалы по истории Курской епархии» [22, 23]. И далее газета постоянно освещала события истории Курского края, однако чаще всего, учитывая специфику издания, авторы подобных статей обращались к религиозной истории. Например, на протяжении 1871 года вышел в свет цикл статей «Белгород и его святыни» [24, 27, 29].

Издание уделяло внимание большинству культурных событий города Курска и губернии, особенно если они были связаны с какими-либо религиозными праздниками и событиями. Так, «Ведомости» сообщали, что «первых учеников приняла воскресная женская школа» [1, с. 31]. На рубеже XIX–XX вв. впервые стали работать постоянные курсы для учителей церковно-приходских школ. Все эти культурно-общественные события и многие другие нашли свое место на страницах газеты [1, с. 32–33].

«Курские епархиальные ведомости» охотно публиковали художественные произведения, сочинения священнослужителей. Конечно, уровень эстетической ценности, особенно стихотворных художественных форм, варьировался от откровенно незрелых, любительских до весьма профессиональных. Специфика издания, как представителя религиозной периодической печати, определяла направленность публикуемых на его страницах художественных произведений. В литературных произведениях, специально отбираемых для газеты, преобладала религиозно-философская лирика, исповеди, размышления о поисках Бога, пути к вере.

«Курские епархиальные ведомости» сумели познакомить своих читателей с таким необычным жанром для религиозного издания, как фельетон. Как правило, острое перо сатиры было направлено ревнителями веры на «иноверцев». Подтверждением этому служит серия статей-фельетонов «Курское сектанство», регулярно появляющееся на страницах газеты [30].

Почти в каждом номере газеты публиковались статьи мемуарного жанра и непосредственно сами мемуары. В основном подобные материалы принадлежали перу священнослужителей Курского края, хотя достаточно часто в «Епархиальных ведомостях» можно найти и мемуары простых мирян. Особенно интересны в этом отношении воспоминания прихожанина Сергиево-Казанского собора города Курска А.Н. Дружинина [37, 38]. Воспоминания Дружинина были опубликованы в виде дневника, который автор вел с 1812 по 1853 год. Данный дневник является уникальным источником по истории Курского края: в нем зафиксированы многие важнейшие события Курска указанного периода, особенно подробно описаны события

церковной истории города [37, 38]. К сожалению, дневник был опубликован в газете лишь частично.

Постепенно с развитием газеты расширялся и круг вопросов, тем, затрагиваемых на страницах газеты. Издание обращало внимание на злободневные вопросы внутренней и внешней политики, знакомило своих читателей с научными материалами, регулярно помещало на своих страницах исторические, литературоведческие, философские, педагогические и даже экономические статьи.

«Курские епархиальные ведомости» внесли большой вклад в развитие религиозной периодической печати, у которой есть свои преимущества. Это касается соблюдения этических принципов и высокой социальной ответственности перед аудиторией, отсутствием чего зачастую грешат светские периодические издания. Это и тот изначально позитивный заряд, который несет в себе церковная журналистика, благодаря чему религиозные периодические издания пользовались высоким, непререкаемым авторитетом у своих читателей. Всем перечисленным характеристикам полностью соответствовало и официальное религиозное периодическое издание Курской губернии – «Курские губернские ведомости».

Рассмотрим также структуру и основные компоненты неофициальных периодических изданий Курской губернии. Подобная периодическая печать представлена несколькими газетами, выходившими непосредственно в городе Курске и имевшими обращение в основном только в самом городе. Данный вид периодики появился только лишь во второй половине XIX века, так как довольно продолжительное время вообще единственной газетой были «Курские губернские ведомости», речь о которых шла выше.

В 1879 г. в Курске вышел первый номер издания, ставшего довольно известным и популярным среди населения и города Курска и губернии в целом. Называлась новая газета «Курский листок объявлений» [39]. Кроме того, газета сменила свое наименование: вместо «Курского листка объявлений» читатели увидели на первой полосе «Курский листок».

Печаталась данная газета на четырех полосах. В соответствии с первоначальным названием газеты – «Курский листок объявлений» – изначально данное издание по сути было рекламным, помещая на своих страницах в основном только рекламные материалы. Газета состояла из объявлений о товарах и услугах. Несомненным плюсом было размещение на страницах издания новостей хозяйства и культуры.

С развитием газета изменила свое название – ушло слово «объявлений» и читатели познакомились с обновленным «Курским листком». Внешне само издание мало чем изменилось, в нем стало помещаться больше социально-важной информации, характеризующей повседневную жизнь курян. В периодическом издании появилась рубрикация, постоянными являлись такие рубрики, как «Хроника», «Театр и музыка», «Телеграммы», «Вести из уездов». Обычно в указанных отделах помещалась

информация, характеризующая повседневную жизнь курян, новости о важных событиях, памятных датах, происшествиях. Сначала в рубрике «Телеграммы» помещались новости внутренней и внешней политики Российской империи, но со временем появились свои отделы для подобной информации – «Внутренние известия», «По России», «Иностранные известия». Со временем в газете появилось еще несколько новых рубрик, например, «Среди газет и журналов» знакомила читателей с обзором наиболее интересных, социально-значимых статей из российских газет и журналов.

В Курске, как в губернском городе, проходило достаточно много культурных событий, об этом свидетельствуют регулярные заметки в «Курском листке». Так, из газеты можем узнать о театральной жизни города: «В театре труппой драматических артистов была исполнена трехактная комедия «Ох, уж эти нервы!» [40, с. 4]. Далее в подобных статьях помещалась самая настоящая театральная критика, выполненная журналистами провинциальной газеты: «Комедия эта, или скорее фарс, переполнена всевозможными сцеплениями обстоятельств, и сама по себе не представляет интереса. При хорошем дружном исполнении артистов она доставила зрителям большое удовольствие. Публика от души смеялась, и артисты много раз были дружно вызываемы» [40, с. 4].

События культурной жизни города и губернии освещались на страницах «Курского листка» стихийно, по мере происходящих мероприятий. Например, уже по факту было рассказано читателям об открытии нового музея в Курске. Вот как об этом сообщалось: «С воскресенья 31 августа открыт на Херсонской улице в доме Гладковой для посещения публики художественный музей механически движущихся восковых фигур и большая великолепная диорама в 900 движущихся видов. Светопись по стеклу и транспарантах. Музей открыт ежедневно с 10 часов вечера. За вход 20 коп., учащиеся и дети до 10 лет платят 10 коп.» [44, с. 2]. Кроме того, информацию о мероприятиях, связанных с культурной жизнью и повседневностью курян можно найти в самых различных рубриках газеты. Так, в отделе «Вести из уездов» опубликована достаточно объемная статья, посвященная важному культурному событию уездного города Рыльска. В ней говорится, что 24 августа 1903 г. в Рыльске состоялось открытие памятника известному мореплавателю Шелехову – уроженцу данного города, современнику эпохи царствования Екатерины II. Здесь же узнаем, что «памятник работы скульптура Гисбурга-огель поставлен на Соборной площади, вблизи городского сада. Работа памятника обошлась около 7 тыс. руб., а материал – старые пушки – был пожертвован морским ведомством» [43].

В заключение, обобщим рассмотренные материалы «Курского листа» по тематике и характеру сообщений.

Во-первых, это реклама товаров, изделий, производящих их фирм, например: «Чугуно-литейный машиностроительный завод Ф.П. Степанова

в Курске с механическим заведением земледельческих машин и орудий в деревне Сазановке Тимского уезда» [46, с. 35].

Во-вторых, это объявления о торгах, аукционах, сдаче в аренду, об увольнении, изменении места жительства и другом: «Курская губернская земская управа объявляет о торгах на поставку дров для богоугодных заведений» [45, с. 98–99].

В-третьих, объявления о благотворительных акциях: «Из канцелярии Курского губернатора – о сборе пожертвований на устройство в Крыму проектируемого княгиней М.В. Барятинской санатория для “недостаточных чахоточных больных” от 1 июня 1898 г.» [45, с. 99].

В-четвертых, объявления, связанные с транспортной сферой, например, размещение на страницах газеты расписания движения пассажирских поездов по Курской городской ветви между станциями Курск-город и Курск-I. Горожане оповещались, что всего по данному маршруту ходят 6 поездов. Время в пути – 15 минут [46, с. 37].

В-пятых, «Курский листок» уделял внимание острым социальным вопросам. Так, на страницах газеты находим следующие статьи и заметки: о беспорядках в учебных заведениях Дмитриевского уезда в письме священника А.М. Петрова от 22 марта 1898 года [42, с. 4]. Жалобу о плохом питании рабочих из булочной В.А. Боброва в Курске за Московскими воротами: «...щи... вся Москва видна с уездами... суп... вся Курская губерния видна со своею Емскою слободою» с подписью «Подписался не знаю кто» от 25 апреля 1898 г. [42, с. 4]. Записка пристава 1-й части Курска с просьбой поместить в разделе «Уголовная хроника» сведения о пяти кражах на Сергиевской и Московской улицах от 12 ноября 1897 г.» [41, с. 3].

Кроме того, не обходила редакция газеты и спортивные новости. В данном контексте интересна программа велосоревнований, проходивших во время велосипедной выставки с 14 по 25 мая 1895 г. [46, с. 38]. Она достаточно содержательна. Заметим, что циклодром (велодром. – *А.В.*) находился в то время на Подвальной площади (место парка Героев Гражданской войны. – *А.В.*).

На страницах «Курского листка» регулярно публиковались литературные материалы. При публикации литературных материалов предпочтение отдавалось местным авторам и курской тематике. Сотрудники редакции публиковали и очень объемные стихи и даже поэмы, посвященные родному Курскому краю. Это говорит о любви жителей губернии и города Курска к малой Родине, популярности курских поэтов, а также о нравственном воспитании, проводимом газетой.

На момент прекращения своего существования газета была достаточно популярна и пользовалась неким авторитетом. «Курский листок» являлся типичным представителем провинциальной неофициальной периодической печати. Начиная свое существование как обычное ничем не примечательное рекламно-справочное издание, газета, развиваясь, выросла в популярного, авторитетного представителя курской прессы. Расширив

программу издания, сотрудники газеты стремились отразить разнообразные стороны курской жизни, информировать читателя о любопытных событиях. При этом одновременно повышалось качество текстов объявлений, расширялось содержание материалов. По мере развития газеты совершенствовались формы подачи материала, появляются своего рода тематические подборки. «Курский листок» становится полноценным изданием российской провинции.

Таким образом, проанализировав три ведущих издания провинциальной курской прессы (официальное правительственное, официальное религиозное и местное курское), мы можем констатировать следующее.

Во-первых, официальные издания, создававшиеся по единому образцу, имели схожую структуру и направления работы с небольшой разницей и учетом специфики.

Во-вторых, содержание местных периодических изданий отличалось большим разнообразием. В них не было, например, двух четко разграниченных отделов и т.п.

В заключение отметим, что провинциальная курская периодическая печать XIX века является важным источником в изучении политической, социально-экономической истории, вопросов повседневности, в освещении культурно-бытовых сторон жизни населения Курского края.

-
1. Бугров Ю.А. История Курской епархии. Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС» при участии Курского обл. краевед. общ-ва, 2003. 104 с.
 2. Курские губернские ведомости. 1839. № 14.
 3. Курские губернские ведомости. 1839. № 42.
 4. Курские губернские ведомости. 1841. № 4.
 5. Курские губернские ведомости. 1843. № 37.
 6. Курские губернские ведомости. 1843. № 42.
 7. Курские губернские ведомости. 1850. № 2.
 8. Курские губернские ведомости. 1867. № 11. 18 марта.
 9. Курские губернские ведомости. 1867. № 12. 25 марта.
 10. Курские губернские ведомости. 1867. № 6. 11 февраля.
 11. Курские губернские ведомости. 1889. № 10.
 12. Курские губернские ведомости. 1889. № 19. 10 марта.
 13. Курские губернские ведомости. 1889. № 21. 17 марта.
 14. Курские губернские ведомости. 1889. № 46. 23 июня.
 15. Курские губернские ведомости. 1889. № 6. 3 февраля.
 16. Курские губернские ведомости. 1889. № 75. 3 октября.
 17. Курские губернские ведомости. 1889. № 85. 7 ноября.
 18. Курские губернские ведомости. 1890. № 78. 12 октября.
 19. Курские епархиальные ведомости. 1871. 1873. 1876. 1886. [Обзор]
 20. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 1. 1 января.
 21. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 13. 1 июля.
 22. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 13. 1 июля.
 23. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 14. 15 июля.
 24. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 19. 10 октября.
 25. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 2. 15 января.
 26. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 4. 20 февраля.
 27. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 7. 10 апреля.

28. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 8. 20 апреля.
29. Курские епархиальные ведомости. 1871. № 9. 1 мая.
30. Курские епархиальные ведомости. 1878. 1880. 1883. [Обзор]
31. Курские епархиальные ведомости. 1881. [Обзор]
32. Курские епархиальные ведомости. 1881. № 10.
33. Курские епархиальные ведомости. 1881. № 11.
34. Курские епархиальные ведомости. 1883. № 15.
35. Курские епархиальные ведомости. 1884. № 17.
36. Курские епархиальные ведомости. 1886. № 16.
37. Курские епархиальные ведомости. 1903. № 17.
38. Курские епархиальные ведомости. 1903. № 19.
39. Курский листок объявлений. 1879. № 1.
40. Курский листок объявлений. 1893. № 16. 8 июня.
41. Курский листок объявлений. 1897. № 141.
42. Курский листок объявлений. 1898. № 40.
43. Курский листок объявлений. 1903. № 99. 30 августа.
44. Курский листок объявлений. 1904. № 119. 12 декабря.
45. Силакова Д.В. К истории развития рекламных отделов в курских газетах XIX – начала XX веков // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики. Курск, 2008. С. 96–108.
46. Склярчук В.И. Архив газеты «Курский листок» // Культура и интеллигенция Курского края через призму исторического опыта России. Курск, 2011. С. 35–40.
47. Шатохин И.Т. Роль «Курских губернских ведомостей» в инициировании культурной жизни Курска в конце XIX века // Культура в истории России: прошлое и современность. Курск, 2001. С. 237–275.

А.В. Андреев

РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ США КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ГРУППЫ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Б. КЛИНТОНА

Изменившаяся геополитическая обстановка, прежде всего распад СССР, привела к тому, что администрация США была вынуждена активнее привлекать специализированные научные центры для проработки внешнеполитической стратегии. Речь идет о привлечении консультативных организаций, которые оказывали экспертную поддержку в разработке и реализации внешнеполитической доктрины США после распада СССР, ключевую роль в которой заняла Россия.

При анализе работы консультативных организаций необходимо уточнение понятия «политическое консультирование», профессиональный политический консультант: «Человек, которому платят (или фирме которого платят) за предоставление услуг для одной кампании национального уровня (президентской) или более чем одной не президентской кампании на уровне ниже национального (всё равно, идёт ли речь о продвижении

кандидата или идеи) в течение одного электорального цикла. Этот человек должен заниматься деятельностью подобного рода минимум в двух электоральных циклах подряд. В число профессиональных политических консультантов при этом не входят те специалисты, которые получают вознаграждение только от одной партии или группы интересов» [1, с. 278].

Консультативные организации в США имеют следующие основные характеристики:

- ориентация на результат;
- капиталоемкие организации;
- высокая степень профессионализации;
- высокая степень индивидуализации;
- региональный характер организаций [2, с. 52].

Консультативная группа действовала в интересах президентской администрации или конкретного министерства. Консультативная группа формировалась из специализированных частных компаний. Данными компаниями проводился мониторинг ситуации, ее анализ и оказание консультаций как администрации, так и отдельным министерствам в США. Консультативные группы объединяли в себе конкретные организации, которые специализировались на определенных направлениях внешней политики.

В период администрации Б. Клинтона была сформирована консультативная группа с учетом опыта работы консультативных организаций в области исследования российской политики и экономики.

Таблица 1

Состав консультативной группы при администрации Б. Клинтона [3, с. 39]

Организация	Сотрудники	Должность
Фонд Карнеги за международный мир	Джеймс Коллинз	Директор программы российских исследований, в 1997–2001 гг. – посол США в России
Центр Никсона (с 2011 г. – Центр за национальный интерес)	Дмитрий Сайме, Пол Сондерс	Президент Центра, исполнительный директор Центра
Гуверовский институт войны, революции и мира (Стэнфордский университет)	Джордж Шульц	Почетный профессор, в 1982–1989 гг. – государственный секретарь США
Колумбийский университет	Роберт Легволд	Ведущий специалист по России, в прошлом – директор Института им. А. Гарримана
«Киссинджер ассошиэйтс»	Томас Грэм	Старший директор, в прошлом – помощник президента Дж. Буша-мл. по России

Американский институт мира	Тара Соненшайн	Вице-президент, в прошлом – сотрудник администрации У. Клинтона, занимала должность директора отдела по внешнеполитическому планированию СНБ
Центр стратегических и международных исследований	Эндрю Качинс	Директор программы российских и евразийских исследований
Центр за американский прогресс	Сэмюэл Чарэп	Ведущий сотрудник, с 2011 г. – сотрудник аппарата Государственного департамента США

В 1995 году консультативная организация «Киссинджер ассошиэйтс» подготовила проект [4, р. 15–21] реализации демократических реформ в России. На основании этого проекта консультативным центром осуществлялась оценка успешности демократических преобразований в России. При этом результаты работы российского правительства оценивались в соответствии с проектом, предлагаемым Соединенными Штатами.

В предлагаемом проекте минимальным набором инструментов, которые обеспечивали бы формирование и развитие демократии в России, были:

1) выборность должностных лиц: люди, уполномоченные принимать властные решения и применять государственную власть, должны избираться гражданами;

2) сменяемость властей: свободные, честные, часто проводимые выборы;

3) разделение властей: исполнительная, законодательная и судебная власти разделены и независимы друг от друга. Это предупреждает возможность узурпации власти, создает систему сдержек и противовесов и обеспечивает контроль общества за деятельностью государства;

4) свобода слова и информации: все граждане имеют право выражать свои взгляды, критиковать деятельность должностных лиц и получать любую информацию, необходимую для их компетентного суждения об общественных делах. Для этого должны существовать независимые от власти средства массовой информации;

5) свобода ассоциаций: граждане имеют право свободно объединяться в различные ассоциации, в том числе в политические партии, ставящие перед собой задачу победы на выборах и, таким образом, завоевания власти. Именно ассоциации граждан, а не властные учреждения должны формировать предлагаемые избирателям политические программы, чтобы реализовать их в случае прихода к власти.

6) всеобщие гражданские права: все совершеннолетние граждане должны обладать равными правами, обеспечивающими их участие в функционировании перечисленных выше политических институтов;

7) свобода предпринимательства и право собственности – правовой фундамент рыночной экономики [4, р. 17].

В основе проекта «Киссинджер ассошиэйтс» лежали основные демократические принципы. Проект «Киссинджер ассошиэйтс» предлагал для России американскую модель демократии. Реализация демократизации России в рамках американской модели была достаточно важна с точки зрения обеспечения прозрачности механизма взаимодействия с российской стороной по вопросам внешней политики. Кроме того, в большей степени США волновало продвижение американского бизнеса, который наилучшим образом функционировал в демократической системе по американскому образцу. В связи с этим, вопрос демократизации был крайне важен для США, прежде всего с точки зрения собственных национальных интересов.

В 1996 году Центр стратегических и международных исследований представил программу [5] американской помощи России в проведении демократических преобразований. Программа называлась «Демократический успех», суть ее заключалась в том, что внешняя политика США в отношении России должна была «способствовать установлению истинной демократии в России „сверху”» [5, р. 18]. Специалисты Центра стратегических и международных исследований пришли к выводу о том, что, кроме как «установление демократии сверху, в России других вариантов не может быть» [5, р. 29]. Центром был исследован исторический опыт России по либеральным реформам, и на основании этого были даны рекомендации по поводу построения определенной иерархии управления в России для ее наиболее успешной демократизации.

Программа «Демократический успех» уже в меньшей степени копировала американскую модель. Изучение исторического опыта России позволило изменить ориентир в реализации демократизации, но суть фактически осталась та же. Это утверждение демократических принципов, близких к американской модели демократии, но с учетом российских политических условий.

Программа реализации реформ в России, предусматривавшая их проведение «сверху», означала, что инициатива должна была исходить не от региональных властей, а от федеральных. При этом специалисты Центра стратегических и международных исследований в США допускали и большее дробление управления в России для осуществления контроля за реализацией реформ, которые «могут способствовать активному экономическому развитию России» [5, р. 38].

В Программе подчеркивалось, что демократизация позволит прийти к стабильности и активному экономическому развитию России. Обе позиции крайне важны, поскольку стабильность необходима в решении внешнеполитических вопросов при взаимодействии России и США, а активное экономическое развитие важно для американского бизнеса, которому было необходимо наличие стабильной политической системы и соответствующего инвестиционного климата.

Исходя из этого подхода, была предложена схема взаимодействия власти, бизнеса и населения в демократических преобразованиях в соответствии с проектом «Демократический успех» Центра стратегических и международных исследований [5, р. 35].

В соответствии с данным подходом проведение демократических преобразований в России должно было осуществляться в интересах бизнес-сообщества, прежде всего американского. В документе идет речь о «лоббировании интересов бизнес-сообщества» [6, с. 56]. Таким образом, специалисты Центра стратегических и международных исследований в США перенесли американский опыт в проект, который предлагали реализовать в России, так как именно в США активно используется лоббирование интересов тех или иных сообществ.

Программа «Демократический успех» учитывала российские реалии и предлагала реализацию демократизации России за счет федеральной власти. Концепция состояла в том, что от федеральной власти должна была исходить инициатива, которую воспримет региональная власть и впоследствии поддержит бизнес, некоммерческие организации, СМИ, оппозиция, интеллектуальная элита, наконец, население. Таким образом, программа реализуется.

Предлагаемые программы реформирования России исходили из стремления США расширить свое влияние через распространение американской модели демократии.

Демократические преобразования были связаны с необходимостью обеспечения политической стабильности в России. Демократическая политическая система рассматривалась США как наиболее стабильная, а американская модель демократии – как наиболее благоприятная с точки зре-

ния обеспечения необходимых условий для развития американского бизнеса в России. В связи с этим особое место заняли рекомендации в отношении экономических преобразований в России.

Основным направлением рекомендаций консультативной группы при администрации Б. Клинтона стало оказание финансовой помощи США России и поддержка российских рыночных реформ. По инициативе администрации Б. Клинтона США предложили Б. Ельцину и его правительству механизм оказания помощи по линии МВФ [6, с. 79]. Кроме поддержки реформ МВФ должен был помочь России в выплатах иностранных долгов, закупках продовольствия и решении социальных проблем. Условия предоставления помощи России были намного более щадящими, чем те, которые МВФ обычно устанавливал для стран, с которыми работал. Со своей стороны российское правительство обязывалось обуздать инфляцию, создать условия для инвестиций, привлекать иностранный капитал, собирать налоги и осуществлять макроэкономическую стабилизацию [6, с. 81]. Кроме МВФ помощь России начали предоставлять Европейский Союз, Мировой банк, Европейский банк реконструкции и развития и многочисленные неправительственные организации [7, с. 97].

В соответствии с рекомендациями консультативной группы администрация США стремилась стимулировать в России процессы экономических преобразований в русле рыночных реформ на базе приватизации государственной собственности и поддержки частного предпринимательства. Эти действия администрации Б. Клинтона не выходили за рамки решения следующих задач:

- обеспечение режима наибольшего благоприятствования для американского экспорта и благоприятного инвестиционного климата для американских предпринимателей;
- поощрение конверсии военного производства как эффективного средства демилитаризации России и устранения конкурента на международном рынке вооружений;
- содействие американскому бизнесу в получении доступа к сырьевым и энергетическим ресурсам России с высоким экспортным потенциалом и в перспективе установление частного контроля над ними;
- эффективное использование механизма антидемпингового законодательства для сдерживания российского сырьевого экспорта, поставок металла, где они могут оказать серьезную конкуренцию на американском рынке;
- противодействие проникновению российских экспортеров сырья, отдельных видов наукоемких товаров и услуг, вооружений на рынки третьих стран, которые могли бы оказать серьезную конкуренцию американским фирмам;
- сохранение в России крупномасштабного рынка сбыта для американской сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров;

– содействие проникновению и закреплению на российском рынке крупнейших американских промышленных корпораций, связанных с производством легковых автомобилей, компьютерной и телекоммуникационной техники, средств гигиены и косметики, табачных изделий, безалкогольных напитков, медицинских препаратов;

– активная работа на российском финансовом рынке, рынке ценных бумаг и инвестиционных рынках через отделения американских банков и специальных инвестиционных фондов;

– содействие американскому бизнесу в России (представительства и филиалы транснациональных банков и корпораций, торговые палаты, бизнес-центры, отделения ведущих консалтинговых и юридических фирм, телекоммуникационный сервис) [8, p. 78].

Экономическая стратегия администрации Б. Клинтона в отношении России, сформулированная с учетом рекомендаций консультативной группы, прежде всего была направлена на реализацию интересов американского бизнеса.

Выстраивание американо-российского диалога в период администрации Б. Клинтона по вопросу вооружений осуществлялось на основании рекомендаций «Американского института мира». Концепция его сводилась к «обеспечению безопасности в евразийском регионе за счет сокращения вооружений постсоветских стран» [9].

Таким образом, очевидно, что консультативная группа сыграла значительную роль в разработке внешнеполитической стратегии администрации Б. Клинтона. Американские эксперты предложили существенное количество программ, которые нашли свое отражение в будущем в организации политической и социально-экономической жизни России.

Привлечение консультантов позволило увеличить рациональность выработки решений в вопросах проведения российских преобразований в интересах США.

-
1. Гуськов А.В. К определению понятия «политическое консультирование» // Политика и политология: актуальный ракурс: Сб. стат. Москва; Тула, 2005.
 2. Плассер Ф., Плассер Г. Мировая практика проведения политических кампаний: анализ деятельности профессионалов и их опыта. М.: Вэйл, 2005.
 3. Ознобишев С. Россия – США: невыполненная повестка дня // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1.
 4. The democratic strategy. Russia // Kissinger Associates. Newsletter, 1995, № 5 URL: <http://maglobal.com/about-us/our-team/l-profl154712547841> (дата обращения: 10.04.2015 г.).
 5. Democratic success in Russia // The Annual Review of World Affairs, 13 September 1996. URL: <http://www.iiss.org/en/publications/strategicsurvey/issues/strategic-1996-e0/ss14-16-prospectives-2e7e> (дата обращения: 10.03.2015 г.).
 6. Смыслов Д.В. Внешнее финансирование России в переходный период. М.: ИМЭМО РАН, 2001.
 7. Московский А.И. Американский институционализм и проблемы экономической реформы в России // США, Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 1.

9. U.S/Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia. Russia. 1999 // U.S. Government, Washington, 1999. URL: <http://state.gov/p/eur/rls/rpt/eurasiafy07/2125478412.htm> (дата обращения: 15.04.2015 г.).
10. Russia's Future & U.S. Policy // United States Institute of peace URL: http://www.usip.org/files/file/russiasfuturemillemium_20/187415pdf (дата обращения: 15.04.2015 г.).

О.Н. Аргунов

РЕФОРМЫ Г.М. МАЛЕНКОВА И Н.С. ХРУЩЕВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1953–1956 гг.)

1953 г. был переломным моментом в жизни советского общества. Коренные изменения, которые произошли за время нахождения у власти «младореформаторов», пришедших сразу после смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г., по-разному отразились на историческом развитии Советского Союза, но, безусловно, были одним из важнейших событий в отечественной истории. Бурное реформирование основных экономических и общественно-политических устоев советского государства, проходившее в данный период в стране, затронуло и наиболее проблемную часть ее экономики, а именно сельское хозяйство. В данный период произошли основополагающие изменения в аграрной отрасли СССР, и Курской области в частности, которые сыграли решающую роль в окончании восстановительных процессов в сельском хозяйстве региона.

Стоит отметить, что все реформы, произошедшие в период совместного нахождения у власти Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева с лета 1953 по январь 1955 г., не только коренным образом изменили отношение руководства страны к проблемам сельского хозяйства, но и достаточно положительно отразились на жизни селян.

Сельское хозяйство Курской области находилось на грани крупномасштабной катастрофы: из-за плохих погодных условий весны – лета 1953 г. в регионе, как и в стране в целом, создалась ситуация, близкая к голоду, что противоречило выводам Г.М. Маленкова, сделанным в докладе на XIX съезде ВКП(б), о том, что зерновая проблема в СССР была решена [1, с. 97]. Показательным стал 1953 сельскохозяйственный год: несмотря на достаточно высокий уровень механизации сельскохозяйственных работ (в колхозах области тракторами было выполнено более 98,0 % всей пахоты, 94,5 % посева всех видов сельскохозяйственных культур, уборка комбайнами и практически вытеснила ручной труд во время жатвы зерновых и составила 84,5 % [2, Л. 66]) и агротехники (сроки сева были соблюдены, все агротехнические мероприятия проводились в нужные сроки), удалось получить валовый сбор зерна только 6 152,3 тыс. ц, или 38,5 млн пудов [3,

Л. 110]. Главной причиной столь малого валового сбора была, прежде всего, низкая урожайность зерновых культур, что вело к значительному уменьшению доходов колхозов, следствием чего было трудовое неучастие колхозников в общественных работах. На данном аспекте делал акцент начальник управления по сельскому хозяйству Курской области Моисеенко в выступлении на областном совещании передовиков сельского хозяйства, которое проходило 3–4 марта 1953 г.: «Я хочу привести предварительные данные за 1953 г. по 36 районам области [в январе 1954 г. было изменено административно-территориальное деление Курской области, и в ее составе остались 36 районов. – О.А.]. Денежный доход был запланирован по всем колхозам 620 млн 691 тыс. руб., но этот доход обеспечен только в сумме 241,0 млн, по предварительным данным. Урожайность в среднем составила до 7,0 ц, то есть она является меньше планируемой в два раза. На трудодень колхозникам выдача составляет до 1,0 кг и 65,0 коп. деньгами.

Говоря о трудовой дисциплине, мне хочется остановиться на таком положении. Мы имеем 105 МТС, 1 234 тракторных бригад, 961 колхоз, количество трудоспособных колхозников составляет около 300 тыс. чел. Но я должен сказать, что из них не выполнили за 3-й период минимума трудодней 58 856 чел. Не участвовало – 12 950 чел.» [4, Л. 155–156].

Достаточно плохо прошла засыпка семян: из плана засыпать 1 273,2 тыс. ц, было засыпано 1 226,34 тыс. ц, при чем качество семян было ниже среднего [5, Л. 112], что было связано с вышеуказанной проблемой.

Все это в совокупности дало весьма плачевный результат: в стране был заготовлен 1 млрд 899 млн пудов хлеба, а было израсходовано на снабжение и семенную ссуду 2 млрд 20 млн пудов [6, с. 99]. Это заставило руководство страны уже 7 сентября 1953 г. созвать пленум, на котором были вскрыты основные причины недостаточного уровня развития сталинской колхозно-совхозной системы.

Во-первых, острый перекося в сторону развития тяжелой промышленности, обусловленный потребностями послевоенного времени, угрозой новой войны и невозможностью «обеспечить одновременное развитие высокими темпами и тяжелой индустрии, и сельского хозяйства, и легкой промышленности» [7, с. 21].

Во-вторых, недостатки в руководстве сельским хозяйством, и прежде всего в нарушении принципа материальной заинтересованности колхозников, начиная с оплаты трудодня (к примеру, в Курской области в 1953 г. в среднем на трудодень было выдано 1,11 кг хлеба, 0,03 кг картофеля и 73,0 коп. денег (при этом 875 колхозов не выдали картофеля, а 33 колхоза – денег) [8, Л. 34]) и заканчивая извращенным принципом начисления натуральных поставок колхозами, когда более сильным артелям начислялись более высокие поставки, что также не стимулировало колхозников к труду [7, с. 21].

В-третьих, неудовлетворительное использование сельскохозяйственных машин и острый недостаток подготовленных специалистов сельского хозяйства. К 1953 г. в МТС Курской области имелось тракторов на 55,0 % больше, чем до войны, и на 25,0 % больше комбайнов, чем было в 1940 г. При этом среднесуточная выработка на 15-сильный трактор в самый напряженный период сельскохозяйственных работ 1952 г. не превышала 1,9 га, а простои тракторного парка за летне-осенний период составили 50,7 %, что было крайне неудовлетворительно. Это привело к удорожанию себестоимости тракторных работ: данный показатель превысил плановый на 4,0 %, что дало 2 млн 319 тыс. рублей убытка [9, Л. 231–232]. Помимо этого, по данным областного управления сельским хозяйством, трактористы, комбайнеры, машинисты молотилок и другие работники тракторных бригад МТС области остались должны колхозам за обеспечение питания 2,6 тыс. ц зерна и 3 031,0 тыс. руб., а колхозы им при этом в качестве оплаты за обслуживание – 73,0 тыс. ц зерна и 436,0 тыс. руб. [10, Л. 31]. В то же время средняя зарплата для механиков МТС не урезалась, а в денежном выражении оставалась довольно высокой: около 1 500,0 руб. в год [11, Л. 12], при гарантированном минимуме натуральной оплаты в 2,0 кг и 2,5 руб. за каждый трудодень [10, Л. 37]. Также остро не хватало механизаторов, зоотехников, агрономов и других специалистов сельского хозяйства [7, с. 22–23].

Помимо этих причин отставания развития сельскохозяйственной отрасли, отмеченных в постановлении Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», многие исследователи, в частности А.П. Погребинский, выделяют также крайне низкие закупочные цены и завышение норм поставок с личных хозяйств колхозников [12, с. 240]. Экономист А.Н. Малафеев в своей работе «История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.)» отмечал: «Средняя заготовительная цена на зерно в СССР в 1940 г. была 8 р. 63 к. за 1 ц, а себестоимость его производства в совхозах 29 р. 70 к., убыточность более 70,0 %. В 1953 г. заготовительная цена равнялась 8 р. 25 к., себестоимость в совхозах – 62,0 р., убыточность близка к 90,0 %. Убыточность производства мяса крупного рогатого скота в 1952 г. составила минимум 95,0 %, свинины – 94,0 %, молока – 78,0 %» [13, с. 267–268]. В то же время цены на рынке были значительно выше.

Вскрыв данные недостатки советской колхозно-совхозной системы, правительством, в частности Председателем Совета Министров Г.М. Маленковым, был выдвинут ряд мер, которые должны были помочь преодолеть отставание в сельскохозяйственной отрасли экономики Советского Союза, и Курской области в частности.

В первую очередь правительством были увеличены в несколько раз закупочные и заготовительные цены на основные сельскохозяйственные продукты. Так, к примеру, заготовительная цена за одну тонну картофеля выросла уже осенью 1953 г. с 30,0 до 100,0 руб., в то время как закупочная

цена осталась неизменной – 300,0 руб. за одну тонну; свинина поднялась в цене с 0,66 руб. до 3,20 руб. за килограмм по заготовительным ценам, и с 4,30 руб. до 7,0 руб. за килограмм по закупочным ценам [9, Л. 48]. Выросли цены и на остальную продукцию животноводства: например, один килограмм сданного живого веса крупного рогатого скота с осени 1953 г. стоил по заготовительной цене 1,50 руб. вместо 0,18 руб., закупочная цена выросла с 3,20 руб. до 4,10 руб.; аналогичная была ситуация и овцами: заготовительные цены выросли с 0,27 до 1,50 руб. за кг, а закупочные с 3,10 до 4,10 руб. [9, Л. 72]. Также существенно были снижены налоги с личных приусадебных хозяйств и была значительно упрощена процедура их оплаты.

Данная реформа достаточно быстро отразилась на жизни многих селян. К примеру, после сентябрьского пленума ЦК КПСС 1953 г. значительно выросла зарплата механизаторов: так, бригадир тракторной бригады Шебекинской МТС Богданов в 1952 г. выработал 90 трудодней и получил 560,0 руб., а в 1953 г. 92 трудодня, за которые получил 760,0 руб. Бригадир Наумов той же МТС в 1952 г. выработал 168 трудодней и получил 673,0 руб., а в 1953 г. за 175 трудодней – 1 050,0 руб. Стали больше получать и обычные работники МТС: за 130 выработанных трудодней в 1952 г. тракторист Ленников получил 520,0 руб., а в 1953 г. за 124 трудодня – 744,0 руб.; средний заработок ремонтных рабочих вырос с 200,0–250,0 руб. в месяц за 1952 г. до 300,0–400,0 руб. в 1953 г. [14, Л. 72–73].

Однако наибольший эффект данная реформа дала в 1954–1956-х сельскохозяйственных годах, когда большинство колхозников резко поменяло отношение к результатам своего труда, тем самым практически полностью реализовав основную задачу реформы: увеличение производительности труда в сельскохозяйственных артелях за счет прежде всего материального стимулирования.

Некоторые колхозы еще с весны 1954 г., то есть за два года до издания постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1956 г. «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах» [7, с. 288–290], стали производить авансирование труда колхозников: так, на 1 апреля 1954 г., по данным райкомов, ежемесячное авансирование установлено в 87 сельскохозяйственных артелях. Кроме того, было намечено дополнительно авансировать колхозников деньгами и натуральной оплатой в апреле в 83 колхозах, в мае – в 86, и июне и июле – в 33 колхозах. Таким образом, из 760 колхозов в июне 1954 г. выдавали авансы колхозникам 289 сельскохозяйственных артелей. Авансы выдавались в размере от 1,0 до 3,0 руб. на выработанный трудодень [15, Л. 32]. К примеру, в колхозе «Знамя коммунизма» Глушковского района авансом за первое полугодие на один трудодень было выдано по 1,0 руб. денег [16, Л. 93].

Подобные меры стали возвращать колхозников, прежде занятых на работах в городах и на сельских предприятиях, обратно в сельскохозяйст-

венные артели: по неполным данным 20-ти райкомов партии, в марте 1954 г. в колхозы вернулось 407 семей и 3 037 трудоспособных колхозников. Только в сельскохозяйственные артели Обоянского района вернулось 700 чел., Львовского – 500, Хомутовского и Ленинского – по 30 чел. К примеру, в колхозе «Память Ленина» Щигровского района бригадир четвертой бригады ежедневно «ходил по домам» колхозников и давал наряды на работу, причем выходило их меньше половины, 15–20 чел. После начала авансирования на работу стало выходить по 50–60 чел., хотя бригадир перестал «ходить по домам». В короткий срок был наведен порядок на фермах, завезены корма, на поля стал вывозиться навоз, были подготовлены семена к севу и многое другое [15, Л. 30].

Также, по указанию ЦК КПСС, в село стали направлять большое количество высококвалифицированных специалистов: только за весну 1954 г. на работу в МТС Курской области было направлено 56 директоров, 93 главных инженера, 96 заведующих мастерскими, из них высшее образование имели 231 чел. Для агротехнического и зоотехнического обслуживания колхозов были введены в штаты МТС 940 агрономов, 377 зоотехников, 215 ветеринарных работников; помимо этого, было возвращено на работу в МТС из промышленности и других отраслей народного хозяйства 16 636 рабочих; однако даже такое большое количество специалистов все еще не удовлетворяло потребности в кадрах. В училищах механизаторов к весенней посевной кампании 1954 г. обучалось 3 185 чел., но было выпущено всего только 1 097 чел. [15, Л. 18–19].

Данные мероприятия в совокупности с повышением закупочных и заготовительных цен создали благоприятные условия для значительного рывка в развитии сельского хозяйства области. Отметим результаты успехов в полеводстве и животноводстве.

Во-первых, серьезно выросли доходы многих колхозов по итогам 1954 г.: 85 колхозов области получили доходы свыше 1,0 млн руб., а 4 колхоза – свыше 3,0 млн руб.: колхоз «Имени К. Маркса» Михайловского района получил доход 3 013,8 тыс. руб. (2 751,1 тыс. руб. от полеводства) (председатель А.Г. Калюкин); колхоз «Родина Хрущева» Хомутовского района – доход 3 106,6 тыс. руб. (2 797,0 тыс. руб. от полеводства) (председатель Д.Т. Зеленский); колхоз «Имени Кагановича» Хомутовского района – доход 3 985,5 тыс. руб. (3 714,1 тыс. руб. от полеводства) (председатель М.И. Шуляк); колхоз «Путь к коммунизму» Поныровского района – доход 3 354,0 тыс. руб. (3 065,8 тыс. руб. от полеводства) (председатель И.Н. Болотин) [16, Л. 26–27].

Это позволило значительно увеличить выплаты по трудодням колхозникам: в среднем на трудодень в 1954 г. в области было выдано 1,71 кг зерна, 1,55 руб. денег, 0,118 кг картофеля, 0,284 кг сена, 0,948 кг соломы [8, Л. 55], а также значительно увеличить неделимые фонды колхозов за исследуемый период. Многие колхозники стали получать достаточно большие заработки: к примеру, семья Бардаченко Григория Федоровича из

колхоза «Красное знамя» Глушковского района. В семье 5 трудоспособных, которые заработали 2 284 трудодня, получили: денег 8 667,0 руб., хлеба 4 574,0 кг, картофеля 856,0 кг, овощей 1 016,0 кг. Семья Подубного Егора Прокоповича из колхоза «Красный Октябрь» Рыльского района получила на выработанные трудодни 280,0 пудов хлеба, 5,5 тыс. руб. и 150,0 кг сахара. Значительно выросла денежная оплата труда колхозников, особенно тех, которые работали на возделывании конопли, которая в этот период времени становилась одной из основных технических культур Курской области: так, семья Башмакова Евгения Савельевича из колхоза «Родина Хрущева» Хомутовского района, в составе которой было 3-е трудоспособных, выработала в общей сложности за 1954 г. 1 334 трудодня и получила за них в колхозе 200,0 пудов зерна и 12 300,0 руб. Семья Пучкова Алексея Ивановича из того же колхоза при наличии трех трудоспособных выработала 1 336 трудодней и получила 202,0 пуда хлеба и 14 352,0 руб. Также в 1954 г. отличилась и семья Карпова Фрола Григорьевича из того же колхоза, когда, при наличии двух трудоспособных на семью, ими было выработано 1 298 трудодней, за которые они получили 195 пудов хлеба и 12 780,0 руб. Не были обделены и работники животноводческих ферм, в частности, колхозница Мальцева Ольга Федосеевна, свиновод колхоза «Имени Кагановича» Ленинского района, за 1954 г. выработал 1 200 трудодней, за которые получила 50,0 ц хлеба и 3,0 тыс. руб. [17, Л. 21, 52, 55, 58].

Тенденция наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции продолжилась и в 1955–1956 гг., когда область достигла и превзошла довоенные качественные показатели развития аграрной отрасли региона. Так, в 1955 г. был собран рекордный урожай зерновых культур – 12,6 млн т, или 78,9 млн пудов зерна. При этом средняя урожайность составила 11,1 ц с га [3, Л. 110]. Такие показатели были достигнуты преимущественно за счет расширения посевов кукурузы, которая большей своей частью шла на корм скоту, создавая значительную кормовую базу для стремительно развивающегося животноводства.

Одновременно росло и благосостояние колхозников, о чем свидетельствуют их постоянно растущие доходы от увеличения оплаты трудодней: в 1955 г. на трудодень выдавали в среднем 2,0 кг зерна, 2,0 руб. денег, 0,3 кг картофеля, 0,5 кг сена и 1,0 кг соломы [8, Л. 55]. Значительно увеличились заработки механизаторов в МТС: средний заработок трактористов в 1956 г. составил в денежном выражении за счет МТС 3 400,0 руб. в год, плюс дополнительные начисления от колхозов, итого в среднем выходило 4 722,0 руб., или 392,0 руб. в месяц [18, Л. 61].

В этот период времени, впервые в истории курской деревни, обычным крестьянам стали предоставлять отпуска и пенсии (еще до официального их введения в 1964 г.). Например, в колхозе «Путь Сталина» Верхнелюбавского района с 1956 г. стали предоставлять отпуска колхозникам: работающим в полеводстве на 2 недели, работникам животноводства на 3

недели. Отпуска предоставлялись мужчинам, выработавшим 300 трудодней (минимум в колхозе для мужчин 250 трудодней) при 280 выходах; женщинам, выработавшим 270 трудодней (минимум для женщин в колхозе – 200 трудодней) при 250 выходах. За время отпуска колхозникам начислялось количество трудодней, равное среднемесячной выработке.

Нетрудоспособным колхозникам по старости или утратившим трудоспособность на колхозном производстве устанавливалась ежемесячная пенсия в 50,0 руб. и 16,0 кг хлеба [19, Л. 62–64].

Но стоит отметить тот факт, что, после увеличения темпов уровня развития механизации сельского хозяйства в 1954 г., в дальнейшем наблюдался спад, так как МТС не могли в полной мере обеспечить возросшие потребности аграрной отрасли в технике, несмотря на то что парк сельхозмашин неуклонно рос. Данная тенденция приводила к удорожанию продукции и снижению рентабельности производства, что в совокупности со все еще значительной зависимостью сельского хозяйства от погодных условий оставалось главным фактором, тормозящим развитие аграрной отрасли региона.

И, тем не менее, за три года реформ Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева сельское хозяйство страны, и Курской области в частности, совершило значительный рывок в своем развитии. Впервые в истории нашей страны была окончательно решена проблема голода, а также, несмотря на все трудности, была заложена значительная база для дальнейшего развития сельскохозяйственной отрасли.

Стоит отметить, что именно данные реформы, то есть: увеличение материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда, повышение закупочных и заготовительных цен и понижение налоговых ставок с приусадебных хозяйств колхозников, а также укрепление колхозов за счет увеличения неделимых фондов и усиление их высококвалифицированными специалистами сельского хозяйства, позволили в кратчайшие сроки не только закончить восстановление сельского хозяйства курского региона, но и положить начало постепенной всеобъемлющей интенсификации аграрного производства.

-
1. Маленков Г.М. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1952.
 2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. (далее: ГАОПИКО). Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 1955.
 3. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2726.
 4. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2380.
 5. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2387.
 6. Лапшина Г.Е., Пикин А.С. Торжество колхозного строя. М., 1960.
 7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет. М., 1968. Т. 4.
 8. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2196.
 9. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2049.
 10. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2190.
 11. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2050.

12. Погребинский А.П., Мотылев В.Е., Пажитникова Т.К. и др. История народного хозяйства СССР (1917–1963 гг.). М., 1964.
13. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М.: Мысль, 1964.
14. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2058.
15. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2371.
16. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2174.
17. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2386.
18. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2725.
19. ГАОПИКО. Ф. П – 1. Оп. 2. Д. 2723.

СЕКЦИЯ I

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX в.

Н.А. Артамонова

ЧАТИ – «ПРАВAYA РУКА» ФАРАОНА

Уже в начале Древнего царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) в Египте сложилась развитая и всеохватывающая система управления государством, которая проникала во все сферы жизни. Тогда строгого разделения функций служащих еще не было, но в системе администрации уже можно было выделить три ее уровня: центральный, областной и местный.

На местном уровне представителями власти были писцы, управляющие и уполномоченные царско-храмовых либо вельможно-сановнических хозяйств, а также главы поселений, отвечавшие за уплату налогов.

На областном уровне функции власти исполняли храмовые жрецы, правители номов (номархи), сановные вельможи и чиновники средних рангов. Они собирали налоги, отвечали за нормальное функционирование храмовых хозяйств, включая зернохранилища, склады готовой продукции и инвентаря, мастерские, архивы и т. п. В их же функции входила организация общественных работ на местах, особенно в сфере водного хозяйства и строительства.

Наконец, высший уровень власти – центральный – представлял собой разветвленную и специализированную систему управления. В круг обязанностей высокопоставленных чиновников входили периодические поездки по провинциям по поручению фараона. Их целью было посещение номархов и ознакомление с делами, связанными со сбором налогов. Но главным образом они проверяли, «нет ли вымогательств со стороны местной знати, знакомились с состоянием земли и ирригационных сооружений, инспектировали гарнизоны и решали юридические споры» [1, Сс. 220–221].

Во главе этой системы стоял первый министр фараона, или, как его называли в Египте, чати (в зависимости от перевода джати или тати, а также в литературе встречаются термины верховный сановник, везир или визирь). Чати сначала был жрецом города – резиденции правителя. Он вместе с тем являлся начальником царского двора, ведающим придворным церемониалом, канцелярией фараона [2, с. 19]. В то же время он регулярно исполнял функции верховного судьи [3, с. 81]. Вероятно, его титул «первый после царя» [4, с. 126] был оправдан закрепленной за ним ответственностью.

Несмотря на то что страна эпохи Древнего царства состояла из двух частей, «соединенных личной унией» [4, с. 125], управлял ею один высо-

копоставленный наместник, «начальник всей страны, Юга и Севера» [4, С. 125]. Он же занимал одновременно должность градоначальника столицы [5, с. 21], что стало обычаем и сохранилось в последующих периодах. Это также свидетельствует о том, что в следующем периоде «полномочия чати выходят за рамки управления царским двором, царским хозяйством» [2, с. 19].

Тем не менее особых изменений в функциях и положении чати Среднего царства (середина XXI–XVIII вв. до н. э.) не наблюдалось.

Однако данных по периоду Нового царства (XVI–XI вв. до н. э.) более чем достаточно, чтобы утверждать, что в связи с расширением территории египетского государства и усложнением системы государственного управления должность чати делится между должностями двух везиров: «везира Севера, который, находясь в Мемфисе, управлял всей северной частью государства до Сиутского нома включительно, и везира Юга, управлявшего всей южной частью государства – от южных границ Сиутского нома вплоть до нильских порогов» [6, с. 64]. Таким образом, южный везир управлял столицей государства – Фивами (и в соответствии с этим носил особый титул «начальника города»), а также особым административным округом, который назывался «голова юга» и охватывал собой самую южную часть государства. Но существует документ, создание которого, вероятно, приходится на период Среднего царства [5, с. 17], тем не менее использовавшийся и в Новом царстве. Судя по его определенным указаниям, можно предположить, что везир юга занимал более высокое положение, чем везир севера. Это «Предписание о служебных обязанностях верховного сановника» [7, с. 79]. Так, например, везиру юга «будут докладывать о состоянии крепостей юга и севера» [7, с. 79], т. е. расположенных на территории всего государства. К тому же, он ведал всеми делами «в Верхнем или Нижнем Египте» [7, с. 79].

Какие бы изменения ни претерпевали обязанности чати в течение Древнего, Среднего и Нового царств, он, безусловно, был ответственен перед царем во всех своих делах, о чем свидетельствует следующий пункт «Предписания...» «[Посещение верховным сановником фараона]»: «Затем он войдет приветствовать владыку, который да будет жив, невредим и здоров. [Он] будет докладывать ему о состоянии обеих [египетских] стран в его доме ежедневно» [7, с. 80]. Но в обязанности самого чати входило принимать доклады от самых разных чиновников и подвластных ему организаций: «Ему будут докладывать начальники сотен [чиновники] шенту (термин не определен) и начальники ... о своих делах» [7, с. 79], «...это он будет вызывать окружных чиновников и это он будет посылать их, чтобы они докладывали ему дела своих округов» [7, с. 81], «Это он будет отправлять всех доверенных дворца, посланных к местным князьям и градоправителям. Это он будет отправлять всех путешественников и все экспедиции дворца» [7, с. 81], «...все должностные лица, от первого до послед-

него, являются в палату верховного сановника приветствовать его» [7, с. 81].

Чати назначал четырех «докладчиков», которые три раза в год должны были представлять ему отчеты о делах провинций: «Это он будет назначать исполняющих должности сановников Верхнего и Нижнего Египта, южной части Верхнего Египта и Тинитской области [к северу от Фив]. Они будут докладывать ему обо всем случившемся у них каждые четыре месяца. Они будут доставлять ему записи о том от себя и своих присутствий» [7, с. 81].

Еще во времена Среднего царства за чати утвердилось руководство центральными правительственными архивами, после чего он мог называть себя человеком, «утверждающим пограничные записи, размежевающим земельного собственника с его соседом» [3, с. 164]. У него хранились все земельные документы в масштабах провинций: «Документ области будет находится в его палате, чтобы можно было слушать [дела] о любых пашнях» [7, с. 82].

Отсюда вытекает вывод, что в ведении чати находилось все хозяйство страны. Он должен был лично ответить на все вопросы, связанные с земельным фондом государства: «Что же касается всякого, кто обратится к верховному сановнику по поводу пахотных земель, то он потребует его к себе...» [7, с. 81]. Он занимался наследственными вопросами: «Ему будут доставляться все завещания; это он будет запечатывать их. Это он будет отводить наделы на всех земельных участках» [7, с. 81].

Чати следил за соблюдением границ наделов: «Что же касается всякого просителя, который скажет: «наша граница была передвинута», то посмотрят, что оно [снабжено] печатью соответствующего сановника, и тогда он взыщет взысканное в пользу присутствия, передвинувшего ее. Что же касается каждого... и всего, что случится с нею во время рассмотрения чего-либо в нем, то будут записывать [заявление] каждого просителя, не допуская его обращаться к судье» [7, с. 81].

Он же самолично определял территории различных участков и областей: «Это он будет устанавливать границы каждой области, каждого пастища, каждого храмового хозяйства, каждого владения» [7, с. 82].

В его функции входило следить за установленным объемом урожая: «Это он будет посылать местных князей и градоправителей по поводу урожая летом» [7, с. 82], «Это он будет устанавливать недоимки, имеющиеся в Фивах и резиденции, согласно сказанному во дворце» [7, с. 81].

В его обязанности входило следить за состоянием водного снабжения страны: «Это он будет посылать окружных чиновников проводить обнесенные плотинами каналы во всей стране» [7, с. 82], «Это он будет осматривать питье каждые десять дней...» [7, с. 82], «Ему будут докладывать восход Сириуса и... Нила. Ему будут докладывать о дожде...» [7, с. 82].

Помимо этих основных хозяйственных функций, имелись и более мелкие: «Это он будет посылать рубить смоковницы согласно сказанному

во дворце» [7, с. 82], «Это он будет составлять списки всех быков, подлежащих внесению в списки» [7, с. 82] и т.д.

Во времена Нового царства чати являлся главой судебной администрации, имея исключительные судебные права в качестве председателя «шести больших палат» и «палаты тридцати» [3, с. 164]. Например, он мог вынести приговор в своей же палате: «Пусть ни один сановник не присваивает себе права приговора в его палате» [7, с. 80]. Или наказать преступника здесь же: «Пусть ни один сановник не присваивает себе права телесного наказания в его палате» [7, с. 80].

Здесь же видим, что, условно говоря, кабинет чати был закреплен исключительно за обладателем, а те, кто нарушал это правило, несли ответственность за это: «Ему будут докладывать о каждом деле, касающемся его палаты, – с тем чтобы он его передал в нее» [7, с. 80]: «Если возникнет жалоба на одного из сановников, присутствующих в его палате, то он велит привести его в судебное присутствие. Это верховный сановник накажет его соответственно его проступку» [7, с. 80].

Чати рассматривал разнообразные судебные вопросы: «К нему будут поступать из дворца все дела. Это он будет слушать каждый приказ. Это он будет допрашивать о недостатках каждого храмового хозяйства. Это он будет налагать все подати доставкой продовольствия в пользу всякого, кому они будут даваться» [7, с. 82]. И заверял все своим именем: «...это он будет запечатывать его (документ) своею печатью» [7, с. 82].

Иными словами, в правосудии Нового царства чати играл главную роль. Теперь древние вельможи, некогда обладавшие важными судейскими полномочиями, спустились до ступени простого вспомогательного совета при публичных присутствиях визиря, где они, вероятно, уже «не удерживали за собой совещательного голоса» [3, с. 232].

Чати лично возглавлял государственную сокровищницу [8, с. 56]. Но это утверждение Древнего и Среднего царства. Могущественный визирь Ментухотеп при Сенусерте I занимал эту должность [3, с. 164]. Но с XII династии начинается разграничение должности казначея (он же являлся хранителем печати) и чати. Это же доказывает текст «Предписания...», где отчетливо видно, что начальник казны (казначей) и чати периода Нового царства – это разные люди и они взаимноответственны друг перед другом: «Затем верховный сановник выйдет из двери дворца. Тогда начальник казны встретит его и доложит ему следующее: «Все твои дела в полном порядке; все должностные лица доложили мне следующее: «Все твои дела в полном порядке, дворец цел и невредим». Тогда [верховный сановник] доложит начальнику казны следующее: «Все твои дела в полном порядке, все учреждения резиденции целы и невредимы. Мне было доложено о закрытии запоров в урочное время и открытии их в урочное время всеми должностными лицами» [7, с. 80]. Но, судя из вышесказанного, должность чати была намного выше, чем должность казначея.

Чати был едва ли не самым осведомленным человеком во дворце, так как ему докладывали обо всех посещениях резиденции: «Когда будет выходить все, что имеет право на выход из дворца, ему будет доложено [о том], когда будет входить все, что имеет доступ во дворец, ему будет доложено [о том]. Что же касается всего, что имеет доступ, и всего, что имеет право на выход, на территорию резиденции, когда они будут входить и когда они будут выходить, это его доверенный будет впускать и выпускать их» [7, с. 79].

Чати приходилось организовывать безопасность фараона и численность вооруженных сил, сопровождавших его в походах: «Это он будет устанавливать общее количество войска, которое будет двигаться следом за владыкой при путешествиях на север и юг» [7, с. 81].

Он набирал войско: «К нему будут приводить надзирателя государственной... и войсковое присутствие для дачи им воинского предписания» [7, с. 81].

Таким образом, он был после фараона самым могущественным человеком в государстве. Вследствие этого должность верховного сановника занималась в эпоху IV династии наследным принцем [3, с. 81], а при V и VI династиях ее занимал какой-либо из высокопоставленных сановников-вельмож из знатных фамилий [8, с. 56].

Но это не было закономерностью. Конечно, нельзя было просто занять должность чати. Человек из знатного рода или же принц должны были обладать незаурядными способностями, чтобы справляться с таким количеством обязанностей.

Наиболее известным сановником Древнего царства был Имхотеп, визирь и архитектор Джосера, первого царя III династии, создатель Ступенчатой пирамиды. Называет она еще одного великого визиря Хеминуина, «любимца Гора Хуфу (Хеопса)» [9, с. 73]. Известны имена двух визирей III династии, Кегемни (Каджемми) и Птаххотепа [3, с. 83], мудрость которых «запечатленная в письменах, жила многие века после того, как само Древнее царство отошло в область преданий» [3, с. 83].

Надписи Среднего царства дают сведения о карьере вельможи Нахта, который, получив после смерти отца в наследство город Менат-Хуфу, впоследствии проделал карьерный путь до «начальника Юга» [4, с. 141]. Но вся его семья была знатного происхождения. Большинство царей XII династии назначали на должность чати сына-наследника [4, с. 109].

Данные периода Нового царства говорят о том, что теперь чати не избирался царем из числа собственных родственников. Деятели «продвигались к этим должностям по карьерной лестнице» [10, с. 288]. Известно также, что должность чати, «согласно правилам, могла передаваться по наследству» [10, с. 288]. По данным египтолога Александра Морэ, «...известна семья из Фив, жившая в эпоху Нового царства, из которой вышло несколько визирей (Усер, Рехмир)...» [10, с. 288].

Говоря о чати времени Нового царства, нельзя не сказать о Хапусо-небе [9, с. 178], который являлся самым влиятельным сторонником царицы Хатшепсут. Исследователи часто указывают, что без его помощи царице не удалось бы занять положение фараона.

Довольно много данных можно взять из гробниц везиров Амонусера (времени Тутмоса III), Амонемипета (времени Аменхотепа II) и Пасара (времени Сети I – Рамсеса III). Именно в их гробницах засвидетельствовано «Предписание о должностных обязанностях верховного сановника». Эти надписи говорят о чувстве гордости за занимаемый чин. Например, гробница везира Рехмира расписана изображениями, где, как пишет Л. Котрелл, «Рехмира получает пищу в качестве жертвоприношения, Рехмира осматривает дворец, Рехмира принимает гостей на пиршестве, Рехмира бьет острой рыбой в Ниле» [1, с. 225]. Указание занимаемого положения и перечисление сделанных добрых дел, с точки зрения религии, имело значение и для загробной жизни.

О деятельности чати можно судить не только по тексту «Предписания...». «Декрет Сети I из Наури» – документ периода Нового царства, также отчасти сообщающий о том, что должен делать верховный сановник (и не только он, так как обращение идет к «вирзию, серам, семерам...» [11, с. 83] и т.д.). Кроме того, этот документ содержит определенные наказания для чиновников или всего народа за разного рода преступления.

Чтобы могущество и всевластие чати, а в целом всех чиновников, имело границы, в XIV в. до н.э. фараон Хoremхeб издает документ, который дополнительно к вышеуказанному документу ограничивает деятельность сановников. «Указ Хoremхeба» также содержит целый ряд наказаний, грозящих чиновникам за превышение своих полномочий. К примеру, предостережение судебному присутствию: «Не якшайтесь с другими, не берите взятку от другого...» [12, с. 102].

Существует документ, более отражающий моральный облик и действия чати – «Назначение везира». Этот документ требовал от чати справедливого и равноправного рассмотрения дел: «Не суди [неправедно], ибо ненавидит бог лицепрятие. Это учение, делай же подобное. Взирай на того, кого ты знаешь, так же, как на того, кого ты не знаешь, на близкого тебе, как на далекого» [13, с. 135]; правдивого решения: «Вот достигнешь ты успеха, исполняя свою должность, творя правосудие. Вот то, чего желают, это свершения правосудия в речениях везира. Вот [что же касается везира], это ее (т.е. истины) справедливый страж со времени богов» [13, с. 135]; здравого и взвешенного осмысления: «Не гневайся на человека напрасно; гневайся на то, на что следует гневаться» [13, с. 135] и т.д. Требования, которые документ предъявляет везирию, вероятно, были закреплены в египетской традиции, восходящей, может быть, еще ко времени Древнего царства.

Сами чати также, имея славу мудрецов, считали нужным оставить наставления будущим поколениям. Среди наиболее интересных текстов

встречаются «Поучения» (или «Премудрости»), авторство которых, предположительно, приписывается вышеуказанным визирям Кагемни и Птаххотепу. Содержание этих документов не что иное, как «простые правила хорошего тона и поведения в приличном обществе» [3, с. 79].

В заключение важно сделать вывод о том, насколько необходима и важна была должность чати. Конечно, первым лицом государства всегда и везде являлся фараон, который представлялся простому народу потомком богов. Но все земные заботы были переданы в обязанность чати, и он нес ответственность за любую провинность, недочет или чью-то ошибку перед фараоном. Он был главным лицом в суде, экономике страны и армии в мирное время. Его круг обязанностей был настолько широк, что в его распоряжении был целый легион чиновников, который так же должен был отчитываться перед ним. Следовательно, необходимость возникновения такой должности как первый министр фараона, или чати, была оправдана политической и экономической ситуацией в Древнем Египте.

-
1. Котрелл Л. Во времена фараонов. М.: Наука, 1982.
 2. Крашенинникова Н.А., Жидков О.А. История государства и права зарубежных стран. М.: Изд-во «НОРМА-ИНФРА», 1998.
 3. Тураев Б., Брестед Д. История Древнего Египта. М.: Изд-во «АСТ», 2003.
 4. Эрман А. Государство, армия и общество Древнего Египта. М.: Центрполиграф, 2008.
 5. Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права. Л.: Изд-во Гос-ного Эрмитажа, 1960.
 6. Авдиев В.И. Военная история Древнего Египта. М.: Советская наука, 1959.
 7. Предписание о служебных обязанностях верховного сановника // История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002.
 8. Васильев Л. История древнего востока. М.: Высшая школа, 2001.
 9. Мертц Б. Древний Египет: храмы, гробницы, иероглифы. М.: Центрполиграф, 2007.
 10. Морэ А. Нил и египетская цивилизация. М.: Центрполиграф, 2007.
 11. Декрет Сети I // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. М.И. Коростовцева. М.: Высшая школа, 1980.
 12. Указ Хоремхеба // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. М.И. Коростовцева. М.: Высшая школа, 1980.
 13. Назначение везира // Очерки древнеегипетского права / под ред. И.М. Лурье. Л.: Изд-во Гос-ного Эрмитажа, 1960.

М.Ю. Лопатина

ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ЕГИПТА В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Исследование поздней античности (IV–VII вв.) привлекает большое внимание в последние десятилетия, так как общество этой эпохи было во многом похоже на наше – также переходное. Главной проблемой той эпохи была ситуация неотвратимо назревающего политического и экономиче-

ского кризиса (неэффективность действий правительства, спад в экономике). Общественная реакция не смогла противостоять проблемам, стоявшим перед Римской империей, и предотвратить падение ее западной части. Все указанные проблемы имели определенную специфику в отдельных провинциях и исторических регионах. Однако восточные провинции, пережив трансформацию, вошли в византийский этап своей истории. Одним из наиболее ярких таких регионов был позднеантичный Египет. Данная работа направлена на уточнение, конкретизацию, классификацию существующих направлений в историографии позднеантичного Египта с учетом методологических инноваций последних десятилетий. Новизна исследования состоит в том, что после работ Г.Л. Курбатова 1970-х гг. в отечественной науке к проблемам историографии поздней античности и ранней Византии ученые специально не обращались. Не было и комплексных исследований отдельных регионов ранней Византии. В связи с этим были использованы такие методы исследования, как сравнительно-исторический, метод анализа и синтеза.

Если в I пол. XX в. много внимания уделялось военной, юридической и административной истории позднеантичного Египта, было опубликовано много позднеантичных папирусных документов (J. Maspéro, H.I. Bell; PCair.Masp., PLond), то позднее интерес перешел на изучение административной истории (M. Gelzer, G. Rouillard). Отечественные ученые И.Ф. Фихман (папирология) и А.И. Павловская (сельская округа) с 1970-х гг. внесли важный вклад в данный раздел историографии. К сожалению, их важные работы не стали широко известными в мировой науке. В 1970–1980-е гг. исследования охватили новый широкий круг проблем: выражение социального статуса в номенклатуре и титулатуре, социальная мобильность, влияние законодательства на повседневную жизнь общества, собственность на землю и её эксплуатация, динамика отношений между городом и деревней, общее культурное наследие образованных жителей Египта (J.G. Keenan, L.S.B. MacCoull и др.) [1]. Значимость этих трудов бесспорна, но ныне они нуждаются в некоторых уточнениях.

Изучение позднеантичного Египта активизировалось в последние 30 лет в контексте более широкого спектра социальных, экономических и культурных трансформаций на фоне позднеантичной транзитивности. Рождение концепции поздней античности П. Брауна с 1980-х гг. значительно расширило исследовательское поле. Приведем самых активных и глубоких в настоящее время учёных в области изучения позднеантичного Египта.

Roger S. Bagnall [2]. Специализируется на социальной и экономической истории эллинистического, римского и позднеантичного Египта. Он является соучредителем мультиуниверситетского консорциума, создающего передовую Папирологическую информационную систему, и одним из главных редакторов 13-томной «Encyclopedia of Ancient History», которая появилась в ноябре 2012 года. Багналл возглавляет проект раскопок в Amheida (оазис Дахла, Египет) при Нью-йоркском университете. Текущие

проекты включают в себя редактирование надписей из базилики на Агоре античной Смирны и публикации текстов с раскопок в Amheida и Berenike. Среди его наиболее известных работ: «Egypt in Late Antiquity» [3], «The Demography of Roman Egypt» [4], «Reading Papyri, Writing Ancient History» [5], «Everyday Writing in the Graeco-Roman East» [6].

Linda Hulin [7]. Научный сотрудник Оксфордского центра морской археологии. Центральное место в научных интересах занимает важность социальных отношений в восточной части Средиземноморья, в частности Леванте, Египте, Ливии и Кипре. На данный момент руководит исследованием западной прибрежной области Мармарики (в 35 км восточнее Тобрука). Это подводные и земельные изучения, направленные на восстановление информации о человеческой деятельности от среднего каменного века до XIII в. н.э. на земле, в море и пустыне в полузасушливой зоне, ограниченной сложной имперской экономикой. До этого разрабатывала такие темы, как эстетическое взаимодействие и материальная культура, отношения между оседлыми и кочевыми общинами в Восточной Ливии (неолит – византийский период), ливийцы и египтяне в западной пустыне Египта. Л. Хулин готовит монографии «Being imperial: empire, society and culture in New Kingdom Egypt», «The materiality of the mundane. Innovation and social form in Imperial Egypt and the Levant».

Arietta Papaconstantinou [8]. Преподаватель в университете Рединга. Научные интересы Arietta Papaconstantinou's охватывают религиозную, социальную, экономическую историю Египта и Ближнего Востока в период перехода от Римской империи к Халифату. Особый интерес проявляет к изучению христианских общин в течение первых двух веков исламского правления. Она использует широкий круг источников и подходов, от экономических до текстовых и языковых, а также традиционные источники повествования, данные археологии, папирологии и эпиграфики. В настоящее время работает над проектом «Credit, debt, and the transformation of rural society in Egypt and Palestine from Constantine to the Abbasids», изучающим эволюцию и последствия займов и задолженности в сельских обществах Египта и Палестины с IV по VIII вв.

Jean-Luc Fournet [9]. Директор практической Школы высших исследований (отделение истории и филологии). Изучает историю и культуру византийского Египта, позднеантичные амфорные картины, папирологию. Большая часть его монографий посвящена истории и культуре Египта: «Hellénisme dans l'Égypte du VIe siècle: La bibliothèque et l'œuvre de Dioscore d'Aphrodité» (1999), «Les archives de Dioscore d'Aphrodité cent ans après leur découverte. Histoire et culture dans l'Égypte byzantine» (2008), «Alexandrie: une communauté linguistique? ou la question du grec alexandrin» (2009).

Raffaella Cribiore [10]. Профессор Классики в Нью-Йоркском университете. Специализируется преимущественно на образовании в греческом и римском мире, папирологии, античной риторике. Она является автором

работ, в которых раскрывается суть образования в античном Египте. Например, книга «Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt» [11] показывает, как учили навыкам письма в греко-римском Египте, а «Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt» [12] описывает, как люди учились и практиковали навыки грамоты, как функционировали школы и из чего состоял учебный план. В 2006 г. вышел замечательный труд Р. Крибиоре в соавторстве с Р. Багналлом «Women's Letters from Ancient Egypt 300 BC–AD 800» [13], показывающий уровень образования и культуру женщин в античном Египте, язык письма, их повседневные заботы и занятия.

Проблемы генезиса и развития монашества в Египте, в том числе и в гендерном аспекте, разрабатывают Ребекка Кравиек и Ева Випсзюска. Мария Дзиельска внесла весомый вклад в изучение самой известной женщины-ученой Древнего мира – Гипатии Александрийской.

Впервые в отечественной науке к культурным аспектам истории позднеантичного Египта обратился А.Б. Ковельман. С рубежа XX–XXI ст. отечественные исследователи данного региона значительно активизировались (А.Л. Хосроев, А.А. Войтенко, А.Б. Ванькова, Е.Г. Толмачева), сосредоточив внимание преимущественно на проблемах истории церкви, монашества и коптов. Египетские сюжеты этой эпохи привлекли внимание, среди прочих, и молодых исследователей из Белгорода (А.Ю. Рышковская, М.А. Руднева, Г.А. Косовская). В целом среди основных тем истории позднеантичного Египта в порядке важности можно выделить следующие: экономическая история, «государственное хозяйство», папирология, административная история, бюрократия, повседневная жизнь, гендер, история церкви, межконфессиональные и межэтнические отношения, Александрия, финал языческих культов, культурные процессы, история науки, персоналии.

1. Late Antique Egypt URL:

<http://library.duke.edu/rubenstein/scriptorium/papyrus/texts/greek/late-antique.html>. (дата обращения: 15.03.2015 г.).

2. Roger Bagnall URL: <http://isaw.nyu.edu/people/faculty/roger-bagnall>. (дата обращения: 15.03.2015 г.).

3. Bagnall R. Egypt in Late Antiquity. Princeton University Press, 1995. 388 p.

4. Bagnall R. The Demography of Roman Egypt. Cambridge University Press, 2006. 392 p.

5. Bagnall R. Reading Papyri, Writing Ancient History. Routledge, 1995. 168 p.

6. Bagnall R. Everyday Writing in the Graeco-Roman East. University of California Press, 2012. 196 p.

7. Linda Hulin URL: <http://www.orinst.ox.ac.uk/staff/eanes/lhulin.html>. (дата обращения: 15.03.2015 г.).

8. Arietta Papaconstantinou URL: http://www.ocla.ox.ac.uk/biog_papaconstantinou.shtml. (дата обращения: 15.03.2015 г.).

9. Jean-Luc Fournet URL: http://www.cfeb.org/curriculum/mba_fournet.pdf. (дата обращения: 15.03.2015 г.).

10. Raffaella Cribiore URL: <http://classics.as.nyu.edu/object/raffaellacribiore.html>. (дата обращения: 15.03.2015 г.)

11. Cribiore R. Writing, Teachers, and Students in Graeco-Roman Egypt. American Society of Papyrologists, 1996. 316 p.
12. Cribiore R. Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt. Princeton University Press, 2005. 288 p.
13. Cribiore R. Women's Letters from Ancient Egypt 300 BC–AD 800. University of Michigan Press, 2006. 440 p.

Н.Е. Третьякова

ДОЛЖНОСТЬ И ФУНКЦИИ ПРЕФЕКТА В АФИНСКОМ ЭКЗАРХАТЕ

После образования Карфагенского (Африканского) экзархата в 590 году, Маврикий провел административную реформу. Должность экзарха стала высшей государственной должностью, совместив функции военного, гражданского и религиозного управления. Несмотря на это, должностной пост в лице префекта претория был сохранен.

Проблема установления Карфагенского экзархата и его существования на протяжении двух веков является малоизученной в отечественной историографии, посему делает выбранную тему для исследования актуальной.

Цель работы – проанализировать должность и функции префекта в Карфагенском экзархате.

Основным источником по данному вопросу является географический список Георгия Кипрского [1]. Он был включен в Свод византийских епископских уведомлений. Этот текст был утрачен, но, благодаря всестороннему исследованию Гельцера, был реконструирован. Также в ходе исследования нами активно был использован труд Шарля Диля «Византийская Африка» [2].

Итак, рядом с экзархом, «генерал-губернатором» Византийской Африки, должность префекта претория потеряла свое значение. Несмотря на то что его (префекта) еще именуют титулами «Превосходительство» и «Высокопреосвященство», он перестает быть первым лицом в Провинции, и его полномочия значительно уменьшаются [1]. Попытаемся разобраться, какие функции и привилегии остались у префекта после появления должности экзарха. Мы с уверенностью можем сказать, что префект оставался главой гражданской администрации [1]. Как и прежде, он контролирует губернаторов провинций, несет ответственность за поддержание общественного порядка и за соблюдение законов, его судебные полномочия также не вызывают сомнений [1]. Велика роль префекта в управлении финансами: все, что касается сбора и распределения налогов, находилось в его юрисдикции. Например, Григорий Великий жаловался на префекта Инно-

кентия, обвиняя его в чрезмерном налогообложении, в том, что провинциальные губернаторы требуют от налогоплательщиков сверх положенного. Он писал: «Лекарство привело к болезни, которая проистекает из должностных полномочий» [1]. В обязанности префекта входит и организация религиозной полиции: это относится к обеспечению выполнения указов, выдвинутых против донатистов [2,]. Мы можем заключить, что ничего в привилегиях и функциях префекта не изменилось. Как и прежде, он наделен административными, юридическими и финансовыми полномочиями. Однако если мы поспешим сделать такой вывод, то окажемся не правы. Теперь по всем вышеприведенным пунктам префект управляет в сотрудничестве с экзархом. Например, в религиозных делах патрикий (он же — экзарх) имеет гораздо большее значение, чем префект. Даже в области финансового управления, которая входит в полномочия префекта, генерал-губернатор имеет право надзора [2].

Теоретически префект претория остается главой гражданского правительства; в VII веке президы несут перед ним ответственность за свои действия, префекту поступают жалобы на поведение провинциальных чиновников. Что касается помощников, которые имелись у префекта претория, то о них не существует никаких свидетельств в документах конца VI века [2]. Лишь в 570 году в императорском рескрипте упоминается должность *offīcium* (чиновника). Также рескрипт утверждает, что данная должность существовала и в первой трети VII века [2].

Тем не менее ошибочно было бы заключать, что исчезла вся прежняя система управления, но в большинстве случаев осуществление конкретных функций находилось в руках экзарха. Роль префекта понизилась до одной из нижестоящих должностей в числе префектуры.

1. Georgii Cyprii. *Descriptio orbis Romani* / éd. H. Gelzer. 1890. P. 4–43.

2. Diehl Ch. *L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709)*. P.: Ernest Leroux, 1896. P. 489–494.

**ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ СУДЖАНСКОГО УЕЗДА
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.
(КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ ХРАМ И
ЦЕРКОВЬ ДМИТРИЯ СОЛУНСКОГО)**

В новой России растет интерес к истории Русской Церкви, которая, на наш взгляд, изучена пока с ещё недостаточной полнотой. В этой связи представляет определенный интерес изучение церковной среды на микроуровне. В данной статье предпринимается попытка (в пределах возможного) реконструировать историю двух сельских приходов Суджанского края – при Крестовоздвиженской церкви и храме Дмитрия Солунского. Источниками настоящего небольшого исследования послужили клировы ведомости, документы Суджанского районного совета депутатов трудящихся, метрические книги, документы главного управления МЧС России по Курской области, а также информация, любезно предоставленная священником Крестовоздвиженской церкви о. Всеволодом.

Первоначально обратимся к истории церкви Дмитрия Солунского, находившейся в селе Русское Поречное. Из клировой ведомости за 1917 г. [1, Л. 35–37] узнаем, что в селе Русское Поречное лиц православного вероисповедания было 918, а также отмечено, что в селе жили 137 раскольников. Религиозные потребности православных удовлетворялись полностью. Православные состояли в приходе храма Дмитрия Солунского, христианского святого, почитаемого в лике великомучеников, пострадавшего во время правления императора Диоклетиана. Память совершается в православной церкви 26 октября (8 ноября).

По данным метрических книг, храм был построен в 1790 г. «тщаниями» и пожертвованиями прихожан. В одном из важнейших источников по изучению церкви – клировых ведомостях за 1915 г. [2, Л. 37–38] – сказано, что здание прихода было деревянным на каменном фундаменте, с такой же особой колокольной, покрыто железной крышей. Благодаря этой информации, можно сделать вывод, что для строительства храма выбирался прочный и долговечный материал. Место расположения храма значится как неудобное: «под буграми, возле реки» [2, Л. 37–38]. Приход имел земельные участки [2, Л. 37–38]: приусадебный в размере 2,5 десятин; сенокосный в размере 10,5 десятин и полевой в размере 46,5 десятин. Общая площадь церковной земли составляла 59,5 десятин. Все эти земли приносили внушительный доход, но не от получения с них урожая, а от сдачи земли в аренду крестьянам. Средний доход с аренды этой земли составлял 400 рублей в год [2, Л. 37–38]. Продолжая тему материального достатка, стоит упомянуть и «кружечный» доход. «Кружечным» доходом являлись

пожертвования прихожан на содержание и благоустройство храма. К примеру, за 1915 г. этот доход составил 160 рублей [2, Л. 37–38]. Распоряжался всеми денежными средствами храма приходской совет, в который входили священник, староста, казначей и другие лица, заинтересованные в благополучии храма. Приходским советом определялся размер жалования как священника и дьякона, так и псаломщика. По данным клировой ведомости за 1915 г. [2, Л. 37–38], жалование священника составляло 300 рублей в год, псаломщика – 100 рублей в год [2, Л. 37–38], а о жаловании дьякона информация отсутствует. Такая структура управления приходом существует и сейчас. Также в собственности прихода было здание церковно-приходской школы, которая была открыта в 1900 г. [2, Л. 37–38]. В селе имелаась и земская школа, открытая в 1890 г. По данным клировых ведомостей за 1917 г. [1, Л. 35–37], в церковно-приходской школе обучалось 15 мальчиков и 13 девочек. Посещали её преимущественно дети зажиточных селян. Уроки для них давал Виктор Егорович Агибалов [3], основными предметами для изучения являлись русский язык, арифметика, Закон Божий. Позже земство изыскало средства на постройку нового здания, и в 1912 г. открылась обновленная школа. По статусу она являлась 2-классной и относилась к Министерству народного образования. В школе имелись 4 классные комнаты. В церковной библиотеке насчитывалось 318 томов книг, предназначенных для чтения. Также за преподавание «закона божьего» священнику выплачивалось жалование в размере 150 рублей в год (120 рублей в земской школе и 30 рублей в церковно-приходской школе).

В связи с тем что в селе было довольно большое количество раскольников (137 человек), на плечи священника возлагалась противораскольническая миссия.

К сожалению, судьба храма оказалась печальной. МЧС России сообщает: «5 июля 1988 года в 5 утра в пожарную охрану поступил сигнал о пожаре в заброшенной церкви в селе Верхнее Поречное Суджанского района, которая загорелась от удара молнии. Словно огромный факел на одиноком пустыре, создавая ощущение нереальности, горела церковь. Время раннее, собралось много местных. В основном то были сердобольные бабушки, для которых такое событие впоследствии станет темой для обсуждения на несколько дней. «Не тратьте воду, ребята, – крикнул стоявший поблизости мужчина, – погорит да перестанет». И вправду, горящая церковь ничему не угрожала, находясь от жилых построек на довольно-таки большом расстоянии. Но пожарные, среди которых был Иван Безручко, зная свое дело, немедленно приступили к тушению пожара. «Зачем тушите? Нельзя, – сказала какая-то старушка, – если церковь от молнии загорелась, – значит, на то воля Божья случилась...» Пожарные, тем временем, направили струю воды на верхнюю часть церкви. Внезапно обгоревшие стропила, не выдержав массы купола, треснули, и железная махина с ужасным звуком полетела вниз. «Берегись!» – крикнул кто-то. Все бросились врассыпную. Иван не успел...» [4].

После пожара от церкви остался лишь каменный фундамент. В начале 2000-х годов место храма было освящено, чтобы избежать инцидентов и в целях возможного восстановления храма.

Теперь перейдем к истории Крестовоздвиженского храма. Первое упоминание о храме встречается в «Топографическом описании Курской губернии» 1784 г., где записано: «Во оном селении церковь деревянная во имя Воздвижения Честного Креста, при которой священно и церковно-служительских дворов два, во оных душ шесть да означенных помещика Извекова и Романова три деревянных дома».

Первоначально церковь была деревянной и располагалась на улице Гора, рядом с ней находилось кладбище. На этом месте сейчас располагаются школьный огород и стадион. После войны 1812 г. было решено вместо обветшавшей церкви построить новую. Среди населения начался сбор средств деньгами и материалами. За огородами улиц Кочерга и Череповка была построена печь для обжига кирпича. Глину брали там же. В 1831 г. «тщанием» прихожан было построено новое здание этой церкви [2, Л. 73–74], но вскоре по не известным нам причинам в храме перестали вестись службы. Но в 1868 г., благодаря жителям села, церковь возобновила службы. К приходу церкви помимо села Черкасское Поречное относился и хут. Ивашковский. В 1908 г. православных прихожан насчитывалось 1 132 человека, раскольников в этом селении не было. Согласно клировым ведомостям, в 1915 г. [2, Л. 75–78] церковь размещалась в каменном здании, с такой же колокольной, покрытой железом. Престол был один – «во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня». Ближайшими к Крестовоздвиженскому храму были церкви Дмитриевская села Русское Поречное и Симеоновская церковь села Разгребли [2, Л. 75–78]. А в клировой ведомости за 1917 г. [1, Л. 64–68] сообщается, что в с. Черкасском Поречном имелось 248 домов, в которых проживали 1 067 душ мужского пола и 1 072 душ женского пола; в хут. Ивашковском насчитывалось 20 домов, в них проживали 128 душ мужского пола и 128 душ женского пола. Всего в приходе проживали: духовных лиц – 4 души мужского пола и 4 души женского пола (2 дома), крестьян – 1 188 душ мужского пола и 1 192 душ женского пола (266 домов). При церкви числилось усадебной земли с погостом 2 дес., сенокосной – 33 дес. Общая площадь церковной земли составляла 35 дес. Все эти земли приносили доход, но не от получения с них урожая, а от сдачи земли в аренду крестьянам. Средний доход с аренды этой земли составлял 150 рублей в год [1, Л. 64–68]. Также, говоря о материальном достатке храма, не стоит забывать и о «кружечном» доходе. К примеру, в 1915 г. он составлял 160 рублей 40 копеек [2, Л. 75–78]. Как и в предыдущем рассмотренном нами приходе, денежные средства распределял приходской совет. По данным клировой ведомости за 1915 г. [2, Л. 75–78], жалование священника составляло 150 рублей в год за преподавание в земской и церковно-приходской школах. В отдельном здании располагалась церковно-приходская школа, в которой на 1915 г. [2, Л. 75–78] насчи-

тивалось 33 мальчика и 43 девочки. В церковной библиотеке насчитывалось 46 томов книг. Законоучителем в церковно-приходской и земской школах состоял священник Фильшин Константин Михайлович.

После принятия в 1918 г. декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Крестовоздвиженская церковь оставалась действующей. По сообщению нынешнего настоятеля храма отца Всеволода (Ярмолюка), «в 1920 г. храм был кирпичным, окружен кирпичной оградой, с деревянным престолом в алтарной части, на престоле находились Евангелие в деревянной оправе, крест посеребренный, икон двадцативершковых – 20, икон меньшего размера – 20, икон (живопись на дощечках) – 36, икон большого размера – 3, колоколов весом 300 п. – 5, богослужебных книг – 20, денег в сумме 15 тыс.» По данным того же источника, «изъятия церковных ценностей из храма в 1922 г. не было из-за отсутствия таковых». В 1924 г. Суджанским волостным исполкомом перерегистрирован в религиозное общество Крестовоздвиженской церкви с. Черкасского Поречного. С 1938 г. церковь не функционировала – помещение временно было занято колхозом «1-е Августа» под засыпку хлеба. 16 сентября 1940 г. исполком Суджанского райсовета депутатов трудящихся вынес решение о закрытии молитвенного здания в селе Черкасское Поречное в связи с тем, что группа верующих и церковный совет с декабря 1938 г. распались, церковь не функционирует, а здание и имущество находятся без охраны.

Во время Великой Отечественной войны богослужения были возобновлены. Зарегистрировано религиозное общество 22 августа 1944 г. Приход состоял из сел Черкасское Поречное и Русское Поречное.

С июля 1965 по 1966 г. церковь не работала в связи с отсутствием священника. В 1967 г. и последующие годы церковь являлась действующей, с 19 мая по декабрь 1970 г. церковь временно не работала из-за отсутствия служителей культа. В соответствии с законом РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 г., зарегистрирован православный приход Крестовоздвиженской церкви в с. Черкасское Поречное (29 мая 1991 г., № 60).

В соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. возобновлена регистрация религиозной организации – прихода Крестовоздвиженской церкви (9 ноября 1999 г., № 125р).

В начале 2000-х годов на базе данного прихода была образована воскресная школа. Данная школа функционирует и в настоящее время. На 2015 г. школу посещает 12–14 детей. Стоит отметить, что три четвертых всего количества учащихся являются девочки. В воскресной школе изучают Закон Божий. Также учащиеся ездят в паломнические поездки по таким места нашей области, как Горнальский Свято-Николаевский Белогорский мужской монастырь, храмы города Курска. Ещё одним из занятий учащихся-

ся являются постановки на евангельские мотивы. С детьми занимается отец Всеволод.

Таким образом, материал о церковных приходах позволяет познакомиться не только с церковной историей, но и с повседневной жизнью сельского населения на примере данных сел.

1. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 44.

2. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 43.

3. История школы в Русском Поречном URL: <http://sud-rusp.ruoshcoleitoriashkoli.html> (дата обращения: 28.05.2015 г.).

4. Главное управление МЧС по Курской области URL: <http://www.46.mchs.gov.ru/document/1934159> (дата обращения: 08.04.2015 г.).

М.Н. Рябцева

НИКОЛАЙ I И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Со времени правления Николая I прошло уже более ста лет, но по сей день продолжают споры между отечественными и зарубежными историками о влиянии его личности на судьбу страны. С одной стороны, поражение в Крымской войне 1853–1856 гг., несомненно, доказывало, что Россия лишена прогрессивного пути развития, в чем страны Западной Европы к этому времени уже сделали стремительный скачок. С другой стороны, период правления Николая I характеризуется стабильностью во внутренней политике страны, что, казалось бы, давало возможность на стабилизацию экономики, поднятие военной мощи государства, решение крестьянского вопроса. Между тем Российская империя все же сохраняла самодержавие и крепостное право. Почему?

На самом ли деле Николаю был присущ «примитивизм в политическом мышлении», как писал о нем А.И. Герцен, или, быть может, под ним скрывался «страх» перед существенными изменениям [2, с. 309] С целью объективности ответа на данные вопросы целесообразно будет обратиться к отечественной историографии.

Советская историография весьма скептически относилась к правлению Николая I. Б.Г. Литвак, характеризовал данный период «расцветом чиновничьей бюрократии», а попытки решить крестьянский вопрос – лишь «пустыми хлопотами». Он считал, что Николай был весьма нерешительным и больше всего боялся вызвать «недовольство со стороны дворянства, ждал, когда те сами «созреют» и предложат провести реформу» [5, с. 294].

Т.А. Капустина считала Николая I «одиозной фигурой», в это понятие он заключал его неготовность отойти от старых порядков, привести

новое и уже необходимое в систему управления государством, поэтому его правление стало «апогеем самодержавия» [4].

По словам язвительного Н.А. Троицкого, «император выжал из феодализма практически все, что мог», что раскрывалось в отрицательном отношении к демократии, всемерном укреплении основ самодержавного строя. Историк писал: «Выражая интересы господствующего класса дворян-крепостников, Николай I вместе с тем сводил государственную власть к личному произволу на манер военного командования. Россия представлялась ему воинским соединением, в котором царит воля его командира, то бишь государя» [9, с. 393].

В советской историографии появляется противоположная точка зрения. По мнению либеральных исследователей, таких как Н.Я. Эйдельман, Ю.А. Борисенко, именно Александр I не решился на преобразования, а Николай I, придя к власти, возложил на свои плечи непосильную ношу, хотя некоторое время и пытался «взять на себя роль революционера сверху» [1, с. 63–64].

А.Б. Каменский подчеркивал положительный аспект в сохранении традиционного строя Николаем I в вопросах политического режима и государственной безопасности. Историк видел в данном периоде сложности, «связанные с консервативным общественным мнением, отсутствием в обществе тех политических сил, которые могли бы поддержать императора», что не являлось благоприятной почвой для преобразований в стране [3, с. 335].

Профессор В.А. Федоров считал, что обвинения в нежелании императора провести преобразования в стране весьма беспочвенны, так как «Николай I принимал в преобразованиях живейшее участие и искренне хотел отменить крепостное право, однако ему мешали обстоятельства, преодолеть которые в то время было не под силу даже самодержавному монарху». Историк обосновывал свою точку зрения тем, что «уже в декабре 1826 года Комитет поставил задачу провести преобразования именно с целью сохранения порядка. В сфере экономики значительный импульс получили промышленность, торговля, было положено начало техническому и сельскохозяйственному образованию» [10, с. 294].

«Николай I не стремился к изменению окружающего мира, хотя и пытался подражать Петру I, но, в отличие от своего великого предка, ему было достаточно того, что бюрократический аппарат позволяет регулировать жизнь общества. Государь верил, что государство само способно организовать жизнь страны», – писал в своем очерке об императоре С.В. Мироненко. По его мнению, государь твердо верил во всемогущество государства, но «увеличение количества чиновников, создание новых министерств и ведомств не является основой преобразований в стране» [6, с. 352].

В противовес вышеизложенному мнению высказывался С.С. Секиринский, обращая внимание на то, что «раскол между властью и обществом случился не при Николае Павловиче, а при его предшественнике, поэтому,

получив страну в «нестабильный период», императору ничего не оставалось делать, кроме как «укрепить установившийся порядок, во избежание новых волнений» [8, с. 392].

Несмотря на полярность приведенных мнений, можно с уверенностью сказать, что первая половина XIX века – это «период ослабления зависимости государя от дворянства» [7]. В ходе восстания декабристов в 1825 г. император утратил доверие к дворянству, что способствовало его опоре только на бюрократию. Это отражает принятие им мер по ограничению власти дворян над крепостными, что «стало вмешательством в отношения между ними в небывалом до сих пор масштабе» [7].

Можно долго спорить о поставленном вопросе, но разве нельзя сделать вывод из основных аспектов деятельности императора: издание Полного собрания законов Российской империи (1832), указ об «обязанных крестьянах» (1842), введение в обращение серебряного рубля и установление обязательного курса ассигнаций (Финансовая реформа 1839–1841) – разве это не шаги на пути к преобразованиям, и пусть они плавные, почти незаметные и даже в чем-то неуверенные, но вперед. Николай I был готов к переменам, но не нашел так недостающей на тот момент поддержки и, опасаясь новой революции, выбрал курс на укрепление установившегося порядка. Из чего можно сделать вывод: «происходит трансформация словесной монархии в бюрократическую монархию» [7].

В современной историографии произошло определенное переосмысление оценки политической деятельности Николая I. Сложно сказать, под влиянием времени или нового политического опыта государства, но вопрос о преобразованиях николаевской эпохи остается весьма актуальным и по сей день. Возможно, это аспект отражения прошлого на карте настоящего.

-
1. Борисенок Ю. Польский приговор Николаю и Герцену // Родина. 2013. № 3.
 2. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М., 1955. Т. 11.
 3. Каменский А.Б. Россия в XVIII – первой половине XIX в.: История. Историк. Документ. М.: МИРОС, 1996.
 4. Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 2003. № 11–12.
 5. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
 6. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
 7. Миронов Б.Н. Социальная история России. СПб. 1999. Т. 1–2.
 8. Секиринский С.С. История России XIX–XX веков: новые источники понимания. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.
 9. Троицкий Н.А. Россия в XIX в.: курс лекций. М., 1997.
 10. Федоров В.А. История России 1861–1917. М., 1998.

РОЛЬ ДВОРЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА В ПРОЕКТЕ ПРИВЕДЕНИЯ РЕКИ СЕЙМ В СУДОХОДНОЕ СОСТОЯНИЕ

Одной из важнейших особенностей любых инфраструктурных работ является активное участие местного населения в проектировке и строительстве. Создание системы шлюзов по реке Сейм в 30-х гг. XIX в. не было исключением: среди строителей преобладали крепостные Курской губернии, местные дворяне и купцы финансировали проект, корректировали его. Однако далеко не всегда отношение к созданию системы шлюзов у последних двух категорий населения было положительным.

Дворяне и купцы Курской губернии были главными проводниками реализации идеи устройства судоходства по реке Сейм. Экономическая целесообразность проекта М. Пузанова была доказана самим автором в его послании к местному комитету, в котором наглядно показывались экономические выгоды торговли сельскохозяйственной продукцией на территории Черниговской и Киевской губерний [1, Л. 62–63]. Дворяне, имевшие земельные владения, поддерживали начинания Пузанова, справедливо полагая, что торговое судоходство позволит увеличить их доходы. Вероятно, именно по этой причине курские дворяне на протяжении нескольких лет жертвовали на благо проекта значительные средства. Если не считать 115 тыс. рублей, выделенных императорской семьей, на устройство судоходства по реке Сейм землевладельцы Курской губернии отдали не менее 90,0 % всех средств, что поступили в бюджет проекта. Стоит отметить, что в эту долю включен также и налог, который платили крепостные. Существовали также и косвенные расходы, напрямую не связанные с проектом. Так, рыльским дворянам пришлось профинансировать строительство новых мостов через Сейм в своем городе [2, Л. 1].

В дальнейшем среди дворян произойдет раскол, и часть из них начнет критиковать реализовывающийся проект. Главной причиной столь радикальной смены позиции дворян стал побочный эффект от начавшихся работ, заключающийся в том, что водяные мельницы, расположенные возле Сейма, теряли свою производительность. Увидев, чем может обернуться строительство шлюзов для дворянских имений, землевладельцы выступили с критикой проекта, причем среди недовольных оказывались и бывшие агитаторы возведения конструкций на Сейме.

Одним из них был помещик Анненков, еще в 1824 году уверявший всех в надобностях и пользе создания судоходства по главной реке Курской губернии. «Река Сейм была найдена возможною к судоходству, и... пользы от того неисчислимы... Дворянское сословие, для вспомоществования казны в благонамеренных видах предложило собрать в течение четырех лет 176 349 рублей, считая 15 копеек ежегодно с каждой ревизской души...» [3, Л. 11], – писал Анненков, являвшийся Курским губернским

Предводителем дворянства, в своей записке. Столь внушительная сумма так и не была собрана, что привело к необходимости новых сборов среди дворян уже во время строительных работ. К этому времени Анненков перешел в лагерь ярых противников приведения Сейма в судоходное состояние. Помещик планировал построить новые водяные мельницы, что мешало строительству Марковского шлюза. Кроме того, коэффициент полезного действия самих мельниц при сооружении шлюзов был бы невелик, поэтому острота конфликта между Анненковым и руководителями проекта была настолько серьезна, что дело было передано на рассмотрение III отделения Департамента Министерства юстиции. В марте 1837 года Анненкову все же дали разрешение на строительство водяных мельниц [4, Л. 1–8].

Курское купечество также играло значимую роль при проектировании и строительстве в 1830-х годах сооружений на реке Сейм, позволявших осуществлять речное судоходство. Купцы имели достаточно средств для финансовой помощи проекту, обладали опытом плавания по Сейму, а также были заинтересованы в развитии инфраструктуры региона для получения прибыли от торговли. Проект Михаила Пузанова по приведению реки Сейм в судоходное состояние остро нуждался в средствах, поэтому помощь со стороны купечества позволяла продолжать строительные работы.

Необходимо отметить, что курское купечество торговало прежде всего тканями, хлебом и скотом. Первый из вышеперечисленных товаров следует разделить на ткани для дворян и ткани простых подданных, при этом сама торговля имела посреднический характер. Если анализировать долю, приходившуюся на торговлю хлебом, то она не будет велика даже с учетом ярко выраженной аграрной направленности региона – лишь 11,0 % [5, с. 16]. Связано это с тем, что большую часть произведенного в Курской губернии хлеба производили в помещичьих имениях, чьи владельцы сами или через своих посредников продавали товар. Скот приобретался в основном в розницу. Основным рынком сбыта своих товаров курское купечество хотело видеть Киев, так как спрос в городе на сельскохозяйственную продукцию увеличивали армейские подразделения Российской империи, поэтому преобразование реки Сейм в судоходное состояние имело важное значение.

Одним из самых значимых купцов, принимавших участие при строительстве на Сейме, был Ишунин, который являлся предприимчивым человеком, имеющим небольшой опыт в инженерной сфере. Он был нанят Комиссией по приведению р. Сейм в судоходное состояние для работ по установке курского отделения шлюзов [6, Л. 16]. Предполагалось, что Ишунин вложит часть собственных сбережений в строительные работы, взамен чего купец станет управляющим на стройке и получит одну из руководящих должностей уже после окончания строительства.

Видимо, издержки при установке шлюзов оказались для Ишунина чрезмерными, поэтому курскому купцу пришлось серьезно экономить на

заработной плате рабочим. В конечном счете, когда строители перестали получать вознаграждение за проделанную работу, на Ишушина была отправлена жалоба [7, Л. 1–13]. После непродолжительных разбирательств купцу пришлось выплатить 396 рублей, которые он задолжал рабочим [8, Л. 23]

Дворянство и купечество большей частью играли положительную роль в устройении судоходства по реке Сейм. Оба сословия выделяли значительные средства на строительные работы, а некоторые из дворян и купцов принимали в них непосредственное участие. Однако оказанной помощи все же не хватало для полноценного ведения строительных работ по сооружению шлюзов. Со временем некоторые из дворян стали тяготиться проблемами с судоходством по реке Сейм. Сооружение шлюзов вредило работе мельниц, поэтому землевладельцы изменили свое отношение к проекту на негативное, что приводило в том числе и к судебным разбирательствам.

Купечество также было заинтересовано в преобразовании реки Сейм в судоходное состояние, так как это позволило бы вести более эффективную торговлю. Появление курских купцов с дешевыми товарами на киевском рынке позволило бы им значительно увеличить свои доходы. Вместе с тем доля финансовых вложений в проект у купечества была не столь значительной, как у дворян.

-
1. ГАКО Ф. 168. Оп. 1. Д. 3. Л. 62–63.
 2. ГАКО Ф. 448. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.
 3. ГАКО Ф. 567. Оп. 1. Д. 131. Л. 11.
 4. ГАКО Ф. 567. Оп. 1. Д. 361. Л. 1–8.
 5. Озеров Ю.В. Курское купечество в середине XIX века. Курск: Маэстро-Принт, 2001. С. 16.
 6. ГАКО Ф. 168. Оп. 1. Д. 15. Л. 46.
 7. ГАКО Ф. 168. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–13.
 8. ГАКО Ф. 168. Оп. 1. Д. 105. Л. 23.

В.Н. Соклаков

ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ В КИТАЕ В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЕЙ)

Во все исторические эпохи страны Востока притягивали внимание ученых-историков, а также интересующихся историей этих стран. Особый интерес для исследований представляют крестьянские бунты в Китае XIX в. Они были вызваны различными реалиями жизни китайского народа, притесняемого экономическими, политическими и духовными факторами бытия. Для современного исторического знания очень важно выявить при-

чины, движущие силы и закономерности крестьянских восстаний в Китае. Как известно, крестьянство в Китае – это наиболее «взрывоопасная» категория населения, являющаяся самой древней и многочисленной в социальной структуре китайского общества. В древневосточных обществах крестьянство было организовано в общины и считалось лично свободным, но при этом подвергалось жестокой эксплуатации со стороны государства. Крестьяне-общинники платили денежные и натуральные оброки, выполняли большой объем общественных работ (строительство ирригаций, храмов, военных укреплений, дворцов, прокладка и ремонт дорог), а также обслуживали хозяйства китайской знати и правителей. Кроме того, существовала категория крестьянства, попавшая в личную зависимость и отделившаяся от общины. Значительную роль в данном процессе играла долговая кабала и специфика существовавшего кабального найма. Особый интерес в данном контексте представляет крестьянское антииностранное движение ихэтуаней, развернувшееся на рубеже XIX–XX вв. (1898–1901 гг.) в Китае. Направлено оно было против иностранной интервенции западных держав, которые преследовали далеко не альтруистические интересы как экономического, так и политического характера. Исследование различных аспектов движения ихэтуаней проходило в двух основных направлениях: западные авторы, такие как Я.Я. Де Гротт, делают акцент исключительно на антихристианской сущности восстания ихэтуаней, рассматриваемого как результат якобы свойственной китайцам ксенофобии. Другие историки определяют движение как антиимпериалистическое и находят в нем антидинастийные оттенки. Западные исследователи осуждали «боксеров», полностью оправдывая политику европейских стран в Китае, утверждая, что миссионерская роль Запада являла собой пример наивысшего гуманизма. Советская историческая наука, напротив, осуждала политику Запада в Китае, а также иностранную интервенцию.

Историки-марксисты признавали правоту восставших, выделяя при этом идеологические и организационные слабости данного восстания. Причем они подчеркивали организационную слабость не только ихэтуаньского восстания, но и всех крестьянских выступлений в Поднебесной периода Нового времени. Н.М. Калюжная, в частности, в своей монографии «Восстание ихэтуаней» (1898–1901 гг.) пишет, что «борьбу ихэтуаней, а также стихийные выступления, направленные против «аренды» китайских территорий, можно рассматривать как справедливое желание народных масс избавиться от империалистического гнета» [1, с. 65]. Необходимо отметить, что в изучении данного восстания безусловное лидерство принадлежит китайским ученым. В 2000 году, к столетней годовщине восстания ихэтуаней, в Китае была проделана серьезная работа по обобщению и систематизации накопленного исследовательского опыта, его систематизации. В том же году вышла в свет монография «100 лет исследования ихэтуаней». Ее подготовили китайские ученые Су Вэйчжи и Лю Тяньлю. Книга состоит из двух частей. В первой – «Обзор ста лет исследования» –

размещена информация об основных подходах, оценках результатов восстания, сделанных представителями разных исторических школ. Во второй – «Библиография сочинений и трудов, изданных за сто лет» – представлен подробный обзор всего, что было издано за сто лет в мире по данной проблематике. Основными источниками при анализе событий, связанных с восстанием ихэтуаней, являются договоры, заключенные между Цинским правительством и руководителями восставших. Источниковая база ограничена в силу отсутствия программных документов восставших и значительной утратой документов, хранящихся ранее в китайских архивах. Из имеющихся документов для исследователей являются доступными Устав ихэтуаней, докладная записка губернатора провинции Шаньдун Чжан Жумэя (8 мая 1898 г.), императорский указ губернаторам различных провинций, направленный военным советом (21 июня 1900 г.) и др. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении источники и литература позволяют, на наш взгляд, выделить особенности, свойственные крестьянским выступлениям в Китае XIX века, выявив специфические черты восстания ихэтуаней.

Все исследователи приходят к единодушному мнению, что одним из факторов, вызвавших нарастание деструктивных моментов в китайском обществе, был огромный рост населения, следствием чего стало сокращение размеров земли, приходившейся на душу населения. Это, в свою очередь, обусловило увеличение количества рабочих рук на единицу обрабатываемой площади. Ухудшение условий использования рабочей силы отрицательно сказывалось на производительности труда в сельском хозяйстве. Падение уровня экономического благосостояния крестьянства не только вызвало напряженность, но и оказывало общее негативное воздействие на ситуацию в стране. Росло неравенство в распределении налогового бремени, крестьяне подвергались усиленному нажиму со стороны сборщиков налогов, росло недовольство произволом чиновников. Этот комплекс внутренних проблем был усугублен внешнеполитическими обстоятельствами, которые вызвали масштабный дисбаланс в обществе. В результате поражения Цинской династии в «опиумных» (1840–1842, 1856–1860), франко-китайской (1884–1885) и японо-китайской (1894–1895) войнах, заключения серии неравноправных договоров, Китай утратил ряд суверенных прав. Началось и интенсивно шло превращение Китая в полуколонию; он стал объектом экономической и политической экспансии стран Запада. Иностранный капитал захватывает ключевые позиции в банковском деле, железнодорожном строительстве, разработке недр, фабричной промышленности; в результате в конце XIX в. начался раздел страны на сферы влияния западных держав [2, с. 23–24]. Кроме того, многочисленные стихийные бедствия в Китае в последней четверти XIX столетия (особенно наводнения) еще более усугубили и без того сложную экономическую ситуацию в стране. В результате сочетания всех неблагоприятных факторов началось восстание ихэтуаней осенью 1898 года на севере Китая, в провинции Шаньдун. Социальная база восстания была достаточно разнород-

ной. Преобладали преимущественно крестьяне, ремесленники, лодочники, грузчики, мелкие торговцы. Каждая из социальных групп, как правило, страдала от своих деструктивных изменений в социально-экономических условиях.

Главной отличительной чертой восстания ихэтуаней являлось наличие большой доли мистики, сопровождающей его участников на протяжении всего периода. Особой специфической чертой крестьянского восстания ихэтуаней являлась их наивная, по мнению многих исследователей, вера в силу мистических приемов. Обладая якобы особой тайной и секретами, они становились абсолютно «недосягаемые» для врагов, и «золотой колокол», волшебным образом возникающий вокруг каждого из восставших, делал их пуленепробиваемыми [3, с. 36]. Так, к примеру, они устраивали массовые ритуалы, сопровождаемые заклинаниями, чтобы духи «заклинили» пушки иностранцев и намочили их порох. Естественно, чаще всего духи не откликались, и ихэтуани погибали в неравных сражениях. Религиозные представления о духах-защитниках, являлись дополнительным обстоятельством, ослабляющим дисциплину, и отнюдь не способствовали усилению движения [4, с. 127]. Но даже не это было причиной слабости повстанцев. Восстание носило неорганизованный характер: отсутствовали четкие программные установки, выступлениям была свойственна стихийность. Кроме того, восстание так и не обрело единого харизматичного лидера, что в условиях восточного общества значительно уменьшало шансы на победу. Основные лозунги восставших отражали смену настроений и промежуточных целей восставших: «Долой Цин, смерть иностранцам», «Смерть продажным чиновникам», «Долой налоги», а также традиционный лозунг стихийных крестьянских бунтов «Громи богатых, помогай бедным». Определяющий лозунг «Долой Цин, смерть иностранцам» характерен для движений начала XX в., когда прежняя исключительно антииностранный направленность борьбы после капитуляции цинского двора дополнилась антиправительственной, преимущественно антицинской риторикой [5, с. 109]. В качестве религиозной составляющей восстания ихэтуаней следует отметить усиление роли христианских миссионеров в жизни Китая.

Ихэтуани считали, что бурное распространение христианской религии ведет ко всякого рода природным бедствиям [6, с. 2–3]. На северо-западе провинции Шаньдун проживали протестанты и католики, первоначально не принимавшиеся в качестве конкретных врагов. Но в период «великих страданий», когда людям стал угрожать голод, члены общества «Ихэтуань» перешли к радикальным действиям: они стали громить христианские церкви, грабить их имущество, убивать священников и мирян. Кроме того, христианство отрицало духов, что было неприемлемо для китайской традиции. Национальное самосознание китайцев отводило иностранным миссионерам, как и вообще всем европейцам, пришедшим на китайскую землю, роль «чужеземных варваров», недостойных «топтать

ногами» исконную китайскую землю, устанавливая на ней свои порядки. В этой связи становится вполне понятно, почему все сооружения, которые европейцы строили в Китае (железные дороги, различные средства связи и коммуникации) и которые, с точки зрения здравого смысла европейцев, должны были пойти на пользу экономике страны, воспринимались восставшими как зло, а иностранцы – как враги. В результате одной из главных черт восстания ихэтуаней стало уничтожение материальных ценностей, произведенных европейцами. Следует отметить, что ихэтуани считали себя той силой, которая призвана вернуть миру утраченную гармонию. Они видели свое священное предназначение в очищении Китая от «иностранных дьяволов». По их мнению, за уничтожением иностранцев последует плодородный год, так как гнев высших сил природы будет усмирён. В ответ иностранные государства создали коалицию из восьми держав, куда вошли Великобритания, Франция, США, Россия, Германия, Италия, Австро-Венгрия, Япония.

Восстание ихэтуаней было подавлено очень жестоко. За период 1898–1901 гг. погибло более 10 млн человек. Сами восставшие сражались мужественно и достойно. Их отряды беспощадно расправлялись с иностранцами. Разгром крестьянского восстания ихэтуаней завершился подписанием «Боксерского протокола» в 1901 году. До сегодняшнего дня его называют неравноправным и унижительным для Китая. Согласно этому документу Китай брал на себя следующие обязательства:

- 1) послать в Германию специального посла с извинениями за убийство сотрудника германской дипломатической миссии фон Кеттелера;
- 2) послать в Японию специального посла с такими же извинениями, но за убийство члена японской дипломатической миссии Сугиямы;
- 3) казнить всех лидеров повстанцев;
- 4) в течение 2 лет не ввозить в страну оружие;
- 5) уплатить контрибуцию 450 млн лян серебра (из расчета 1 лян – 1 житель Китая);
- 6) допустить военную охрану в учреждения страны. В Китае постоянно находились иностранные войска;
- 7) скрыть форты Дагу;
- 8) для стран-победительниц право возвести 12 опорных точек от Пекина к морю;
- 9) китайским властям запрещался сбор налогов.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Китай потрясло мощное народное антииностранное волнение, которое оставило неизгладимый след в памяти китайского народа. В результате китайский народ и вся Цинская империя оказались в еще более худшем экономическом и политическом положении, чем до восстания. Это было связано прежде всего с экономическим «закабалением» Китая. В декабре 1901 г. русской армии удалось полностью ликвидировать так называемые остатки «Армии честности и справедливости» [7, с. 13]. Эти события в историографии считаются окон-

чательным разгромом восстания ихэтуаней. Западные страны сохранили цинский Китай в качестве формально суверенного государства, имеющего неравноправные экономические договоры.

Подводя итоги, следует отметить, что крестьянские восстания в Китае в XIX в. имели специфические особенности, обусловленные историческими традициями китайского общества, конфуцианской этикой, позволяющей формировать духовность и патриотизм в обществе. Стремление извне, посредством христианских миссионеров, воздействовать на народ вызывало резкое неприятие. Если при этом учесть низкий уровень жизни и непростые социальные и политические процессы, происходившие в обществе, то становится ясным, почему именно XIX в. стал периодом самых мощных крестьянских выступлений в истории Китая периода Нового времени.

-
1. Калужная Н.М. Восстание ихэтуаней. М., 1968.
 2. Смирнская Ж.Д. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба. М., 1979.
 3. Котовский Г.Г., Попов В.А. Крестьянское движение в странах Востока. М., 1967.
 4. Симоновская Л.В. Великая крестьянская война в Китае. М., 1958.
 5. Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М., 1984.
 6. Устав ихэтуаней // Восстание ихэтуаней: Док. и материалы. М., 1968.
 7. Императорский указ губернаторам различных провинций, направленный Военным советом (21 июня 1900г.) // Восстание ихэтуаней: Док. и материалы. М., 1968.

Е.А. Абакумова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО МЕЩАНИНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Запросы времени вносили в мещанскую среду понимание необходимости грамотности и образования, определяя появление новых тенденций в общественном и домашнем быту, тем не менее мещанство как сословие в целом на протяжении XIX в. оставалось носителем традиционной народной культуры. Исследователь Н.В. Шелгунов дает характеристику социальной структуре российского пореформенного общества, где он относит мещанство и купечество к «подинтеллигентному слою, придерживавшемуся домостроя» [1, с. 53].

Связь мещанства с крестьянством по источникам формирования, характеру хозяйственной деятельности определяла многие общие черты мировоззрения, духовно-нравственной позиции этих сословий, их отношение к культурным ценностям, традиционным и новым. Изучение повседневности мещанства наталкивается на отсутствие сколько-нибудь значительных источников. Относящееся к «безмолвному большинству» [2, с. 261], ме-

щанство меньше всего ассоциируется с письменной культурой. Осталось мало свидетельств, рассказывающих о жизни людей этого сословия и вышедших из этой среды.

Мещанство российских городов включало разные по экономическому и культурному уровню социальные слои. Из мещанского общества выходили люди образованные, которые смогли оставить след в истории просвещения, науке, художественной культуре, или известные в среде коммерсантов и предпринимателей. Так, мемуарист из коломенских мещан И.А. Слонов писал в своих воспоминаниях: «Я сумел превратиться из бедняка в богатого коммерсанта и московского домовладельца, а из коломенского мещанина – в потомственного гражданина» [3, с. 262]. Родом из этого сословия был А.В. Ступин, живописец, учредитель первой провинциальной художественной школы в Арзамасе.

Однако большая часть мещан причислялась к городской бедноте. Они вели замкнутый образ жизни и считали себя неимущими. «Главная и самая существенная причина бедности народной массы, – писал М.Е. Салтыков-Щедрин, – заключается в недостатке сознания этой бедности; причина же этого последнего явления, очевидно, скрывается в истории» [3, с. 260].

В пьесе «Гроза» А.Н. Островского один из героев, часовщик-самоучка Кулигин, выходец из мещан, говорит: «...в мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагой, не увидите» [4, с. 150].

Обычная мещанская семья состояла из двух поколений и включала в среднем 5–6 человек (родители и дети) [5, с. 190]. Средний горожанин из мещан был неприхотливым в повседневном быту. «Жить по средствам, не давать расходам превысить доходы» было правилом жизни. «Счастлив тот, кто малым доволен» – эта истина в те времена (имеется в виду дореформенное время. – Е.А.) признавалась неоспоримой, брали от жизни не больше, чем она может дать» [2, с. 263].

Мещанская семья обычно проживала в собственном небольшом деревянном доме. Средний мещанский дом по фасаду в три окна имел две комнаты, сзади находилась кухня, в середине дома – печь. Вход в дом был сбоку, через сени [5, с. 193].

Отдельные мещане владели двухэтажными домами, в которых часто жилая часть соединялась с торговой лавкой, а та, в свою очередь, находилась на первом этаже. Право осуществлять «розничную торговлю под домом своим» мещане получили еще в 1824 году [1, с. 57].

Большинство мещан, у которых были собственные дома, сдавали комнату или половину дома учителям, врачам, крестьянам-отходникам. Широкое распространение в городах, где происходили ярмарки, получила «сдача внаем на короткий срок». Тем самым сдача квартир была чисто городским явлением.

Питание горожан мало менялось в течение XIX в. и во многом сохраняло образ деревенской еды. Однако в середине века в домашней среде

мещан распространилось чаепитие. В семьях стали появляться самовары, ранее мало известные; «самоварная роскошь охватила всех поголовно». Один из корреспондентов Русского географического общества в 50-е гг. XIX в. отмечал, что «мещане чай в будни не пьют, а по праздникам ходят пить чай в трактир» [6, с. 16]. Действительно, в 60-е гг. чай в России стал национальным напитком, в отличие от кофе, который, не имел распространения в среде простонародья. В конце XIX в. у мещанской семьи среднего достатка завтрак включал чай с белым хлебом; обед состоял из щей или картофельного супа и каши; ужинали тем, что оставалось. О достатке судили по тому, как часто на столе были печеные пироги.

Новшества в быт горожан проникали медленно, особенно заметными они становятся в пореформенное время. Но заведенные в старину порядки и обычаи отступали неторопливо. Так, в Курске, в большом губернском городе, в 50-е гг. XIX в. жизнь в семейном быту мало изменилась, «все девицы, включая дворянок, ведут жизнь затворническую»; «старики по преданиям помнят, что Новый год начинался с 1 марта, а потом 1 сентября. И когда по новому уложению стали считать Новый год с 1 января, простолюдины этого дня не празднуют» [7, с. 59].

Одежда становилась знаковым моментом появлявшихся новаций в быту горожан. Однако и здесь склонность к традициям не отступала. В том же Курске «многие женщины из купеческого и мещанского сословия... одевались как и везде – в длинные платья, носят шляпки и чепчики; у мужчин есть нововведение – некоторые носят галстуки и подстригают бороды». Но в месте с тем «большая половина жителей Курска ходят в русском платье... мужчины одеваются в русское платье, оставляют бороду, волосы обстригают в кружок» [7, с. 60]. Однако в мещанско-купеческой среде костюм сохранял сословный характер. У мужчин из мещан одежда состояла из холщовой рубахи, нанковых или пестрядинных портов, заправленных в сапоги, поверх надевали поддевки, «чуйки», нагольные тулупы. В непогоду верхней одеждой служил сермяжный кафтан, а головным убором – картуз.

В городах начинали резко вырисовываться социальные и возрастные различия. Пожилые горожане в большей степени сохраняли традиционную одежду, а молодежь, особенно из обеспеченных семей, стремилась к новшествам в одежде.

Одной из сторон общественного быта горожан оставались досуг и развлечения. Народные гулянья были распространенной формой досуга у мещан. Местом гуляний во время больших праздников в губернских и уездных городах была торговая площадь.

Мещанская среда не отличалась большой общественной активностью. Представления горожан о происходивших в стране событиях часто основывались на слухах и вымыслах, поскольку газета была не частым гостем в мещанском доме. Мещанина в газетах больше интересовали «описание церемоний и изображения сверхъестественных происшествий:

говорящая мышь, девица, проспавшая ровно пять лет и по пробуждении вдруг разрешившаяся от бремени. Об иностранных землях мещанин узнавал из тех же газет о чудесах, которые там происходили: упал камень с неба, чугунок под водой и под землей ходит» [8, с. 34].

Таким образом, к концу XIX в. российские мещане оставались сильными приверженцами традиционной культуры. Но, несмотря на это, в их среду проникали новые тенденции и веяния. Новшества входили в быт горожан и их общественный круг.

-
1. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895.
 2. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России в XIX столетия. М., 2008.
 3. Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1965.
 4. Островский А.Н. Гроза. М., 1979.
 5. Робинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
 6. Ключевский В.О. История русского быта. М., 1995.
 7. Авдеева К.А. Записки о старом и новом быте. СПб., 1842.
 8. Успенский Г.И. Нравы Растеряевой улицы. М., 1988.

А.Н. Кретьева

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.Г. ВЕНЕЦИАНОВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Во все времена изобразительное искусство оказывает значительное влияние на формирование общественной мысли, хотя сами художники не всегда являлись центром всенародного внимания. Истоки формирования современного культурно-просветительского, общественного статуса художника были заложены в первой половине XIX века.

О роли творца в этот период рассуждали многие деятели культуры. Особое место, например, личность художника занимала в литературных произведениях Н.В. Гоголя. Художник для писателя был человеком необыкновенным, обладателем высокого дара, творцом. Перед ним лежит большая просветительская задача: донести правду до народа. Наиболее полно писатель раскрывает эту тему в своей повести «Портрет» [1].

Несмотря на изменение статуса, общественная жизнь художников в первой половине XIX века представляет собой все еще редкое явление в связи с отсутствием у них творческой и гражданской самостоятельности. Художники во многом зависели от Академии художеств как от государственного учреждения, а также от частных благотворительных организаций, целью которых была помощь развитию и распространению искусств.

Наиболее ярким и, пожалуй, единственным общественным деятелем в области искусства был Алексей Гаврилович Венецианов. Известны его рассуждения: «...художник не что иное есть, как писатель, который обязан свои мысли изъяснять хорошо, красно, разумно и правдиво, с благонамеренной целью непременно... Художник и писатель, чем более сведущ в науках и светом образован, тем более их произведения достойны уважения и изящнее» [2, с. 46].

Э.И. Голубева отмечает, что в искусстве он видел средство преобразования общества и глубоко верил в то, что оно призвано содействовать прогрессу [3, с. 7]. Его без сомнения можно назвать художником-просветителем. В основу его общественной деятельности легло создание собственной живописной школы, доступной для учеников недворянского происхождения. Всего за период существования школы с 1824 по 1847 г. Венецианов воспитал и обучил более 70 представителей низших сословий. Важной задачей художника помимо обучения было ещё и предоставление возможности ученикам дальнейшего образования в Академии художеств.

Особую роль в деятельности А.Г. Венецианова сыграло Общество поощрения художников. Оно помогало молодым русским художникам всеми возможными способами: распределяло заказы, посылало живописцев за границу для завершения образования, занималось освобождением крепостных художников и предоставлением им возможности посещать классы Академии.

Одним из первых учеников Венецианова был Никифор Крылов, о котором художник ходатайствовал перед Обществом поощрения художников в 1825 г. «Заметил я между живописцами-работниками одного, который писал смелее прочих» [2, с. 187], – писал о Крылове Венецианов, познакомившийся с живописцем ещё в 1823 г. в Теребенском монастыре. «Приехав в прошедшем сентябре сюда, я предлагал ему приехать в Петербург и заняться рисованием в Академии, что для него всего важнее. Он с восторгом на сие решился, но страшится дорогого содержания и боится умереть с голоду в Петербурге, как пишет он ко мне. Убежден будучи, что художник сей скорее выиграет здесь и в знаниях, и в состоянии и, быть может, сделается отличнейшим художником, я намерен вызвать его сюда, дать квартиру и стол, заставив у себя рисовать и ходить в классы Академии» [2, С. 188]. Летом Крылов поселился у Венецианова в Петербурге и вскоре получил билет на право посещения рисовальных классов Академии художеств.

В январе того же года Венецианов просит покровительства Общества над бежицким мещанином Алексеем Васильевичем Тырановым. «Заметив в Алексее Тыранове способности необыкновенные, я решил взять его к себе; опыт трудов его после двухмесячного занятия под моим руководством и первый ещё рисунок на камне при сем представляю и прошу покорнейше Общество взять у него для обозрения и поощрения на будущее время» [2, с. 187].

Осенью 1825 года Тыранов уже начал посещать рисовальные классы Академии художеств.

Венецианов не просто взял обоих художников в ученики, но и хлопотал об их увольнении из мещанского сословия.

В 1826 г. Венецианов взял к себе на обучение Александра Алексеева. С просьбой о его увольнении художник обратился к помещице О.Н. Куминовой. Начинаящий живописец также удостоился поддержки Общества поощрения художников.

Александр Зотов, появившийся в школе Венецианова чуть позднее, также происходил из крепостных. Венецианову также удалось добиться освобождения живописца. Как и в случае с Алексеевым, владелец согласился отпустить художника безвозмездно. Однако такой исход не был правилом. Обычно приходилось собирать по подписке и другими путями большие деньги, чтобы выкупить из неволи способного ученика [3, с. 21].

В марте 1828 г. Алексей Венецианов представил на обозрение Общества ещё троих художников: Александра Денисова, Василия Зиновьева, выходцев из мещан, и вольноотпущенного Ивана Ушакова.

В том же году в Обществе публикуется отчет об успехах учеников А.Г. Венецианова. «Труды г. Венецианова на пользу молодых питомцев его достойны истинного уважения и признательности всех любителей изящного, он ничего не щадит для их пользы и, верно, не будет оставлен от правительства без возмездия, по всей справедливости им заслуживаемого» [2, с. 194].

Из письма А.Г. Венецианова Комитету Общества поощрения художников от 24 апреля 1836 года [2, с. 196] мы узнаем ещё об одном представителе его художественной школы – Григории Михайлове, который уже в 1835 г. посещал занятия в академических рисовальных классах. По просьбе художника Общество выделило Григорию 50 рублей содержания в месяц на время отъезда Венецианова из Санкт-Петербурга.

В 1840 г. Общество оказывает помощь ещё двум художникам, представителям венециановской школы, – Михаилу Антонову и Николаю Бурдину, выходцам из мещанского сословия. В следующем году Венецианов просит Общество принять под покровительство ещё одного своего ученика – Ивана Смирнова, также мещанина по происхождению, который к этому времени по милости Общества уже пользовался билетом для входа в классы Академии.

Последним и, наверное, наиболее известным учеником Венецианова был Григорий Сорока, крепостной помещика Н.П. Милюкова. К сожалению, Алексей Гаврилович так и не добился освобождения Сороки (Григорий получил свободу по реформе 1861 года в возрасте 37 лет). Милюков согласился на занятия Венецианова с Сорокой, но вольную последнему не дал, время от времени требуя Григория к себе в имение. По этому поводу Венецианов писал помещику: «Не предсказывал ли я вам или, лучше сказать, опасениями моими не остерегал ли я вас от того, что случилось с ва-

шим Григорием. Он не виноват, а вы виноваты – вы дали ему почувствовать удовольствие внутреннее, тронули его душу... и остановили. Ежели я его возьму, то то же будет, даже не то же, а хуже, тогда, когда у него останется перспектива теперешняя...» [3, с. 38]. Положение крепостного художника тяготило Григория Сороку и оказало решающее значение на его судьбу – в 1864 г. художник покончил жизнь самоубийством.

Несмотря на значительную помощь Общества поощрения художников, основное бремя расходов на содержание школы нес сам Венецианов. Экономика деревни и собственное творчество – вот главные источники доходов, обеспечивавшие существование школы, ведь ученики были выходцами преимущественно из «простого звания». К 1828 году в доме Венецианова проживало и обучалось уже 13 учеников [4, с. 44]. Таким образом, расходы на содержание школы росли, а средств оставалось все меньше и меньше. Художник был вынужден обратиться в ноябре 1827 г. к Николаю I с просьбой о покупке нескольких его картин, чтобы выплатить долг за квартиру.

С тех пор император стал интересоваться творчеством Венецианова и его учеников. Предоставление их картин к императорскому двору шло через Петра Михайловича Волконского, начальника главного штаба, министра императорского двора. Так, в 1829 г. Николай I повелел за написанную учеником Денисовым картину, изображающую внутренность старой эрмитажной галереи, заплатить две тысячи рублей. А в 1832 г. тому же Денисову за картину «Матросы» было выдано из Кабинета е. и. в. тысяча пятьсот рублей. Тогда же Венецианов обратился к императору с просьбой «послать Денисова в чужие края года на три». Эта просьба была выполнена, и ученика Венецианова отправили в Берлин «для усовершенствования живописи» у известного художника Крюгера.

Подобная помощь оказывалась и другим ученикам Венецианова. В 1833 году дочери дьячка домово́й церкви г. Апраксиной, Елене Рождественской, за написание картинки из внутренностей комнат государыни императрицы Марии Федоровны были предоставлены бриллиантовые серьги с бирюзами в четыреста рублей. Художнику Тухаринову за картину, изображавшую торжество освящения памятника Александру I, был пожалован бриллиантовый перстень. В 1837 году Венецианов обратился к П.М. Волконскому с просьбой предоставить своему ученику Зарянко 700 рублей, обещанные императором за картину петровской залы.

Творчество самого А.Г. Венецианова также не осталось незамеченным Николаем I. Еще в 1830 году государь повелел «императорской Академии художеств академику Венецианову дать звание живописца е. и. в. с жалованием по три тысячи рублей в год из Кабинета» [2, с. 167].

Особую страницу деятельности Венецианова составляют его взаимоотношения с Академией художеств. Несмотря на различия между художественной системой Венецианова и взглядами академических профессоров, художник был зависим от Академии. Именно она как государственное

учебное заведение давала художникам официальное признание их творчества.

Венецианов был вынужден добиваться разрешения для своих учеников посещать рисовальные классы Академии, а затем при помощи Общества поощрения художников устраивал их сюда обучаться. В 1831 г. Венецианов в письме обратился к А.В. Платану, делопроизводителю Эрмитажа, с просьбой принять в число трудящихся в галерее г. Тухаринова, пожаловать ему билет и позволить начать копировать. По ходатайству Венецианова его ученику Александру Беллеру было присвоено звание учителя рисования в Институте глухонемых в Москве.

Закат школы Венецианова пришелся на начало 1840-х гг. Венецианов пишет о себе, что «вышел из сил и потерял средства содержать школу, т.е. иметь учеников на своем содержании» [4, с. 45]. Устраивая своих воспитанников в Академию, художник тут же терял их: они больше не числились его учениками, а попадали под влияние академических профессоров. Кроме того, закату школы косвенно способствовал и бурный успех Карла Брюллова, к которому один за другим уходили от Венецианова его ученики.

Таким образом, основа общественной деятельности А.Г. Венецианова лежала в образовании художников, обеспечении им возможности продолжить обучение в Академии художеств и направлении их за границу для усовершенствования мастерства. Для достижения этих целей художник содействовал увольнению своих учеников из крепостного или мещанского сословий, а также различными способами предоставлял им материальное обеспечение. Большую роль в деятельности А.Г. Венецианова сыграли помощь Общества поощрения художников и сам император Николай I. Однако вклад самого Венецианова представляется наиболее значительным, так как его школа стала важной вехой в развитии русской живописи.

1. Гоголь Н.В. Портрет URL: <http://az.lib.ru/> (дата обращения: 22.03.2015 г.).

2. Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике / сост. и вступ. статья А.В. Корниловой. Л., 1980.

3. Голубева Э.И. Школа Венецианова. Л., 1970.

4. Подушков Д.Л. Художник А.Г. Венецианов в Удомельском крае. Удомельские ученики. Вышний Волочек, 2013.

СЕЛЬСКИЕ ОБЩИНЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ОПЫТ САМООРГАНИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (1861–1905)

Без самоорганизации общества невозможно обеспечить высокие социальные стандарты, сформировать гражданское общество, укрепить государственную целостность России. Местное самоуправление – одна из основ конституционного строя, основополагающий принцип организации власти, который, наряду с принципом разделения властей, определяет систему управления. Следовательно, изучение истории местного самоуправления будет способствовать формированию гражданской позиции через понимание важности этого института. Вышесказанное и определило интерес к теме исследования.

К изучению сельских общин в России в разные эпохи обращались многие исследователи, начиная с классиков исторической науки С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского. Следует отметить также труды Б.Н. Чичерина, А.А. Кауфмана, К.Р. Качоровского, из более современных – Л.В. Даниловой, В.В. Кабанова, на региональном уровне – Н.А. Миненко, И.В. Побережникова и др. Однако именно социокультурная деятельность общин на региональном уровне ещё предоставляет возможности для более полного изучения.

Предметом данного исследования является сельская община, бывшая основной единицей местного самоуправления в аграрной России. Объектом исследования послужила деятельность сельских общин Пермской губернии в социокультурной сфере. Хронологические рамки ограничены с одной стороны началом Великих реформ, с другой – началом первой русской революции, ставшей новым этапом в истории крестьянства.

Целью исследования является характеристика направлений деятельности общин в социокультурной сфере. Задачи исследования: сбор материала по теме, выявление направлений деятельности сельской общины в рассматриваемой сфере, рассмотрение данной деятельности на примере сельских общин Пермской губернии.

Методологической основой исследования стали положения локальной истории, рассматривающей общеисторический процесс через процессы, разворачивающиеся в отдельных территориях и поселениях. В качестве источников использовались периодическая печать изучаемого времени, сборники Пермского земства, статистические сборники.

Право крестьян на самоуправление было законодательно закреплено в процессе Великих реформ Александра II. На местное самоуправление была возложена забота о местных пользах и нуждах, в числе важнейших – и в социально-культурной сфере.

Обычай помощи лицам, не способным собственными силами обеспечить себе пропитание, в 1860-е гг. стал законом. Если заболел бедняк, обременённый детьми, однообщественники несли ему хлеб, молоко, солому для скота, а если больной умирал, на помин души приносили муки, калачей, крупы, мяса и денег. Бедной вдове, которой было нечего сеять, давали семена. Люди престарелые и безродные доживали свой век, приютившись в какой-нибудь семье. Жители практиковали и обычай тайной милостыни: поздним вечером приходили к домам бедняков и, постучав в дверь, уходили, оставляя на завалинке что-нибудь из одежды или еды. Однако существовали и такие общины, где жители друг другу не помогали [6, с. 123–124].

Общинная солидарность в пореформенное время проявлялась также в широком распространении помочей. Во время покоса или уборки хлебов у некоторых хозяев ощущался недостаток рабочих рук, который восполнялся общими силами крестьян [3, с. 109–110].

Патриархальный обычай взаимной беспроцентной денежной поддержки в пореформенный период заменили волостные кассы взаимопомощи. В 1866 г. ссудо-сберегательные кассы были переданы в ведение сельских обществ бывших государственных крестьян. Во времена крепостного права для крестьян Строгановых существовали ссудный и страховой капиталы, которые после 1861 г. были преобразованы в ссудо-сберегательные товарищества.

Описывая практику волостных касс, современники критиковали «уравнительные» начала деятельности подобных касс и почти полное сращивание кредитных учреждений с волостью. Очень остро стоял вопрос о возвращении ссуд, без которого сама деятельность не имела никакого значения. Подобные принципы раздачи ссуд соответствовали задачам общины. Не встретивший своевременной необходимой поддержки бедняк превращался в нищего, а для общества это превращение составляло бремя, несоизмерное с теми прибылями, какие оно могло бы получить через наращивание своего общественного капитала из коммерческих процентов в каком-либо кредитном учреждении. Действие уравнительного механизма общины проявлялось также в том, что кулаки вместе с бедняками пользовались ссудами. Ситуация оставалась прежней и в начале XX в. [7, с. 66]. Однако встречались и факты наведения порядка органами крестьянского самоуправления в этой сфере [2, с. 75–76, с. 81–82].

Культурно-воспитательная функция сельского самоуправления в пореформенное время получила яркое выражение в открытии школ и библиотек. В 1870-е гг. местные общества открыли и содержали на свои средства немало школ. Особенно много их было в Соликамском уезде Пермской губернии. В эти же годы церковно-приходские школы Камышловского уезда при пособии местных обществ преобразовались в штатные. Со времени учреждения земства местные общества активно сотрудничали с ним в открытии и содержании школ. До 1870 г. в Пермской губернии было

открыто 99 общественных одноклассных сельских училищ, на 1 января 1894 г. их число достигло 631, в 1905 г. насчитывалось 1003 одноклассных сельских училища и появилось 81 двухклассное [5, с. 37–40].

Как правило, школы содержались частью за счёт местного общества, частью за счёт земства. Земства некоторых уездов Пермской губернии (Екатеринбургское, Оханское) даже приняли правило – «открытие каждой школки обусловлено известным ассигнованием местного сельского общества». Содержать училище на договорных началах могли несколько обществ. Уже в 1871 г. все сельские училища Пермской губернии получали от местных обществ финансовую поддержку в размере 10 188 руб. 99 коп. В 1905 г. от сельских обществ на содержание двухклассных училищ поступило 18 053 руб. 65 коп., а одноклассных – 58 287 р. Больше всего жертвовали на народное образование в Соликамском уезде и совсем не делали этого в Чердынском. Отказалась и часть обществ Кунгурского уезда.

Особенно остро стоял вопрос о постройке специальных школьных зданий. По-настоящему хорошие и благоустроенные помещения были не везде. На рубеже XIX–XX вв. Пермское земство выдавало обществам одну четверть денег на постройку школьных зданий с тем, чтобы остальные три четверти они изыскали сами. В Соликамском уезде это сыграло положительную роль. Волостные и сельские сходы, рассчитывая на получение пособий, охотно начали отпускать на постройку школьных зданий посильные суммы, обязываясь в то же время выполнить многие работы. К 1905 г. удалось выправить положение с двухклассными училищами в Пермской губернии. 79 из 81 имели собственное здание. Деревня начала строить и специальные здания для одноклассных училищ [4].

Силами самоуправления могли обеспечиваться наём школьного помещения или его строительство, отведение земельного участка для школы, её текущий ремонт, уплата жалования преподавателю, приобретение обстановки и учебных пособий, отопление, освещение, охрана школьного здания. В полном объёме решать эти вопросы общине было тяжело, и жители не всегда на это шли. Средства на нужды образования самоуправления традиционно находило с помощью различных сборов и раскладок. Жалование учителям было не только денежное, но и продуктовое. Расходы на школы год от году росли.

Кроме финансовых вопросов сельское самоуправление решало многие организационные проблемы школы, выбирая для этого новое исполнительное лицо – попечителя школы. Многие из них оказались настоящими подвижниками школьного дела, вникали во все вопросы и внушали односельчанам понимание важности образования, в том числе и убеждая их к отпуску дополнительных средств.

В условиях хуторского расселения, распространения починков и одноворок широкое распространение получили так называемые подвижные школы грамоты. Изба под такую школу предоставлялась по очереди. Права сельского самоуправления в организации начального образования про-

стирались вплоть до права введения обязательного обучения для всех детей общины. С конца 1880-х гг. местные общества могли учреждать библиотеки, в содержании которых помогали земства [1, с. 90–92].

Религиозная функция сельского самоуправления получила организационное оформление в виде так называемой приходской общины. Средства на строительство храмов добывались путём добровольных пожертвований, сборов по раскладке или использования общественной запашки. Жители прихода должны были содержать церковный причт, строить для этого дома на специально отведённой земле, что не все спешили делать. Церковнослужителям предоставлялась пахотная земля, покосы и лес. Вместо земельного надела крестьяне могли выплачивать священникам специальный сбор – ругу. Отведённая причту земля должна была оставаться церковной собственностью, но большинство крестьян так не считало, что приводило нередко к конфликтам. В пореформенный период натуральное жалование сельского духовенства заменялось денежным. Общинники-раскольники и сектанты отказывались содержать православное духовенство [6, с. 148–154].

При решении приходских дел священники участвовали в работе общинных сходов. Самой крупной неприятностью для священника была угроза сельского самоуправления вынести общественный приговор с просьбой о перемещении неугодного духовного лица. Вокруг священников и причт формировался своеобразный «актив», как правило, из людей старшего поколения, из которых обычно избирались церковные или часовенные старосты и сторожа.

В пореформенный период появились церковно-приходские попечительства. Им были предоставлены значительные права, например, в организации приходского схода. Он созывался председателем попечительства или священником и состоял из домохозяев прихода и прихожан, домами не владеющих, но по закону могущих на нём присутствовать. На сходе обсуждались все предметы ведомства приходского попечительства. Приговоры здесь вступали в силу, если в сходе участвовало даже менее 10,0 % прихожан, и были обязательны только для тех, кто с ними соглашался. Не требовалось и утверждения приговора земским начальником [8, с. 407–408].

Главной деятельностью попечительств стала благотворительность. В неурожайное время попечительства кормили голодающих, открывая народные столовые и чайные. Много внимания уделялось также вопросам нравственности прихожан, особенно молодёжи. Попечительства также заботились об охране кладбищ и решали финансовые вопросы.

Функции приходской общины и сельского самоуправления в сфере религиозной жизни не были идентичны. Наряду с проведением церковных праздников и организацией коллективных молебнов в случае засухи, падежа скота и т.п. община исполняла календарные земледельческие обряды, которые православная церковь нередко не одобряла, считала суевериями, например опаживание деревни.

Таким образом, можно выделить следующие направления социокультурной деятельности крестьянских общин в Пермской губернии.

1. Помощь обедневшим крестьянам, погорельцам, сиротам, вдовами и т.д.

2. «Помочь» – помощь в сельскохозяйственных работах соседям, у которых не хватало рабочих рук.

3. Открытие и содержание касс взаимопомощи и ссудо-сберегательных касс.

4. Открытие школ и библиотек

5. В религиозной сфере – сбор средств на строительство храмов, содержание священнослужителей, участие в благотворительной и просветительской деятельности церкви в масштабах общин и волостей.

Деятельность органов крестьянского самоуправления, направленная на поиск дополнительных форм социальной поддержки крестьян, обеспечение школьного дела, в пореформенный период имела несомненный положительный эффект, способствовала распространению в деревне грамотности, благотворительности и развитию кредитных отношений.

1. Бобылёв Д. Положение внешкольного образования в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1905. № 3.

2. Пономарёв Н.А. О волостных вспомогательных кассах // Сборник Пермского земства. 1905. № 3. Отд. 3.

3. Работы статистического бюро. Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии Шадринского уезда // Сборник Пермского земства. 1880. Кн. 2.

4. Раменский А. Начальное народное образование в Пермской губернии. // Сборник Пермского земства. 1905. № 3. Отд. 3. С. 46, 67.; Сивков П. Некоторые данные о положении начального народного образования в Пермской губернии в 1898–99 учебном году // Сборник Пермского земства. 1900. № 4. Отд. 3.

5. Раменский А. Начальное народное образование в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1905. № 3. Отд. 3.

6. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. М.: Наука, 2003.

7. Сивков П. Вопросы народного кредита на съездах представителей ссудо-сберегательных касс // Сборник Пермского земства. 1901. № 1. Отд. 3.

8. Условия законности сельских, волостных и приходских приговоров об устройстве и содержании церковно-приходских школ // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. № 10.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ РАНЕНЫМ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.

С началом Русско-турецкой войны для Дунайского и Кавказского театров боевых действий на территории Российской империи было сформировано по крупному эвакуационно-распределительному пункту.

Первый из них расположился в Яссах. В него поступали раненые и больные из эвакуационных пунктов, устроенных в румынских Браилове и Фратештах. После сортировки их отправляли в Россию по двум направлениям: по пути, крайним пунктом которого служил Харьков, и в Киев, откуда их могли направить на северо-запад – в Варшаву, Вильно, Ригу или Москву.

Второй учредили во Владикавказе, откуда эвакуация, минуя наш регион, шла по линии Ростов–Воронеж–Козлов–Тамбов–Саратов [1, с. 9–10].

По потоку передвижения раненых и больных эвакуируемых военнослужащих Курщина граничила с двумя губерниями, по которым проходили основные маршруты перемещения эвакуируемых солдат. И в случае переполнения медицинских учреждений в Харькове и Воронеже существовала незначительная вероятность направления санитарных поездов в Курскую губернию. Именно это соседство склонило губернатора Александра Николаевича Жердинского к принятию решения об устройстве лазаретов. Этому также способствовало и Министерство внутренних дел, направившее губернским начальникам специальное распоряжение о приеме раненых и больных воинов в местные земские лечебные учреждения [2, с. 21]. Данный расчет оказался частично верным, т.к. при переполнении Харьковских госпиталей солдат направляли в Курск, даже несмотря на острую нехватку специального транспорта. Российским обществом Красного Креста было изначально сформировано 16 санитарных поездов. Этот недостаток вынуждал РОКК направлять их в ближайшие госпитали в Кишинев, Тирасполь, Балту, и только некоторым назначались более отдаленные рейсы до Киева и даже за его пределы, в т.ч. в Курск. Проблема частично решалась спешной организацией новых санитарных поездов. Один из них – «Имени государыни императрицы №1» – следовал по маршруту Москва–Курск–Киев–Казатин–Жмеринка–Кишинев–Унгень. Он состоял из 17 вагонов, 11 из них предназначались для раненых (по 16 в каждом) [3, Л. 9]. Военное министерство, со своей стороны, летом–осенью 1877 г. стало формировать составы из непригодных товарных вагонов [4, с. 174–175]. Таким образом, данная проблема была решена.

Практически сразу же после объявления войны постановлением экстренного собрания Курского общественного клуба было решено выделить из клубных сумм 6 тыс. руб. серебром, из них 4 тыс. передавались Красному Кресту [5, Л. 5]. Кроме этого, в пользу больных и раненых воинов Курским городским обществом было пожертвовано 25 тыс. руб. [6, Л. 5].

С разрешения администрации губернии 23 апреля 1877 г. в Курске был открыт Дамский комитет общества попечения о раненых и больных воинах под председательством супруги курского губернатора Марии Дмитриевны. Первое заседание было посвящено вопросам, связанным с обеспечением бельем и постельными принадлежностями учреждаемых в Курске и Белгороде госпиталей на 150 человек. Было решено, что финансирование этих нужд будет производиться из денежных пожертвований членами комитета и частично – за счет средств, отпущенных местному РОКК. Однако позднее по неясным причинам в уездном городе было сокращено число кроватей до 50. В итоге, к маю 1877 г. была выполнена лишь половина запланированного. Общество попечения о раненых и больных воинах осталось недовольно таким ходом событий. Даже на страницах газеты «Курские губернские ведомости» было размещено объявление следующего содержания: «Курское местное управление Общества попечения о раненых приглашает к пожертвованиям как денежным, так и вещевым: ватой белой, листовой; бельем, марлей; носками; фуфайками и т.д.; медикаментами (нужнее всего хинин, хлороформ, карболовая и салициловая кислоты) и предметами довольствия (чай, кофе, сахар, вино, спирт)» [7, Л. 6].

Курская городская дума под госпиталь передала дом Выховцева. Белгородцы же первоначально отвели под лазарет здания екатерининского и бывшего этапного домов [8]. Всего же к концу 1877 г. в губернском центре были оборудованы помещения, способные принять до 300 человек, а в вышеупомянутом уездном городе – до 100. Позднее Белгородская дума решила перевести медицинское учреждение в более удобное помещение – здание «общественной Николая Чумичева богадельни». На их содержание было израсходовано 54 694 руб. [9]. Свою лепту в дело оказания помощи больным и раненым внесли и служащие канцелярии губернатора, решившие отчислять на их нужды 3,0 % от своего жалования до окончания войны. А на средства, отчисленные из зарплаты членов Курского акцизного управления, на Денисьевской даче выстроили барак стоимостью 1 200 руб. [10].

Удалось установить, что Дамским комитетом под руководством Жердинской удалось собрать только за 1877 г. 21 483,5 руб. и большое количество вещей для выписываемых солдат. Её стараниями к дому Выховцева был проведен водопровод и открыта прачечная, снабжавшая госпиталь чистым бельем. Более того, Комитет с 1 января 1878 г. взял под свое покровительство лазарет Красного Креста (на 50 кроватей), располагавшийся на Московской улице Курска в доме [11].

В первые месяцы 1878 г. губерния испытывала наплыв раненых, их число доходило до 1000 чел. (как чины армии, так и военнопленные), потом поступление уменьшилось, но долгое время число больных было почти вдвое больше, чем могли принять лечебные учреждения губернского центра. Даже несмотря на настоятельные требования губернской управы и

постоянно предоставляемые сведения о числе свободных мест в лечебницах, губуправа никогда не имела своевременных и верных известий о числе и времени прибытия больных, которые постоянно присылались без всякого предварительного извещения, не считаясь с количеством незанятых коек или вопреки запретам на прием пациентов. Из-за этого 11 января 1878 г. губернской управой были открыты отделения для раненых и больных воинов, разместившиеся в здании Духовной семинарии и в доме купца Полита. Дошло до того, что жителям разрешали взять к себе на постой выздоравливающих нижних чинов. С февраля 1878 г. горожане стали отказывать в сдаче домов под помещение больных, особенно турок. Последних в спешном порядке перевели в устроенную в Коренной пустыни временную больницу. Для прекращения в Курске эпидемии тифа в Ямской слободе была создана приемная эвакуационная станция, приспособленная для кратковременного пребывания больных. Российским обществом Красного Креста на земле богоугодных был построен деревянный барак и выписан из Москвы переносной брезентовый барак (джулун). Оба вмещают до 40 человек [12, с. 329–331].

Земство Рыльского уезда в конце 1877 г. выделило 2 тыс. руб. для лечения солдат при городской больнице Рыльска. Для этого планировалось: 1) выделить одну палату для приема десяти больных и раненых, 2) в бывшем помещении фельдшера во флигеле при больнице предлагалось разместить 5 кроватей для больных сифилисом, и 3) обратиться к жителям уезда и города с просьбой о выделении экипажей для транспортировки со станции Коренево [13, с. 73–74]. Данных о лечении солдат в вышеуказанном уездном городе нет. Скорее всего, из-за удаленности Рыльска от железнодорожной сети и сложности перевозки пациентов инициатива местных властей не была поддержана руководством губернии.

Удалось установить, что в Курской губернии имелось следующее число коек для раненых и больных: в Курске – 228, Глинской пустыни – 15, Путивле – 10, Дмитриеве – 10, Судже – 18, сл. Томаровке – 10, Грайвороне – 20, Белгороде – 100 и на ст. Ржава – 6 [1, с. 73].

С окончанием боевых действий и возвращением армии в границы Империи в канцелярию курского губернатора поступило распоряжение, согласно которому:

1) запрещалось заключение новых контрактов на наем помещений под лазареты, и 2) все лечебные учреждения, где есть пустующие места, объединить в 1 или 2, а прочие закрыть, оставив необходимый врачебный персонал. Согласно этому постановлению в губернии с 21 октября 1878 г. закрывались медицинские учреждения РОКК. Пациенты, еще находившиеся в них, передавались земству.

Таким образом, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. впервые в истории Российской империи была проведена масштабная железнодорожная эвакуация больных и раненых в глубь страны. На основе имеющегося опыта в 1890 г. Российским обществом Красного Креста

опубликовано «Положение об эвакуации больных и раненых», оставшееся без изменений до начала Первой мировой войны.

Курская губерния не вошла в эвакуационные маршруты, разработанные МВД. Однако благодаря близости к основным путям перемещения раненых и больных военнослужащих было принято решение об открытии нескольких госпиталей. Приобретенный курянами опыт организации медицинских учреждений был использован в последующих войнах.

-
1. Обзор деятельности состоящего под покровительством ее императорского величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. СПб., 1877.
 2. Кузьмин В.Ю. Медицинское обслуживание раненых в Русско-турецкую войну (1878–1878 гг.) // Вестник ОГУ. 2005. № 2. 2005.
 3. Курские губернские ведомости. 17 мая 1877. № 37.
 4. Красный крест в тылу действующей армии в 1877–1878 г. отчет главноуполномоченного общества попечения о раненых и больных воинах Н. Абаза. Т.1. СПб., 1880.
 5. Курские губернские ведомости. 22 апреля 1877. № 30.
 6. Там же. 10 мая 1877. № 35.
 7. Там же. 24 мая 1877. № 39.
 8. Там же. 7 июля 1877. № 43. Л. 2.; 14 июля 1877. № 45. Л. 3.
 9. Там же. 15 июня 1877. № 54. Л. 1; Журналы заседаний XIII очередного курского губернского земского собрания с 8-го по 19-е декабря 1877. Курск, 1878. С. 39.
 10. Курские губернские ведомости. 28 июня 1877. № 49. Л. 4; 15 июля 1877. № 53. Л. 2.
 11. Там же. 10 января 1878ю № 3. Л. 4; 12 мая 1878. № 36. Л. 7.
 12. Журналы заседаний 14 очередного Курского губернского земского собрания с 9 по 16 декабря 1878 года.
 13. Журналы Рыльского XIII очередного уездного земского собрания с 11 по 17 октября 1877 г.

О.С. Пудова

ФЕНОМЕН «МАКРЕЙКЕРСТВА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Средства массовой информации нередко называют четвертой властью. И если это действительно так, то именно данная ветвь наиболее близка к народу. Именно СМИ информируют нас обо всем и, отчасти, создает наше мнение.

История американской прессы насчитывает несколько веков. Периодическая печать появилась в Штатах в конце XVII века, и тогда она полностью зависела от губернаторов провинций. Но уже к середине XIX века газеты четко выработали свое направление, а главное, пресса стала довольно сильной и самостоятельной. Что касается журналистов XIX века, им приходилось не так легко, как современным. У тех не было таких средств коммуникации, столько источников информации. И конечно, и тогда и

теперь требовалась особая храбрость, чтобы начать «копать» под человека, занимающего высокий пост. Но группа журналистов, не согласная с ситуацией в обществе, решила начать разоблачения магнатов, наживших свое состояние нечестным или даже незаконным путем. Они-то и получили название «макрейкеры» (т.е. «разгребателей грязи»; дословно от англ. «*muckrakers*» от «*muck*» – грязь, навоз и «*rake*» – разбирать, разгребать).

Соединенные Штаты Америки. В своем развитии эта страна шла по пути, не похожему ни на один другой. Именно сюда, в Новый Свет, приезжали тысячи и тысячи иммигрантов в надежде начать жизнь с чистого листа, в поисках счастья. Так создавалась уникальная нация, нация, состоящая из многих других. В 1860-х Америку поразило страшное событие: гражданская война между Севером и Югом. Однако именно это событие имело ряд важных последствий. Во-первых, было отменено рабство, вчерашние чернокожие рабы сразу получили права и стали участвовать в общественной жизни. Во-вторых, война дала стимул к развитию промышленности в стране. В первую очередь развивалась металлургия и электротехника, также развитие получила связь, а вслед за этим и другие отрасли промышленности. В целом за период с 1860 года по 1900 производство выросло в шесть раз.

Экономика шла в гору. Ее особенностью можно назвать стандартизацию продукции, которая заменила ручной труд и его уникальные вещи. Теперь быстрота и массовость стали главными требованиями развивающейся промышленности.

Промышленность налаживалась. Быть владельцем фабрики казалось заманчивой идеей. По Америке прошел «зуд быстрого обогащения» [1]. Новые фирмы появлялись чуть ли не каждый день.

Но у любой фирмы всегда найдутся конкуренты, а любое предприятие зависит от спроса на товар. Вскоре владельцы некоторых фирм поняли: «...по-настоящему крупная фирма не ведет борьбу с конкурентами, она их попросту уничтожает» [2, с. 370]. В связи с этим по всей стране начался процесс конгломерации фирм, процесс, который не имел такого размаха ни в одной другой стране. Объединенные фирмы могли сильнее давить на конкурентов и производить продукцию в большем объеме.

Уже в 1880-х появились тресты. Данная форма объединения предусматривала передачу своих акций всеми членами в руки попечительского совета. При этом происходила и централизация капитала. Они были не только очень богатыми, но и становились и очень влиятельными. Такие фирмы поглощали более мелкие производства, выдавливали с рынка мелких производителей. Владельцы трестов получали заоблачный доход. «В Америке началась эра – эра архимиллионеров и денежных королей неслыханной роскоши и великолепия» [3, с. 280].

Одним из самых известных магнатов был, пожалуй, Джон Рокфеллер, уже к двадцати трем годам сумевший сколотить себе состояние на добыче и обработке нефти. Рокфеллер со временем создал настоящую импе-

рию, поглотившую конкурентов, которая занимала 90,0 % рынка. Его имя гремело, он был очень влиятелен и богат. Но его нефтяной трест был не единственной монополией: сахарный трест Хевмейера, угольный – Гуггенгеймов, стальная монополия Моргана и др. тоже претендовали на право быть монополистами.

Все эти тресты были настолько богаты, что не боялись, пожалуй, ничего. Они могли купить что угодно и кого угодно. Они презирали закон, забыли об уважении всяких норм. Для достижения своих целей они громили чужую собственность, заключали нелегальные сделки, совершали махинации: в обществе царила аморальная атмосфера. Вскоре начались и взятки. Коррупция достигла настолько высокого уровня, что пронизала все общественные институты и структуры, а затем проникла и на все уровни власти.

Вся культура сходилась на нет. Общество буквально загнивало. Все было куплено. Полиция и суды сотрудничали с преступниками. Монополии диктовали цены на продукцию по всей стране. Власть же была просто слаба, непрофессиональна и подкуплена, а потому правительство и не могло приструнить распоясавшиеся монополии. Люди остались «одни», они больше не видели поддержки и защиты, кроме того, монополии внушали страх и оказывали давление.

В связи с такой ситуацией в обществе и зародилось общественно-политическое движение, большую часть которого и составляло движение «макрейкеров». Это движение журналистов, публицистов и писателей, которые стали пробираться через дебри коррупции и пытались расчистить их.

К чему же стремились макрейкеры? Они стремились показать людям правдивую картину жизни общества. Но не только в этом была их цель. Они действительно хотели прекратить произвол монополистов, их махинации. Они искренне надеялись, что смогут избавить общество от коррупции. Легко представить, что разоблачительная деятельность была сопряжена с определенным риском. Журналисты «копали» под известных, высокопоставленных, влиятельных людей, поэтому их шантажировали и угрожали им. Однако «разгребатели грязи» продолжили свою разоблачительную деятельность. Они разбирались в документах, вчитывались в различные постановления и решения судов; они опрашивали сотни людей – сотрудников фирм и т.д.

Результатами этой деятельности стали отчеты, например, о том, что чиновники завербованы или подкуплены, что крупные фирмы заключают нелегальные сделки в свою пользу, грабя людей. Что полиция «наводит» грабителей, а затем делит с ними добычу, что на фабриках жесткая эксплуатация рабочих и тяжелые условия труда. Все это макрейкеры публиковали в газетах и журналах, тиражи которых были огромны, но разлетались с такой скоростью, что их не хватало всем желающим. Журналы, взявшиеся за это дело («Эврибодиз», «Арена», «Индепендент», «Макк-

люрс»), конечно, тоже рисковали. Возможно, они делали это, чтобы прокламировать себя и приобрести известность. В частности, начинающий журнал, в котором большей частью и публиковались макрейкеры «McClure's Magazine», вероятно, делал это, чтобы раскрутиться на сенсациях.

Основателями макрейкерского движения можно считать журналистов Линкольна Стеффенса и Иду Тарбел, а также писателя Эптона Синклера. Из вышесказанного следует, что движение макрейкеров быстро завоевывало популярность и приобретало себе сторонников. Сюда вливались все новые журналисты и писатели. В частности, к движению принадлежали Джек Лондон и Теодор Драйзер.

Все они хотели открыть людям правду. Они хотели добиться равенства, справедливости в обществе. Хотели добиться лучшей жизни, честных судебных процессов, нормальных цен на продукцию. Во всех беспорядках они винили монополии. Это были не просто монополии, но слишком распоясавшиеся, слишком могущественные.

Макрейкеры имели большой успех. Почему? Частично, возможно, потому, что люди завидовали столь богатым владельцам монополий и им нравилось видеть, как тех выводят на чистую воду. Но, конечно, дело не только в этом. Работы макрейкеров имели большой общественный резонанс. Люди впервые открывали для себя страну с другой стороны.

Среди последствий макрейкерского движения важными являются следующие. Во-первых, в нескольких штатах были избраны новые, некоррупцированные губернаторы. Они стремились принимать новые законы, и в частности, те, которые ограничивали деятельность трестов. Это можно назвать вторым важным результатом деятельности. Также состоялся суд над компанией «Стандарт Ойл», наверное, самой богатой и самой крупной монополией, владельцем которой был Джон Рокфеллер. По решению суда фирму обязали разделить на более мелкие.

Однако в целом движение макрейкеров не достигло желаемого результата. Уже в 1910-х отношении к макрейкерам изменилось, их читали все меньше. Вскоре движение затухло и совсем прекратило существование.

Подводя итог, можно сказать, что процесс объединения фирм, имевший такое распространение именно в Америке, привел к разложению порядков и традиций общества. Свидетельством чего и явились коррупция, взяточничество. При этом монополии нечем было остановить. Это стало уже проблемой не какого-либо штата, а проблемой в масштабах всей страны. Теперь как никогда важно было объединиться против общей беды. В таких условиях и зародилось движение макрейкеров, которые ратовали за реформирование общества, за лучшую жизнь. И их деятельность имела довольно крупное значение. В связи с чем мы и можем назвать их «четвертой властью», ведь они действительно повлияли на общество и смогли частич-

но приструнить монополии. Однако, к сожалению, всех этих усилий оказалось недостаточно.

-
1. Уткин А.И. Теодор Рузвельт. Политический портрет URL: <http://www.rulit.me/books/teodor-ruzvelt-politicheskij-portret-read-256944-10.html> (дата обращения: 05.04.2015 г.) .
 2. Макинерни Д. США. История страны. М., 2011. 736 с.
 3. Иванян Э.А. История США: пособие для вузов. М., 2006. 571 с.

СЕКЦИЯ II АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ XX–XXI вв.

А.В. Гофман

ИСТОРИЯ ГРУЗИНО-АБХАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ ПРИМЕРОВ ДИЛЕММЫ «ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ» И «ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ»

История народов всегда была богата на события. От мирного, достаточно успешного сосуществования до жестоких войн и конфликтов. Кавказ всегда был привлекательным с геополитической точки зрения, представляя собой коридор, соединяющий Восточную Европу и Ближний Восток. Среди многочисленных племён, населявших Кавказ, особое место занимали абхазский и грузинский народы. Начиная с античных времён они тесно взаимодействовали как друг с другом, так и с соседями.

В средневековье здесь формировались и распадались те или иные государства, которые находились в этом регионе. Например, во времена грузинского царства в XII–XIII веках, которое играло значительную роль в Закавказье, жителями этого царства были и абхазы, и грузины. К 1490 г. единая Грузия распадается на ряд государств, в том числе и на 3 грузинских царства: Картли, Кахетию и Имеретию. Однако с XVI века на местные народы постепенно усиливается давление Османской империи, также шло насаждение ислама, и местные князья, будучи не в состоянии противостоять этому напору, стали искать защиту против иноземцев. Нашли они её в лице Российской империи. В 1801 г. Александр I издал манифест о присоединении Грузинского царства, оно же Картли-Кахетинское царство, к Российской империи, а в 1810 г. к Российской империи присоединилось и Абхазское княжество [1; 2]. К окончанию Кавказской войны в 1864 г. Абхазское княжество в составе Российской Империи было упразднено и переименовано в Сухумский военный отдел. Значительная часть абхазов не приняла полной аннексии Абхазии Россией и устроила восстания, которые были жестоко подавлены. В результате этого многие семьи переселились в Турцию.

Всё это имело тяжелейшие последствия для абхазского народа, этнически однородная до середины XIX века, после Абхазия стала не просто многонациональной, так как на опустевшие земли царское правительство приглашало грузинских переселенцев, сам абхазский народ здесь перестал быть доминирующим. В 1883 г. Сухумский военный отдел был преобразован в Сухумский округ, подчинённый Кутаисской губернии. Это ещё больше усилило поток грузинского населения в Абхазию.

С падением империи в 1917 году начался новый период в жизни двух народов. Именно с этого момента берёт свое начало так называемая «война законов» между ними. В Грузии к власти приходит меньшевистское правительство, а Сухумский округ попал под управление Закавказского комиссариата в ноябре 1917 г. 9 февраля 1918 г. Абхазский народный совет и Национальный совет Грузии заключили Соглашение, по которому стороны, его подписавшие, считались независимыми друг от друга государствами и ни о каком подчинении одной стороны другой и речи идти не могло [3, С. 9–10]. Однако в мае войска Закавказской Демократической Федеративной Республики, в которую входили Грузия, Армения и Азербайджан, вторглись на территорию Сухумского округа и окончательно подавили большевистский мятеж, в этом же месяце ЗДФР распалась под натиском турецких войск и в результате неспособности Закавказского сейма решать ключевые проблемы.

В общем с 1918 по 1921 гг. Сухумский округ находился в составе Демократической Республики Грузии, что было признано Советско-Грузинским Московским мирным договором от 1920 г. В начале марта 1921 г. в Абхазии была установлена советская власть, а в конце марта образована независимая Социалистическая Советская Республика Абхазия, 21 мая Революционный комитет ССР Грузии принял Декларацию о независимости ССР Абхазии. В декларации было сказано, что: «Революционный комитет Социалистической Советской Республики Грузии признаёт и приветствует образование независимой Социалистической Советской Республики Абхазии...» [4, с. 15]. 16 декабря 1921 г. между ССР Абхазия и ССР Грузия подписывается союзный договор, Абхазия через Грузию вошла в состав ЗСФСР [5, с. 15–16]. Стоит обратить внимание на то, что в этом договоре государственно-правовые Грузино-Абхазские отношения определяются как договорные, то есть равноправные, без подчинения одного другому. Именно эта договорная основа прописана в Конституции Абхазской ССР от 1925 г. и в Конституции Грузинской ССР от 1927 г. [6, с. 18; 7, с. 18]. То есть, не смотря на передачу, согласно союзному договору от 1921 г., части полномочий Грузинской ССР, Абхазская ССР оставляет за собой суверенитет и территориальную целостность. Также через Грузию Абхазия в 1922 г. входит в состав Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, а затем и в состав СССР [8].

В советское время грузинским республиканским руководством стала проводиться жёсткая политика дискриминации по отношению к абхазскому населению. В 1931 г., под предлогом утраты целесообразности предыдущего союзного договора, Абхазскую ССР преобразовали в Абхазскую АССР в составе Грузинской ССР. Таким образом, превратившись из договорной в автономную республику, Абхазия стала в подчинённое положение по отношению к Грузии. Выросла диспропорция между абхазами и грузинами. Если в 1926 г. на территории Абхазии численность абхазов составляла около 28,0 % населения, а грузинов — 33,6 %, то к 1989 г. грузи-

ны составляли уже около 46,0 % населения автономии и абхазов около 18,0 % [9].

Начавшаяся перестройка и политика «гласности» только обострили проблему, выведя её из «замороженного» состояния. 18 марта 1989 г. недавно образованный Народный форум Абхазии «Айдгылара» принимает «Лыхненскую декларацию», в которой просит М.С. Горбачёва: «придать Абхазии статус союзной республики и временно ввести режим “особого управления” ею из Центра (по примеру Нагорного Карабаха)» [10, с. 37]. В ответ на это по всей Грузии прошли стихийные митинги против действий абхазской стороны. Большая часть митингов носило ярко националистический, шовинистический характер с такими лозунгами, как: «Грузия только для грузин!», «За независимую Грузию!» и пр. [11]. Политические лидеры Грузии всячески призывали к антиабхазским и антирусским настроениям. «Абхазская нация, – говорил Звиад Гамсахурдия, первый президент Грузии, – никогда не существовала... Они борются с грузинами, с Грузией для того, чтобы обрусеть... Пока существует советская власть, мы не сможем упразднить автономии Абхазии, Аджарии, Южной Осетии...» [12, С. 60]. Националистический угар у людей замечает также и Булат Окуджава: «Меня поражает нетерпимость даже интеллигентных людей... Только что они ругали русских за то, что те их давят, и тут же, когда заходит речь об абхазах – глаза тускнеют...» [13].

9 марта и 20 июня 1991 г. Верховный Совет Грузии признал противоправными и денонсировал все законодательные акты и договоры, принятые в период с 1921 по 1991 г. и восстановил Конституцию ДРГ от 1921 г. Таким образом: «в результате денонсации Грузией всех законодательных актов и правовых документов, принятых в период с 1921 по 1991 г., в том числе касающихся взаимоотношений с Абхазией, а также в результате одностороннего принятия решения Грузией о выходе её из состава СССР и создания независимого государства (что противоречило договорным отношениям между Абхазией и Грузией, в соответствии с которым вхождение Абхазской ССР в состав ГССР обуславливалось вхождением последней в состав ЗСФСР и СССР), договор о вхождении Абхазии в состав Грузии автоматически терял силу. Поскольку Абхазия продолжает оставаться в составе Союза, соответственно, она продолжала оставаться суверенным независимым государством в составе СССР в границах 1918 г. и субъектом международного права» [14, с. 85]. Годом ранее, 25 августа 1990 г. Абхазия была провозглашена суверенной Абхазской ССР [15]. Также Абхазия изъявила желание остаться в составе СССР, в отличие от Грузинской ССР, и 17 марта 1991 г. на референдуме проголосовала за сохранение Союза ССР [16].

С этого момента ГССР де-юре больше не существует. Вместо этого на её территории возникло два независимых государства – Грузия, заявившая о своей независимости и выходе из СССР, и Абхазия, которая продолжала оставаться субъектом Союза ССР. Следовательно, государствен-

но-правовые отношения между Абхазией и Грузией, созданные и регулировавшиеся советским законодательством, были прекращены также на основании советского законодательства. Чуть позже не стало и самого СССР.

Последовавшие за этим грузино-абхазские войны показали ту самую дилемму между «принципом самоопределения народов» и «принципом территориальной целостности». Во-первых, согласно концепции национальной безопасности Грузии, Абхазия является территорией, оккупированной Россией [17]. То есть Грузия считает Абхазскую Республику сепаратистским государством, которое хочет присоединить к себе Россия. Соответственно Тбилиси заявляет о нарушении «принципа территориальной целостности» по отношению к нему со стороны Сухуми и Москвы. Такую позицию поддерживают США и целый ряд других стран.

Во-вторых, со своей стороны, РФ, признавшая Абхазскую Республику, поддерживает заявления Сухуми о действии «принципа самоопределения народов» для Абхазии [18].

Получается, что стороны, ссылающиеся на международное право, зашли в тупик. Чтобы из него выйти, нужно ещё раз внимательно проанализировать эти принципы. Получается, что «принцип самоопределения народов» и «принцип территориальной целостности», прописанные в Уставе ООН, имеют одинаковую законность исполнения для всех акторов международного права, также стороны признают тот факт, что, согласно Декларации о принципах международного права, «каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны», также в действиях сторон: «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов». То есть принцип территориальной целостности не распространяется на те страны, где нарушен принцип равноправия и самоопределения народов. Итак, Грузия заявляет о том, что Абхазия является её частью, но на момент принятия Грузией «Акта о восстановлении государственной независимости Грузии» в 1991 г., договор между Абхазской ССР и Грузинской ССР от 1921 г. потерял силу, так как были нарушены условия, содержащиеся в договоре, а именно обязательное вхождение ГССР в ЗСФСР и через неё в СССР, значит, АССР, согласно этому договору, а также «Декларации о государственном суверенитете Абхазской ССР», является независимым государством и полноправным субъектом международного права. Эту позицию усиливает и тот факт, что пребывание Абхазии в составе Грузии с 1918 по 1921 г. было насильственным и незаконным.

Таким образом, на сегодняшний момент Абхазия де-юре и де-факто независимое от Грузии, суверенное государство.

1. Манифест о присоединении Грузии к России URL: http://www.textfighter.org/raznoe/History/Article/manifest_o_prisoedinenii_gruzii_k_rossii_i_storii_rossii.php (дата обращения: 12.01.2015 г.).
2. Присяга абхазского князя Георгия, Шарвдшидзе (Сефер-али Бека) при вступлении в подданство России URL: http://pod-styagom-rossii.narod.ru/Pod_styagom_Rossii.html (дата обращения: 09.01.2015 г.).
3. Соглашение между Народным Советом Абхазии и Национальным Советом Грузии // Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сб. / сост.: К.И. Казенин. М.: Издательство Европа, 2007.
4. Декларация Революционного комитета ССР Грузии о независимости ССР Абхазии // Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сб. / сост.: К.И. Казенин. М.: Издательство Европа, 2007.
5. Союзный договор между Социалистической Советской Республикой Грузией и Социалистической Советской Республикой Абхазией от 16 декабря 1921 г. // Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сб. / сост.: К.И. Казенин. М.: Издательство Европа, 2007.
6. Конституция ССР Абхазии 1925 г. // Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сб. / сост.: К.И. Казенин. М.: Издательство Европа, 2007.
7. Конституция ССР Грузии 1927 г. // Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сб. / сост.: К.И. Казенин. М.: Издательство Европа, 2007.
8. Договор об образовании СССР URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_об_образовании_СССР (дата обращения: 13.01.2015 г.)
9. Этнодемография Кавказа URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnabkhazia.html> (дата обращения: 15.01.2015 г.)
10. Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992: сб. / сост.: К.И. Казенин. М.: Издательство Европа, 2007.
11. Лежава Г. Политическая ситуация в Грузинской ССР и абхазский вопрос (1987–1992 гг.) URL: <http://abkhazia.narod.ru/leghava.htm> (дата обращения: 14.01.2015 г.).
12. Собчак А. Тбилисский излом. 1989 г. М., 1993.
13. Поэт Булат Окуджава об умонастроениях в Грузии в 1989–1990 гг. // Советский экран. 1990. № 4.
14. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. 262 с.
15. Декларация о государственном суверенитете Абхазской Советской Социалистической Республики URL: <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm> (дата обращения: 11.01.2015 г.)
16. Парламентская газета. Архив № 270 (1887) // URL: <http://old.pnp.ru/archive/18870125.html> (дата обращения 14.01.2015 г.).
17. Концепция национальной безопасности Грузии URL: <http://www.mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/NationalSecurityConcept.aspx> (дата обращения: 15.03.2015 г.).
18. Указ Президента Российской Федерации «О признании Республики Абхазия» URL: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1114434> (дата обращения: 18.03.2015 г.).

ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ АРМИИ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ДИВИЗИИ)

В отечественной историографии до недавнего времени не уделялось должного внимания изучению истории повседневности. Между тем данное направление способно раскрыть влияние человеческого фактора на ход исторического процесса. Фронтной быт нижних чинов в период русско-японской войны недостаточно изучен в российской исторической науке.

Наше исследование основывается на анализе источников личного характера, монографиях и научных статьях, затрагивающих данный вопрос. Наиболее важными данными для нас обладает мемуарная литература командира Псковского полка М.В. Грулева и служащего нижнего чина Ф.И. Шикуча В их воспоминаниях раскрываются проблемы снабжения армии, питания, обмундирования и быта. В этом ключе имеет значение дореволюционное исследование П.Ф. Чесского по истории Бузулукского полка. Для подкрепления данных мемуарной литературы были проанализированы: отчет Н.А. Ухач-Огоровича и приказ по Военному ведомству № 141. Данные источники дополнили наши сведения по хозяйственной части военных соединений. Нами были использованы труды различных исследователей. Так, полезными данными по тактике ведения боя русских войск обладает статья советских ученых Л.А. Зайцева и Ю.И. Чернова, опубликованная в коллективной монографии 1977 г. Заслуживает внимания автореферат диссертации 2009 г. Э.А. Воробьевой, посвященной проблеме восприятия войны обществом, выводы работы автора находят отражение в нашем исследовании. В этой связи следует отметить диссертацию Л.А. Чернова, защищенную в 2014 г., где автор, поднимая проблему быта офицеров на войне, затрагивал быт военнослужащих нижних чинов.

Полезной информацией для нашей темы обладает статья А.Н. Сахарова, опубликованная в 2007 г., откуда были взяты данные о количестве воевавших военнослужащих. Важными статистическими данными по поводу процентного соотношения социального состава армии обладают советские статьи Д.А. Гаркавенко и Л.Г. Протасова. Заслуживает внимания зарубежный журнал «Men-at-Arms», изданный в 2004 г., который был посвящен военному быту противоборствующих сторон в Русско-японскую войну. Из этого издания нами почерпнуты дополнительные сведения об обмундировании войск.

Актуальность и новизна работы заключается в том, что проблема быта военнослужащих нижних чинов ранее не являлась объектом специальных исследований, в связи с этим нами делается попытка рассмотреть заявленную тему.

Понятие военного конфликта включает в себя три основных компонента: подготовка к бою, сражение и период затишья, во время которого военнослужащий сталкивался с окружающей действительностью.

В определение фронтового быта входит «заполнение» времени служебными обязанностями (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии и выполнение ряда других работ, свойственных родам войск и военных профессий), а также моральное состояние и часы отдыха, досуга, то есть все, что входит в распорядок дня.

В начале войны Россия сосредоточила на театре боевых действий в Маньчжурии и Северной Корее до 100 тыс. человек [1, с. 5]. В то время военнообязанными считались мужчины в возрасте от 21 до 43 лет. В регулярную армию могли поступать добровольно, что давало некоторые привилегии по службе. Стоит сказать, что к концу войны мы достигли преимущества над противником в количестве войск, которое составляло около 293 тыс. против японских 271 тыс. человек [1, с. 9]. Русская армия перед войной состояла на 88,0 % из крестьян, и только часть военнослужащих была из числа рабочего класса [2, с. 35, 40; 3, с. 36]. Социальный состав армии сказывался как на отношениях внутри нее, так и на обслуживании боевой техники, понимании целей и задач войны. Следует напомнить, что корпус офицеров в большей степени состоял из дворян. Лишь малая его часть имела высшее военное образование, и те оставались при штабах. Большинство командных чинов прошло через систему военных и юнкерских училищ, которые, по свидетельству современников, находились не на высоком уровне [4, с. 21]. Именно на генеральском и офицерском составе лежала вина выбора неправильной, устаревшей тактики ведения боя – сомкнутыми массами, предпочтение наступлению и штыковой атаке, пренебрежение к самоокапыванию и маскировке [5, с. 73].

Главными составляющими фронтового быта являются боевое снабжение и техническое обеспечение войск, жильё и бытовое снабжение (продукты питания, обмундирование), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие и связь с тылом. Во многом от перечисленного зависел моральный дух и боеспособность армии. Причем большую роль играла оценка войны в обществе и понимание ее целей в военной среде.

Многие войска, участвующие в конфликте с Японией, отправлялись на Дальний Восток по Транссибирской железнодорожной магистрали, однако ее пропускная способность была мала, что создавало осложнения при переброске живой силы непосредственно к месту боевых действий. Так, о задержках поездов, которые вредили ведению войны, вспоминал командир полка М.В. Грулев: «...могу васъ увѣрить, что каждая экстренная поѣздка Куропаткина въ Мукденъ, навстрѣчу направленію воинскихъ поѣздовъ изъ Россіи, задерживаетъ движеніе эшелонovъ, по крайней мѣрѣ, на 3–4 дня... хорошо было бы, если бы Куропаткину не надо было ѣздить съ докладами къ Алексѣеву!..» [6, с. 165]. Перед мобилизацией войск, объявленной

25 апреля 1904 г., в военные части приезжали специальные группы лекторов, которые рассказывали о противнике. Причем специально принижались все боевые характеристики японского военнослужащего, и зачастую лекции выливались в некое подобие анекдотических историй из жизни вражеской армии. В некоторые военные части перед отправкой на фронт приезжал император Николай II с напутственными речами. После молебна на плацу все жители, собравшиеся попрощаться с воинами, дарили им иконки, подносили обильные угощения, алкогольные напитки и сопровождали отряды до самых вагонов, с криками «ура» поезда отправлялись на театр боевых действий [7, с. 14]. В одном вагоне, предназначенном для нижних чинов, располагалось до 40 человек и 8 лошадей, по свидетельствам современников, места было достаточно [7, с. 1262]. Люди располагались на полатах в два яруса. Матрацем служили личные вещи, а накидкой — шинель.

Дорога из Московского округа в Харбин занимала приблизительно 1 месяц. Сам город был превращен в склад личных вещей полкового имущества. Офицерам приходилось оставлять шинели, чтобы облегчить ношу солдата непосредственно в бою. В период жары больше всего требовались легкие дождевые накидки, пожалованные князем Сергеем Александровичем некоторым военным частям Московского округа. Данные вещи прибыли в Псковский полк, когда его части были уже под Ляояном [7, с. 150]. В качестве обмундирования нижним чинам выдавались: гимнастерка, брюки из грубой ткани, фуражка, пара портянок, казакам сапоги до колена, а простым пехотинцам обувь из грубой кожи типа ботинок, плохого качества, поэтому на войне солдаты нередко переобувались в китайские улы [8, с. 19–20]. Что касается зимней одежды, то интендантство, так же как и в последней русско-турецкой войне, не успело подвезти нужное количество полушубков, валенок и варежек, поэтому многим приходилось забирать китайские ватные куртки.

По закону военнослужащих были обязаны кормить три раза в день. Завтрак состоял из горячего чая, сахара, сухарей, иногда каши [9, с. 8]. На обед полагались блюда из двух видов на выбор, обычно ими служили хлеб с супом, борщом или кашей. Ужин состоял из чая и сухарей. Однако это было положенным провиантом, а вот приварок* солдат мог получить за дополнительную плату. На интендантство с 29 октября 1904 г. легло довольствие всех видов военных чинов. Так, в сутки ими на одного военнослужащего нижнего чина выделялась 21 коп. На эту сумму денег можно было приобрести две варки и один фунт мяса, причем еще оставалась часть средств [6, с. 128]. Но такие условия питания встречались не во всех частях. Так, чтобы войска не были голодными, к каждому полку приписыва-

* Под провиантом в дореволюционное время понимался гарнир, то есть имеющий большое количество углеводов продукт, а приварок — это еда с высоким содержанием белка (мясо, рыба и овощи).

лась специальная полевая кухня, которая подвозила пищу непосредственно к боевым соединениям. Это являлось нововведением в армии. Однако не все части имели достаточное количество таких кухонь, и зачастую те оставались при штабах, поэтому полевым офицерам иногда приходилось мириться с пищей из солдатского котла. В моменты дальних перебросок приходилось рассчитывать на свои собственные запасы, которые в условиях жары быстро пропадали. Зачастую не хватало чистой питьевой воды, и хотя, по воспоминаниям М.В. Грулева, были куплены специальные химические таблетки и фильтры [6, с. 181], они дошли не до всех частей, и приходилось кипятить набранную из луж жидкость [9, с. 20]. Если провиант, заказанный командиром полка, долгое время не приходил, то выручали закупки продуктов у местного населения – китайцев. Качество их товара не соответствовало заявленной высокой цене, поэтому пытались иногда питаться местными плодами фруктовых деревьев. Но это вызывало болезни среди нижних чинов из-за незнания процесса употребления незнакомых фруктов.

Находясь на фронте, солдаты жили в специально выданных тряпичных палатках, которые вмещали несколько человек. Внутри них матрасом служил сноп сена, а укрывались шинелью или дождевой накидкой. Это было удобно при быстрых маршах и переброске войск на разные участки. Но бывало, что при отступлении могли бросить часть вещей, палаток, и тогда наскоро ставили шалаш из гаюляна [9, с. 10] и спали на земле. При длительном постое на одном месте могли вырыть небольшую землянку, прикрытую сверху досками, внутри ставилась печь в виде нескольких кирпичей, для офицеров сооружался канн^{**}. Строили также нары, которые служили койкой, в качестве подстилки выступала солома.

Важное место на поле брани занимало медицинское обслуживание, его мобильность и качество. Для того чтобы уносить раненых с поля, в каждом полку имелось 128 носильщиков и 32 носилки [10, с. 133]. Бывало, что своих товарищей выносили сослуживцы и не возвращались на позиции. Чтобы это пресечь, правительство разрешило содействовать санитарам только при согласии начальствующих лиц. Первую помощь оказывал полковой фельдшер, далее пациента загружали на специальный транспорт, который перевозил за раз двоих человек в передовой перевязочный пункт или дивизионный лазарет. Если требовалось проведение сложной операции, то больного отправляли в полевые госпитали. Для оздоровления обстановки на позициях были введены санитарные и дезинфекционные отряды, которые обеззараживали жилье и вещи больных [11, с. 17; 12, с. 22]. В марте 1904 г. был учрежден также ветеринарный отдел для лечения животных на позициях [13]. Медицинская помощь конскому составу сыграла

^{**} Канн – это традиционная система отопления в крестьянских домах сев. Китая и Кореи. Представляет собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специальным каналам проходил горячий воздух от печи.

большую роль для чинов, которым полагалась лошадь [4, с. 74]. Помимо государственных структур по оказанию первой медицинской помощи больным и раненым, существовали летучие врачебно-питательные пункты Российского общества Красного Креста [6, с. 181].

Русско-японская война резко ворвалась в жизнь крестьян и рабочих Российской империи. Первые месяцы конфликта горячо поддерживались общественностью. Это выражалось в том, что люди деревнями и городами провожали защитников родины на войну с японцами. Даже в рядах армии воины чувствовали уверенность в собственных силах. Так, один из военнослужащих в чине ординарца вспоминал, что на вопрос своего командира о стойкости наших войск он ответил: «...русские войска никогда не отступят». На что начальник возразил, напомнив о бегстве войска при ранении командира [9, с. 9]. В действительности, уходя на фронт, многие военнослужащие были потрясены военной действительностью. Бывшие заводские рабочие и крестьяне попали на незнакомую им территорию Маньчжурии с пустынной местностью, непролазными полями гаоляна и болотной водой, все было ново и опасно. Частые ливни превращали пыльные дороги в непролазную грязь, парализующую всякое сообщение между войсками. Ко всему этому добавлялась невыносимая жара и духота, что порождало солнечные удары со смертельным исходом [6, с. 172]. Постоянное ожидание встречи с противником приводило в нервное состояние любого человека, поэтому были нередки случаи, когда войска вступали в перестрелку друг с другом, просто испугавшись постороннего шороха диких собак в ночи [9, с. 35–36]. Но самое негативное влияние имело отступление армии по всем фронтам. Причем, по воспоминаниям командира Псковского полка, сами офицеры не видели причин для сдачи позиций. Данная стратегия высшего руководства деморализовала войска, лишала их уверенности. Поэтому все чаще, даже при мелких столкновениях, нижние чины притворялись больными или ранеными, то есть под любым предлогом пытались избежать столкновения с противником [9, с. 38–39]. На это накладывалось мародерство русских войск на территории, принадлежавшей китайскому населению. Солдаты при отступлении грабили дома мирных китайцев, не брезговали убийством женщин и детей, чтобы отобрать у них одежду, а потом продать [9, с. 17–19]. При паническом бегстве могли даже заколоть своего товарища по оружию, об этом с горечью вспоминал сам командир полка [6, с. 285]. Подобные вещи накладывали сильную психологическую травму, и некоторые попросту выбрасывали оружие и уходили восвояси [6, с. 261]. Тем самым боевой дух войск падал с каждым днем, и главной причиной этому служило отступление русских войск.

На войне единственный способ отвлечься от ужасных событий находили в развлечениях. Так, нижние чины часто предпочитали танцевать, причем это носило характер неких состязаний, которые постепенно собирали толпы людей и вовлекали в праздник [6, с. 133]. В периоды затишья на передовой в окопах запевали песни и подыгрывали на гармошке. Отвле-

кала от тяжелых будней связь с тылом. Почта была хорошо налажена и рядовые писали родным и близким. Среди военных проводились полковые и религиозные праздники. На общие собрания государством специально выделялось определенное количество мяса, каши, разной закуски и спиртных напитков в виде вина и водки. Обычно полковые праздники заканчивались походом в стан врага и попытками взять в плен японца. В связи с этим очень важным обстоятельством выступало снисходительное отношение к противнику, граничащее с уважением. Если японец был ранен, обязательно полагалось лечение, сами рядовые складывались и покупали ему приварок, помимо положенного провианта [6, с. 203].

Подводя итоги, можно сказать, что нижние чины были обеспечены должным денежным довольствием, которого хватало на личные потребности. Положительную роль сыграли недавно введенные мобильные полевые кухни, благодаря которым воины были сыты. Хорошо было налажено медицинское обслуживание и помощь раненым. Однако этого оказалось недостаточно для победы России над Японией. Гораздо больше повлияли на ход событий войны отрицательные стороны, которые выражались в недостаточном количестве теплых вещей для армии в зимнее время, несвоевременном обучении воинов эксплуатации нового вооружения и в неправильной тактике ведения боя. Данные факты негативно сказались на боевом духе солдат. Ко всему этому добавлялось непонимание целей войны нижними чинами и офицерами. К тому же общественное мнение России, выраженное сначала в поддержке действий правительства, затем резко сменилось на отрицание войны. А революционные настроения масс в обществе отрицательно влияли на стойкость солдат в бою. На наш взгляд, данные положения послужили причиной поражения России в войне с Японией.

-
1. Сахаров А.Н. Размышления о русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2007. № 4.
 2. Протасов Л.Г. Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем // История СССР. 1977. № 1.
 3. Гаркавенко Д.А. Социальный состав вооружённых сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981.
 4. Чернов Л.В. Повседневная жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2014.
 5. Зайцев Л.А., Чернов Ю.И. Силы и планы сторон. Вооруженные силы России // История русско-японской войны / под ред. И.И. Ростунова. М.: Наука, 1977.
 6. Грулев М.В. В штабах и на полях дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб., 1908.
 7. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.
 8. Ivanov A., Karachtchouk A. The Russo-Japanese war 1904–1905 // Men-at-Arms. Oxford, 2004.
 9. Шикунц Ф.И. Дневник солдата в Русско-японскую войну: в 2-х ч. / гос. публ. ист. б-ка России. М., 2003.

10. Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1907.
11. Ухач-Огорович Н.А. Отчет по хозяйственной части управления транспортов Штаба Главнокомандующего. Т. 2. СПб., 1906.
12. Чесский П.Ф. 215-й пехотный Бузулукский полк в войне с Японией 1904–1905 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина. Эртелев пер., 13, 1906.
13. Приказ по Военному ведомству № 141 за 1904 год // Разведчик. 1904. № 704.

И.П. Масленников

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (УФИМСКОЙ ДИРЕКТОРИИ)

Светлой памяти Амелиной Светланы посвящается.

Временное Всероссийское правительство (неофициальные именованья – «Директория», «Уфимская Директория») – высший орган власти Российского государства, образованный 23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе в результате вынужденного и крайне неустойчивого компромисса различных антибольшевистских сил востока России. Временное Всероссийское правительство рассматривало себя в качестве очередного, нового состава Временного правительства, возобновившего свою деятельность после вынужденного перерыва, вызванного Октябрьской революцией 7 ноября 1917 г.

Несмотря на недолгий период своего существования (23 сентября – 18 ноября 1918 г.), Директория успела совершить некоторые внешнеполитические действия. Целью настоящей работы является исследование данных мероприятий.

Временное Всероссийское правительство было избрано в составе пяти членов и пяти их заместителей – персональных дублёров членов Директории, часть которых находилась на значительном удалении от Уфы. Избранными членами правительства являлись: Н.Д. Авксентьев, Н.И. Астров (находился на Юге России), В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский (находился на Дальнем Востоке) и Н.В. Чайковский (находился в Архангельске).

2 октября 1918 г. новое правительство до своего переезда в Омск, т.е. находясь еще в Уфе, циркулярной телеграммой на имя российского поверенного в делах в Копенгагене за подписью главы Директории Н.Д. Авксентьева и секретаря А.Н. Кругликова объявляло себя избранным «всенародным собранием» и преемником власти Временного правительства образца 1917 года [1, с. 369]. Ввиду того, что на Уфимском государственном совещании была образована Директория, поверенному поручалось узнать у союзных правительств, признают ли они новое правительство единственной законной властью и возможна ли аккредитация российского поверенного [1, с. 370].

Такой ход вызвал вопросы у другого члена Директории – П.В. Вологодского, который, разговаривая с Н.Д. Авксентьевым из Владивостока, указывал, что союзники желают иметь перед собой определившееся правительство и отношение союзников к новой власти является пока очень сдержанным [1, с. 370]. Н.Д. Авксентьев на это ответил, что Директория добьется признания союзников, так как говорить с иностранцами от лица России может только она [1, с. 370].

В этот же день Уфимская Директория обратилась с посланием к Добровольческой армии. Новая власть восхищалась 11-месячной борьбой Добровольческой армии на Юге России, желала ей всяческих успехов и подчеркивала, что любовь к Родине офицерства и солдат укажут путь Добровольческой армии, единый с путем Директории. Также на имя генерала М.В. Алексеева от Н.Д. Авксентьева было отправлено письмо, где последний поздравлял генерала с назначением в заместители министра в новом правительстве. Но дело в том, что к этому времени М.В. Алексеев умер, и, по мнению генерала А.И. Деникина, это письмо было несколько обидным в отношении памяти М.В. Алексеева, поскольку Верховный руководитель Добровольческой армии никогда бы не принял эту должность [2: 2, с. 700].

Генерал Деникин не признал Директорию в качестве всероссийской власти, сославшись на то, что «Уфимская керенщина»^{*} выступает за восстановление Учредительного собрания первого созыва, которое, как считал А.И. Деникин, образовалось в дни народного помешательства, состояло из полуанархических элементов и не пользовалось в стране хоть каким-нибудь авторитетом. Вместе с тем А.И. Деникин допускал взаимное соглашение сил Востока и Юга ради одной общей цели – возрождения Великой России [2: 3, с. 68]. Такой же подход был выработан и в ходе заседания Особого совещания от 12 октября 1918 г., где сношения с Уфимским правительством признавались возможными, но, в свою очередь, было решено с крайней осторожностью относиться к тем местным сибирским организациям, которые поддерживали Директорию [4, с. 31].

Основная цель, которую преследовало Уфимское правительство, – признание его как действительно Всероссийской власти. Об этом неоднократно говорил в интервью ранее упоминаемый Н.Д. Авксентьев, который также надеялся на то, что Директория будет представлена на Версальской мирной конференции [5, с. 199]. В этой связи Временное Всероссийское правительство решило обратиться к президенту США Вудро Вильсону.

В преамбуле обращения Директория подчеркивала, что считает нужным довести до президента Вильсона те события, которые произошли в России. Далее Директория совершала краткий экскурс в историю, описывая то, как большевики пришли к власти и каким образом они это сделали. В обращении говорилось, что, захватив власть, большевики начали разрушать культурные ценности, закрывать все газеты, кроме своих собствен-

^{*} Выражение советского историка Г.З. Иоффе. См. об этом [3, с. 76].

ных, устанавливать однопартийную диктатуру, прикрываясь демократическими лозунгами.

Вторая часть обращения гласила, что население в определенных частях стран начало борьбу против большевизма. По словам авторов обращения, большевики бы уже давно ушли из России, но у них нашлись иноземные друзья, среди которых первыми были германцы. Именно немцы разрушили всю экономику России, как говорили авторы обращения. В заключении же говорилось о том, что процесс восстановления России неизбежно связан с мировым порядком. В этом контексте Директория обращается к союзным державам и «бескорыстному апостолу мира» президенту Вильсону, поскольку она ждет от них помощи и признания. В свою очередь, каждый час промедления грозит гибельными последствиями не только для России, но и для всего мира [5, с. 200–202].

Обращение осталось без ответа, но отзвуком стало интервью французского генерала Мориса Жанена, который в это время прибыл во Владивосток. Отвечая на вопрос о помощи союзников в борьбе с большевизмом, генерал заявил о том, что в течение двух недель советская Россия будет окружена со всех сторон и неизбежно капитулирует [5, с. 202]. Вполне очевидно, что этот ответ не имел под собой никаких оснований. Приехавший вместе с Жаненом чешский военный министр Стефанек уже в личной беседе с русскими белыми генералами давал более осторожные обещания [5, с. 202].

В это время завершилось формирование Совета министров Временного всероссийского правительства. По этому случаю был организован банкет, где председатель Директории произнес тост «за наше блестящее прошлое и ближайшее будущее – адмирала Колчака», который стал в новом правительстве военным и морским министром [5, с. 188–189]. Но не только этим был примечателен описываемый банкет. Здесь, к сожалению, проявились и отрицательные стороны внешней политики Директории. Кроме пустых фраз о демократиях всего мира, «директора» (члены Директории. – *И.М.*) и представители общественности не стеснялись пресмыкаться перед высокими иностранцами [14].

Тематически к этому относился и тот факт, что за сутки до свержения Директории, 16 ноября 1918 г., министр иностранных дел правительства Ю.В. Ключников подал записку Н.Д. Авксентьеву, в которой, по выражению профессора Г.К. Гинса, «старался освободить Директорию от излишнего оптимизма» [5, с. 203]. Главный вопрос, который поставил Ключников: «Может ли Директория рассчитывать на признание ее Всероссийским правительством?» [5, с. 203]. Ю.В. Ключников сомневался в этом, говоря о двух вариантах развития событий: либо союзники отстрочат признание Директории, либо вообще не признают ее. Кроме того, правительству необходимо считаться с нападками справа и слева. Из всего этого союзники могут сделать вывод, что Директория не отражает политическую составляющую даже и той части России, на которую распространяется

власть правительства. Иностранцы могут решить, что Директория не имеет реальной силы и держится лишь на равнодействии противоборствующих сторон. Ключников в этой записке подверг сомнению и критике не только внешнеполитические цели Директории, а именно признание в качестве Всероссийской власти, но и внутривластные – подчинение себе остальной России, а также созыв Учредительного собрания к 1 января 1919 г. с кворумом всего лишь в 250 членов^{**}.

Ключников в представленной записке отстаивал точку зрения Временного сибирского правительства, которое шло другим путем: сначала следовало оздоровление окраин, потом предлагалось объединение их правительств, и только потом претендентство на Всероссийское признание. Кроме того, Ю.В. Ключников отразил и другие минусы Директории, а именно в области внешней политики – отсутствие правильного представительства русского национального настроения [5, с. 203–204].

В короткий срок своего присутствия на арене антибольшевистских сил Директория не смогла добиться серьезных успехов в области внешней политики. Причин тому несколько: малый срок жизни правительства, претендование на признание в качестве Всероссийской власти и излишняя вера в союзников, представители которых, кстати сказать, не проявляли особой симпатии к Директории и, в свою очередь, не спешили юридически признавать Уфимское правительство [5, с. 260]. Но вместе с тем следует отметить, что именно с момента образования Директории Омск стал важным политическим центром. После этого название города не сходило со столбцов иностранных газет, в самом Омске имелось множество иностранных военных, царил необычайное оживление, проходили парады, проводы и встречи [5, с. 248].

-
1. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. М.: Айрис-пресс, 2004. Кн. 1.
 2. Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3-х кн. М.: Айрис-пресс, 2013.
 4. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине / под ред. С.В. Мироненко; отв. ред. и составитель Б.Ф. Додонов, сост.: В. М. Осин и др. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008.
 5. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс. 2013.
 6. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
 7. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2.

^{**} Там же. Кворум в 250 человек явно не мог быть проявлением демократии, поскольку состав первого Учредительного собрания равнялся кворуму в 808 человек. Таким образом, Уфимское Учредительное собрание с количеством в 250 членов не только не выражало волю народа, но даже и волю старого Учредительного собрания времен А.Ф. Керенского и князя Г.Е. Львова. См. об этом [7, с. 260].

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕДИНЕННОГО СЕМИНАРИЯ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОМ ХЕРСОНЕССКОМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Несмотря на идеологизацию культурно-просветительной жизни Советского Союза второй половины 20-х годов XX века, деятельность Севастопольских музеев отличалась продуктивностью и разнообразием форм проводимых работ. Этот период явился расцветом Херсонесского музея. Во многом это случилось благодаря его директору – Константину Эдуардовичу Гриневичу – человеку энергичному и одаренному. В то же время условия для плодотворной работы создавались постепенно, еще в период деятельности Лаврентия Алексеевича Моисеева. К середине 20-х годов XX века здание бывшего монастыря было окончательно передано музею, а в ноябре 1925 года утверждено «Положение о Херсонесском музее», где определялся особый статус данного учреждения. В соответствии с Положением, музей финансировался напрямую из госбюджета РСФСР, минуя инстанции в Симферополе, имел право самостоятельно распоряжаться средствами, в частности, для покупки иностранных научных изданий за рубежом.

Получение Херсонесским музеем нового статуса стимулировало дальнейшее развитие научной деятельности учреждения. В 1925 году при музее был создан Объединенный семинарий, целью которого являлась учебная деятельность (преимущественно со студентами Ленинградского государственного университета), научно-исследовательская (организация и проведения археологических раскопок на территории Гераклеяского полуострова) и просветительская работа. Семинарий объединил группу известных историков и археологов: Григорий Дмитриевич Белов, Борис Дмитриевич Греков, Константин Эдуардович Гриневич, Николай Иванович Репников и др.

Для того чтобы более рельефно ощутить масштаб проводимых работ, следует более подробно остановиться на ходе заседаний Объединенного семинария в конце 20-х годов XX века. Так, 27 августа 1928 года состоялось одно из заседаний. Руководил К.Э. Гриневич, секретарем заседания был избран В.А. Богословский, а секретарем семинария – А.А. Матвеев. Н.В. Малицкий выступил с докладом, в котором охарактеризовал задачи Херсонесской экспедиции Ленинградского государственного университета (ЛГУ) и указал на то, что ее участники имеют определенные научно-исследовательские задания, которые необходимо решить при помощи привлечения крымского археологического материала. Тематика данных заданий связана с историей Херсонеса либо византийским периодом в истории Крыма. Были заявлены темы: «Византийская керамика с геометрическим орнаментом» (докладчик В.А. Богословский), «Византийская резная кость

из Херсонеса» (Г. М. Линко), «Византийские орудия производства по памятникам Херсонеса» (А. В. Савицкая), «Мозаика Херсонеса» (Т. Д. Миронец). Также студенты младших курсов ЛГУ, которые проходили музейную практику в Херсонесе, получили подобные темы для научных исследований. Во второй части заседания выступил Т. Ф. Гелах с докладом о работе, которую провела группа студентов ЛГУ под его руководством над доисторическими материалами Херсонесского музея. В итоге было решено 28 августа 1928 года организовать научно-методическую экскурсию под руководством К. Э. Гриневича по юго-восточной части городища, в ходе которой с сообщением о проблемах в истории взаимоотношений древней Греции и Крыма выступил Б. Д. Греков. На следующий день, 28 августа, состоялось очередное заседание, в ходе которого был заслушан доклад Б. Д. Грекова о необходимости учреждения исторической секции при Объединенном семинарии, ведь в это время предполагалось расширение «в плане естественноисторических работ». Совместные археологические работы Херсонесского музея и ЛГУ летом 1928 года, дали значительные результаты. На основе нового материала В. А. Богословским была подготовлена научная работа по теме «Византийская керамика геометрического стиля» [1, Л. 19–21].

Существенным явилось заседание Семинария 2 июня 1929 года под председательством Б. Д. Грекова. В его ходе были решены значительные вопросы касаясь деятельности данного учреждения при Херсонесском музее. Так, директор Херсонесского музея В. Ф. Смолин был избран председателем Объединенного семинария, К. Э. Гриневич товарищем председателя по Москве, Г. Д. Белов товарищем председателя по Ленинграду, секретарем – Н. В. Малицкий. Кроме того, в состав президиума вошла и представительница от студентов – Л. Г. Исаева. Тогда же состоялся новый прием в члены семинария. По предложению К. Э. Гриневича были избраны: И. И. Бабков (как специалист по геологии Крыма) и профессор Н. Н. Соколов (как специалист по изучению исторических памятников Крыма), а по ходатайству Н. И. Репникова – Г. И. Петров (как специалист-антрополог). К тому же, Николай Иванович внес предложение о распространении деятельности семинария и на Эски-Кермен. Данная инициатива была активно поддержана Б. Д. Грековым и Т. Ф. Гелахом. В виду того, что «семинарий существует уже 5 лет и его деятельность в дальнейшем представляет интерес для истории изучения юга СССР, постановить признать желательным издание при первой возможности работ семинария, в связи с чем, просить написать К. Э. Гриневича исторический очерк о его работе» [1, Л. 25]. Были определены новые темы для их дальнейшей научной разработки: Т. Ф. Гелах продолжил археологическое изучение Гераклеяского полуострова, а также принялся за разбор материалов из коллекции Д. О. Шпака [2], Б. Д. Греков сделал доклад о крымских готах и Корсунь, а Н. В. Малицкий принялся за разработку темы, связанной с изучением памятников византийского искусства, вывезенных в Мариуполь в 1779 году [1, Л. 24].

Под влиянием общегосударственных тенденций с 1929 года начался заметный спад активности в научно-исследовательской работе Херсонесского музея, что сказалось и на работе Объединенного семинария, который окончательно прекратил свою деятельность. Тематика научных исследований стала подчиняться задачам политического просвещения трудящихся, уменьшилось количество приезжих научных работников из других научных центров, сократился обмен литературой [3, Л. 8]. Об изменившихся приоритетах свидетельствуют документы по планированию научно-исследовательской работы Херсонесского музея за 1929 год. К приоритетным направлениям деятельности были отнесены: участие в социалистическом соревновании с Алупкинским дворцом-музеем, организация передвижной выставки по вопросам развития сельского хозяйства и др. [4, Л. 1–2]. В конце 20-х годов XX века в Херсонесском музее произошли существенные кадровые изменения. В конце 1928 года К.Э. Гриневич получил новое назначение в Москву, а его место на посту директора музея занял Виктор Федорович Смолин. Однако уже 3 февраля 1931 года новый директор был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде, но вскоре отпущен из-за отсутствия доказательств. После ареста В.Ф. Смолина обязанности директора с 26 июня 1931 по 12 апреля 1933 исполнял Григорий Дмитриевич Белов. С 1933 по 1938 годов в Херсонесском музее сменилось четыре директора, что было связано с изменением политической обстановки в стране. Аналогичная обстановка царила во всей стране. Целью всех этих «перемен» было не столько уничтожение людей, сколько запугивание, унижение той части общества, которая была воспитана в иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей [5].

-
1. Национальный заповедник «Херсонес Таврический» (далее: НЗХТ). Научный архив. Д. 466.
 2. См. об этом: НЗХТ. Научный архив. Д. 308 (Характеристика археологической коллекции Д.О. Шпака).
 3. Государственный архив города Севастополя. Ф. Р – 79. Оп. 1. Д. 533.
 4. НЗХТ. Научный архив. Д. 338.
 5. Непомнящий А.А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Киев: Стилос. 2012. 464 с. (Библиография крымоведения; Вып. 15).

**ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СВЕДЕНИЙ
КУРСКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА О
ЖИЛИЩНОМ ФОНДЕ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАКО)**

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой отрасль сферы услуг и важнейшую часть территориальной инфраструктуры, определяющей условия жизнедеятельности человека, комфортности его жилища, его инженерное благоустройство, качество и надёжность услуг транспорта, связи, бытовых и других услуг, от которых зависит состояние здоровья, качество жизни и социальный климат.

Говоря о жилищно-коммунальном хозяйстве, выделяют подотрасли, обозначенные ниже:

- 1) жилищное хозяйство и ремонтно-эксплуатационное производство;
- 2) водоснабжение и водоотведение;
- 3) коммунальная энергетика (электроснабжение, теплоснабжение, газоснабжение);
- 4) городской транспорт (троллейбус, трамвай, автобус);
- 5) информационное хозяйство;
- 6) внешнее городское благоустройство, включающее дорожное хозяйство и дорожно-транспортное строительство;
- 7) санитарная очистка территорий (уличная уборка, домовая очистка с утилизацией бытовых и пищевых отходов);
- 8) зелёное хозяйство (озеленение городов, цветоводство);
- 9) гостиничное хозяйство;
- 10) бытовое обслуживание (бани, прачечные и т.п.);
- 11) уличное освещение.

В данной статье нами будет рассмотрен источниковый потенциал документов Курского областного управления коммунального хозяйства, в частности сведения организаций (комбинатов коммунальных предприятий, производственных управлений жилищно-коммунального хозяйства и домоуправления) о жилищном фонде области. Данный вид источников включает информацию по большинству районных центров Курского региона. Чтобы показать возможный охват исследования на основе таких источников, считаем нужным перечислить эти райцентры: Касторенский [1, Л. 15], Черемисиновский [1, Л. 18], Солнцевский [1, Л. 21], Горшеченский [1, Л. 24], Глушковский [1, Л. 28], Советский [1, Л. 33], Конышевский [1, Л. 36], Золотухинский [1, Л. 39], Кореневский [1, Л. 45], Поныровский [1, Л. 48], Конышевский [1, Л. 52], Крупецкий [1, Л. 61], Беловский [1, Л. 64], Суджанский [1, Л. 67], Щигровский [1, Л. 70], Рыльский [1, Л. 73], Льгов-

ский [1, Л. 75], Хомутовский [1, Л. 81], Обоянский [1, Л. 84], Фатежский [1, Л. 86], Дмитриевский [1, Л. 89], Большесолдатский [1, Л. 92].

Сведения организаций представляют собой перечень ценных показателей, приведем их.

1. Информация по непосредственно жилищному хозяйству:

- а) число жилых домов;
- б) жилая и полезная площадь, а также площадь, оборудованная водопроводом, канализацией, центральным и местным отоплением, ванными и душем, горячим водоснабжением и газом;
- в) число котельных, обслуживающих жилые дома;
- г) площадь нежилых строений, сдаваемых в аренду;
- д) наличие аварийных домов;
- е) площадь, занятая проживающими в подвалах;
- ж) количество бараков;
- з) число ветхих домов.

Здесь и далее конкретизируем данный раздел (и ниже другие разделы темы) на примере документации об областном жилищно-коммунальном хозяйстве по Фатежскому домоуправлению (за 1984 г.).

Согласно сведениям, по состоянию на 1 января 1985 г. количество жилых домов в названном населенном пункте равнялось 119 шт. Их жилая площадь составила 11 654 м², а полезная площадь – 17 622 м². При этом необходимо отметить, что из нее водопроводом было оборудовано 1 345 м², канализацией – 10 245 м², центральным отоплением – 1 200 м², местным отоплением – 1 300 м², ванными и душем – 9 300 м², горячим водоснабжением – 2 000 м², газом – 15 751 м².

Что касается площади нежилых построек, сдаваемых в аренду, то таковая равнялась 1 300 м².

Говоря о наличии аварийных домов, укажем, что их число в Фатеже на тот период времени было равно 5 шт., общей территорией в 164 м². Также в этом разделе давалась информация о количестве семей, проживающих в таких строениях (10 семей), причем переселению подлежало всего лишь 5 семей.

По подвалам, баракам и ветхим домам в выбранном нами источнике сведений не приводилось.

2. Данные по освоению средств на развитие производственной базы. Согласно плану, на год было выделено 1 000 тыс. рублей, из них освоено 0,5 тыс. рублей.

3. Сведения о текущем ремонте жилфонда. Рассматривая статистику по этому пункту, стало известно, что на данные работы было выделено 23 тыс. рублей, при этом потрачено 25, 3 тыс. рублей, что в процентном отношении означает перевыполнение плана на 10,0 %.

4. Весьма ценной является информация о реализации плана текущего ремонта в натуральных показателях. Так, заранее отметим, что все виды работ были выполнены на 100,0 %, а именно: отремонтированные кровли –

700 м², фасады домов – 2800 м², окна – 17 шт., двери – 10 шт., надворные санустановки – 5 шт., печи – 36 шт., дымоходов – 3000 шт.

5. Число ударников коммунистического труда и сколько человек борется за этого звание.

6. Количество домовых комитетов и домовых Советов, число их членов [1, Л. 86–88].

Следует сказать, что по последним двум пунктам в документации Фатежского домоуправления сведений не приводилось, однако неуказанные данные по некоторым показателям говорят не о скудной информативности источника, а об отсутствии таковых в выбранном нами районе на тот период времени.

В качестве вывода отметим, что рассмотренный нами вид документации дает достаточную и в целом объективную информацию, позволяющую оценить состояние жилого фонда районов Курской области, сравнить их между собой, выявить общие и отличительные черты, что и предполагается нами выполнить в дальнейшей исследовательской работе.

1. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 5. Д. 1134.

О.В. Кирина

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1933–1939 гг.

Активное сотрудничество двух государств, их взаимовыгодное партнерство возможно при условии взаимодействия их культур, положительного восприятия народами друг друга, преодоления негативных стереотипов, а также налаживания взаимного диалога.

В годы отсутствия дипломатических отношений между СССР и США, на протяжении 16 лет, представления американцев о советских людях и советских людей об американцах формировались прежде всего под влиянием официальных заявлений и документов соответствующих властных структур. Также огромную роль в этом процессе сыграло прежде всего то, что и те, и другие читали в прессе, слышали по радио или видели на киноэкранах и театральных сценах.

Так, в 1920-е годы в американской прессе отношение к Советскому Союзу было довольно настороженным. Негативное восприятие американским правительством новой Советской России было продиктовано страхами перед неведомым режимом большевиков с их враждебными заявлениями в адрес буржуазного общества. Однако это не препятствовало формированию более гибкого и доброжелательного отношения к России представителей деловых и общественных кругов США. К тому же разразившийся в России страшный голод в 1921 году

вызвал искреннее сочувствие многих американцев, началась организация продовольственной и технической помощи советским людям [1, с. 196]. Такие настроения американцев смягчили прежний жесткий подход американского правительства к «русскому вопросу». Однако в 1924 году отношения между странами ухудшились и черно-белое изображение реалий вновь возобновилось [1, с. 196]. Ярким примером недоброжелательного настроения Америки по отношению к Советскому Союзу являются карикатуры с изображением дядюшки Сэма (олицетворение Америки). Образы большевизма, социализма и радикализма на этих карикатурах создавали контраст для изображения американской идентичности. На данных изображениях «красной опасности» худощавый, но крепкий дядя Сэм – решительный противник любых социалистических экспериментов, поддерживающий самые жесткие меры в отношении радикалов [2, с. 290]. Впрочем, период откровенно враждебных отношений между странами длился недолго. Мифы и клише, созданные пропагандой и карикатурой военных и первых послевоенных лет, не пропали бесследно, однако они не помешали США и Советской России наладить экономические и торговые отношения, а позже установить официальные дипломатические взаимоотношения.

В советских публикациях отношение к США было также неоднозначным. В статьях не встречалось слово «враг», но общее впечатление от статей вызывало чувство опасности перед этой страной [1, с. 198].

Возникшая заинтересованность в расширении торговых, экономических связей обусловила большую гибкость советского внешнеполитического курса. Пресса уже характеризовала Соединенные Штаты как «торгового партнера» [1, с. 199], как «возможного дипломатического партнера» [1, с. 199], как страну «высокоразвитого капитализма» [1, с. 199]. Безусловно, критика в адрес США не исчезла, время от времени газеты позволяли себе недопустимые высказывания в адрес лидеров другого государства [1, с. 200]. И все же к моменту заключения дипломатических отношений между двумя государствами можно наблюдать тенденцию значительного улучшения восприятия США советской прессой.

После установления в 1933 г. дипломатических отношений между СССР и США критика американской внешней политики, нарушений прав чернокожего населения страны, проявлений антисоветизма и т.п. практически полностью исчезла со страниц периодической печати СССР и вообще из установок советского пропагандистского аппарата [3]. Но это вовсе не означало, что на советские театральные площадки и киноэкраны стали допускаться идеологически невыдержанные или, тем более, «подрывные» пьесы и фильмы или что в Советском Союзе стали издаваться переводы трудов авторов, не заслуживающих политического доверия. Однако то, что возможности знакомства советских граждан с

американской культурой, искусством и литературой заметно расширились, было очевидно. Увеличились и шансы американцев узнать больше о Советском Союзе.

В первые месяцы после заключения дипломатических отношений советское руководство понимало, что США знали Советский Союз недостаточно, хотя Амторгом была проделана большая работа по распространению информации о Советском Союзе в деловых и культурных кругах Америки. Информационную работу систематически вело также Информационное бюро НКВД в Вашингтоне. Значительная доля информации шла также через туристов, отдельных деловых людей, инженеров, работающих в Советском Союзе. Однако, как отмечал в своей записке И.В. Сталину председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) П.А. Богданов, после установления официальных отношений «необходимо это дело реорганизовать, поставив его на широкую планово-организационную почву. Интерес сейчас к Советскому Союзу исключительный; оживился интерес к нашей организации культуры, быта, хозяйства и т.д.» [4, с. 129].

В связи с этим была произведена попытка издавать хорошо поставленный журнал, обобщающий хозяйство, культурную и политическую деятельность Советского Союза. Таким журналом стал «Советский Союз», но при всем интересе американского населения к СССР попытка продавать журнал провалилась. Однако атташе по культуре договорился с некоторыми управляющими компаниями о том, что журнал стали выкладывать бесплатно на первых этажах офисных зданий. При таком подходе он был несколько популярен, хотя и пользовался у американского читателя успехом главным образом из-за многочисленных фотографий фантастических советских физкультурниц. Слово «физкультурница» понемногу стало употребляться в США без перевода, хотя и приобрело среди молодых американцев несколько иной оттенок, нежели в кругах советской молодежи [5].

Немалый интерес у граждан США вызывали советское руководство и политический строй. Так, в своем письме советскому послу в Лондоне И.М. Майскому корреспонденты У. Э. Х. Престон и Р. Дж. Эллис писали, что они хотели написать биографию Сталина для серии газетных и книжных публикаций в Великобритании и США. Ее целью было «рассказать общественности в Британии и Америке о личной борьбе, которую г-н Сталин ведет всю свою жизнь за политическое и экономическое освобождение народных масс России, и становлении Советского Союза в качестве мощной идеологической движущей силы современного мира» [6, с. 156]. Это было связано с тем, что в американской и британской прессе все чаще стали появляться недостоверные материалы о жизни И.В. Сталина и об обстановке в Советском Союзе в целом.

Многие известные американские деятели приезжали в Советский

Союз для того, чтобы ближе познакомиться с его культурой и повседневной жизнью советских граждан. Огромное впечатление произвела поездка в СССР на писателя Теодора Драйзера, который тепло вспоминал о ней [7, с. 497]. 14 февраля 1936 г. генконсул Ж.Л. Арене в письме председателю Комитета по искусству П.М. Керженцеву констатировал большой интерес представителей американского искусства к культурной жизни Советов. Многие из них обращались с просьбой посетить СССР [7, с. 497].

Наибольший восторг у американцев вызывало советское музыкальное искусство. В январе 1934 года на базе Гранд-оперы был создан новый оперный ансамбль «Музыкальная Россия» во главе с И.В. Иванцовым. Первым спектаклем стала постановка оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского в театре Казино 1 февраля 1934 г. Все спектакли имели большой успех [8, с. 276]. В спектаклях выступали и американские артистки Э. Юстис, Дж. Пальмер-Судейкина и М. Хоукис. «Так велика сила нашего влияния на американских актеров, что они готовы преодолевать трудности русского произношения» [8, с. 277], – отмечал рецензент Л. Камышников. После постановки «Царской невесты» Н.А. Римского-Корсакова нью-йоркская эмигрантская газета писала: «Ансамбль «Музыкальная Россия» еще раз продемонстрировал американцам глубину и силу русского оперного искусства» [8, с. 281].

Была возможность познакомиться с советским музыкальным искусством и у американских радиослушателей. В 1939 году в течение января–марта Всесоюзный радиокомитет проводил концерты для зарубежных слушателей. Американцам передавались: акт из оперы «Иван Сусанин» М.И. Глинки, струнный квартет и соната для виолончели и фортепиано Д.Д. Шостаковича, сюита из музыки к «Много шума из ничего» Т.Н. Хренникова [9].

Своими впечатлениями о представлении узбекской оперы в Большом театре поделился и известный американский певец Поль Робсон. Он отмечал: «Никогда не видел такого представления. Там были члены правительства, и они также, как и остальные зрители, были очарованы. Здесь сказались плоды советской национальной политики, объединившей обширный Советский Союз в единое государство. Передо мной был театр людей Востока, создавших оперу в своей национальной форме, но тематика их искусства насыщена общегосударственными интересами нынешнего дня. И я понял, что одним из самых ярких успехов великой Октябрьской революции является разрешение национальной проблемы. Какой замечательный пример для негритянских масс Америки, обреченных на страдание, якобы, по “воле божьей”» [10].

Знакомство населения Америки с СССР стало возможным и благодаря широкому распространению в США в 1934–1939 гг. произведений М. Горького, М. Шолохова, А. Серафимовича, А. Толстого, Н. Островского, А. Фадеева и т.д. [11, с. 232]. Немалую роль в

ознакомлении американского народа с советской культурой сыграла демонстрация советских фильмов: «Три песни о Ленине», «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Юность Максима» и др. [11, с. 232]. Говоря о советской киноиндустрии, немаловажно подчеркнуть, что во время коллективизации и массового голода компартия взяла курс на создание комедий. Одним из первых откликнулся Г. Александров – в 1934 году появились «Веселые ребята». «В нашем фильме, – заявил в интервью Г. Александров, – мы стремимся показать, что в условиях напряженной работы, в которых ведется социалистическое строительство, живется весело и бодро» [Цит. по: 12, с. 53]. Он отметил, что при съемке использовались новейшие технические достижения, почерпнутые из опыта Голливуда [12, с. 53]. Советские критики нашли картину аполитичной, но вождю она понравилась. «Веселые ребята» (англ. «Москва смеется») получили премию на 2-м Международном кинофестивале в Венеции в 1934 г. за режиссуру и музыку, став визитной карточкой СССР. «Вы думаете, что Москва только борется, учится, трудится? – писала одна из нью-йоркских газет. – Вы ошибаетесь... Москва смеется! И так заразительно, бодро и весело, что вы будете смеяться вместе с ней» [Цит. по: 12, с. 53]. А Ч. Чаплин заявил: «Александров открыл для Америки новую Россию. До «Веселых ребят» американцы знали Россию Достоевского. Теперь они увидели большие сдвиги в психологии людей. Люди бодро и весело смеются. Это – большая победа. Это агитирует больше, чем доказательство стрельбой или речами» [Цит. по: 12, с. 53–54]. И все же большинство американцев считали картину, как и следующие работы Г. Александрова лишь подражанием голливудским фильмам.

Узнать о других сторонах советской культуры американцы могли из многочисленных выставок, организованных в США, например, археологической выставки при Пенсильванском университете в 1934 г.; выставки советской живописи и графики, организованной ВОКСом (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей) в Филадельфии, Пенсильвании, Балтиморе, Чикаго и других крупных городах Америки в 1934–1935 гг. [11, с. 232]. Например, по свидетельству американцев, советский павильон на Всемирной выставке в Нью-Йорке по оформлению, а еще больше по своему содержанию завоевал первое место среди павильонов 58 иностранных государств, участвовавших в выставке. Вот некоторые из записей посетителей данного павильона: «Советский павильон действительно представляет достижение великого рабочего класса», «...действительно замечательный павильон поистине замечательной страны» [11, с. 232].

Советский народ также был неравнодушен ко всем сторонам жизни США и проявлял свою заинтересованность. Осенью 1935 г. писатели И. Ильф и Е. Петров посетили США. Они пробыли там четыре месяца. В начале 1936 г., полные огромных впечатлений, возвратились в Москву. Их пребывание в Америке было исключительно плодотворным. Они побывали

во многих штатах и городах, осмотрели заводы, новостройки, национальные парки, встречались и беседовали со многими американцами. За четыре месяца они собрали большой литературный материал и о своих впечатлениях талантливо рассказали в известной книге «Одноэтажная Америка» [13, с. 480], которая пользовалась огромной популярностью. Это было поистине второе открытие Америки для советского читателя.

О различных событиях американской культурной жизни советские люди могли узнать из газет. Существовали различные рубрики, освещающие заграничную культурную деятельность, в том числе и американскую. В газете «Советское искусство» существовала колонка «За рубежом», в которой регулярно освещались все важные культурные события за границей. Будь то постановка «Тихого Дона» И. Дзержинского в Америке в сокращенном варианте [14], или создание «Библиотеки свободы» в Нью-Йорке по образцу Парижской «Библиотеки свободы» [15].

Так, например, такое явление в американской драматургии, как одноактная пьеса, было весьма подробно представлено советскими журналистами в газете «Советское искусство», где приводился пример такого произведения. Им послужила пьеса Альберта Мальца «Репетиция». Журналисты указывали на то, что число одноактных пьес постоянно растет, и, «хотя не все они отличаются одинаковыми художественными достоинствами, но их одинаковый и неизменный успех у самой разнообразной аудитории показывает, что рядовой американский зритель начинает требовать от театра не только развлечения, но и каких-то ответов на волнующие его общественно политические вопросы» [16].

Первой американской картиной, которую увидели советские зрители, была «Нетерпимость» Дэвида У. Гриффита. Затем в 1930-е гг. советские зрители впервые увидели анимационные фильмы Диснея. Они так понравились вождю, что на Первом всесоюзном совещании по кинокомедии (1933 г.) был выдвинут лозунг «Даешь советского Микки Мауса!» [12, с. 54]. Созданный в 1936 г. «Союздетмультфильм» оказался подобием студии Диснея.

Среди музыкальных произведений США советских слушателей больше всего интересовал джаз. Представление о музыке американских негров формировалось в основном после знакомства советских слушателей с народными песнями «Spirituals» (духовными гимнами) в прекрасном исполнении Роланда Хейса, Марианн Андерсон и Пауэля Робсона. Советские газеты по достоинству оценивали этот жанр музыки: «Общеизвестно большое влияние негров на развитие музыкальной культуры XX века и на творчество многих европейских и американских музыкантов. Необычайная проникновенность мелодии и богатство ритмов ставят музыку американских негров в один ряд с фольклором наиболее музыкально одаренных народов» [17]. Далее отмечалось: «Негритятские песни служат не только для облегчения им труда. Песнь выражает также глубокое негодование негритятских рабочих и объединяет всю массу в

едином протесте против эксплуататоров. Эти песни представляют собой высокопоэтические образцы народного творчества» [17].

Из поездок в США советские политические деятели узнавали много нового о повседневной жизни простых американцев, о развитии техники в Соединенных Штатах, которая в 1930-е годы сильно шагнула вперед, и о других сторонах американской жизни [18, с. 156]. Полномочный представитель СССР в США А.А. Трояновский писал: «Прежде всего здесь бросается в глаза большое внимание к быту, большая трата и большое количество людей, обслуживающих быт. <...> Одновременно с этим здесь для удешевления все, что необходимо для широких кругов населения, стандартизовано. Все, что не стандартно, стоит очень дорого и по большей части импортируется» [18, с. 156].

Советское общество с искренним интересом как можно подробнее знакомилось с культурой Соединенных Штатов, пытаясь перенять положительный опыт, накопленный у США. Однако и Советскому Союзу было чем поделиться с Америкой, это касалось и нашего музыкального искусства, и литературных произведений.

Вплоть до начала Второй мировой войны преобладающей тенденцией в общественном мнении США было формирование дружественных чувств по отношению к СССР. Это находило свое выражение в успехе посылаемых «Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей» выставок на разные темы, в заметном росте туристических поездок американских интеллигентов в СССР, в увеличении спроса на советскую литературу в США, в успехе советских кинокартин.

Говоря о советско-американском культурном сотрудничестве, можно отметить, что в 1930-х гг. происходило расширение разнообразных культурных контактов между двумя странами, которые стали все более укрепляться в последующие годы. Интерес в США к советской литературе, театру, кинематографу, широкое признание, которое получили М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, Д. Шостакович и другие, – все это стало свидетельством высокого авторитета социалистического искусства за океаном. В свою очередь, в СССР в изучаемый период шло освоение всего того ценного, что было создано в культурной сфере американским народом. Прежде всего это относилось к кинематографу и особенно к литературе. Фильмы Ч. Чаплина, лучшие произведения Т. Драйзера, Э. Хемингуэя пользовались широкой популярностью у советского общества, приоткрывая перед советскими людьми занавес неизвестной и далекой жизни Запада.

1. Лапшина И.К. Дядюшка Сэм: партнер или враг? Образ США в отечественной центральной прессе первой половины 1920-х годов // Американский ежегодник. 1999.

2. Цыкалов Д.Е. От Ленина до Путина. Образы СССР и России в карикатурах и политических иллюстрациях американских газет и журналов // Americana. Вып. 9: Американцы на Волге, волжане в Америке = Americans on the Volga, Volga People in America: ма-

- териалы межрегион. науч.-практ. семинара, посвящ. 200-летию устан. дипломат. отн. России и США. Волгоград, 2008.
3. Иванян Э.А. Культурный аспект российско-американских отношений URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=23> (дата обращения: 09.06.2014 г.).
4. Записка П.А. Богданова И.В. Сталину с просьбой принять его для доклада о перспективах работы в США // Москва–Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941: Сб. док.: в 3 т. Т. 3. 1929–1933. М., 2009.
5. URL: <http://www.krasfun.ru/2014/04/kirovskaya-vesna-sovetsko-amerikanskieto-nosheniya> (дата обращения: 30.11.2014 г.).
6. Письмо У.Э.Х. Престона и Р. Дж. Эллиса – И. М. Майскому // Майский И.М. Избранная переписка с иностранными корреспондентами. М., 2011.
7. Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933–1936. М., 2002.
8. Курков Н.В. Оперная труппа «Музыкальная Россия» в США: 1930-е гг. // Американский ежегодник. 2013.
9. Радиопередачи для заграницы // Советское искусство. 1939. 6 января URL: <http://oldgazette.ru/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).
10. Статья Поля Робсона об искусстве СССР // Советское искусство. 1938. 10 января URL: <http://oldgazette.ru/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).
11. Вальков В.А. СССР и США (Их политические и экономические отношения). М.: Наука 1965.
12. Супоницкая И.М. Американизация Советской России в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. № 9.
13. Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. М.: Эксмо, 2013.
14. Тихий Дон в Нью-Йорке // Советское искусство. 1939. 12 января URL: <http://oldgazette.ru/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).
15. Советское искусство. 1938. 26 февраля URL: <http://oldgazette.ru/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).
16. Одноактная пьеса в Америке // Советское искусство. 1939. 6 февраля URL: <http://oldgazette.ru/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).
17. Песни протеста // Советское искусство. 1938. 6 февраля URL: <http://oldgazette.ru/> (дата обращения: 26.02.2015 г.).
35. Письмо А.А. Трояновского И.В. Сталину о впечатлениях о некоторых сторонах повседневной жизни в США// Москва–Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921–1941: Сб. док.: в 3 т. Т. 3. 1929–1933. М., 2009.

Е.П. Жигулин

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ КУРСКОЙ ЦЭС В 1939–1941 гг.

С началом развернувшегося строительства в рамках первых предвоенных пятилеток встал вопрос о строительстве новой электростанции в г.Курске, так как мощности старой городской электростанции уже было недостаточно для работы крупных предприятий города. К началу 1930-х гг. в ведении городского коммунального хозяйства находились 3 электростанции: электростанция освещения мощностью 700 кВт, трамвайная электростанция – 220 кВт и электростанция в Ямской слободе. Городская же

промышленность требовала около 2 500 кВт мощности – около 500 кВт установки на ж/д узле станции Курск и приблизительно 1 900 кВт собственно промышленные предприятия города, – без учета электроосветительных нужд. Промышленные предприятия города имели свои небольшие электростанции мощностью до 10 кВт, которые были в крайне изношенном состоянии, и основным источником электроэнергии для них была городская электростанция [1].

Уже в начале 1930 г. был заложен фундамент будущей станции (сейчас это ТЭЦ-4), но из-за нехватки строительных материалов ее сооружение завершилось только в 1934 г. с запуском турбины первой очереди мощностью 2 500 кВт. Увеличение мощности ЦЭС до 6 000 кВт с вводом в эксплуатацию 2-й турбины позволило получать электроэнергию и окраинам города [2, с. 479].

О работе станции в предвоенный период могут рассказать документы Курского исполнительного комитета горсовета, которому по партийной линии отчитывалось руководство станции. В этих документах есть данные не только о выработке станцией электроэнергией, но и о мероприятиях, производимых на станции с целью улучшения производства и трудовой дисциплины.

В 1939 г. основные показатели работы станции были следующими [3, Л. 4]: за 1-й квартал выработано 7 456,0 тыс. кВтч при запланированных 7 500,0 тыс. кВтч, или 99,0 % плана; реализовано 6 359,0 тыс. кВтч (по плану – 6339,0 тыс. кВтч) – 100,0 % плана; за 2-й квартал 6 384,0 тыс. кВтч выработано при запланированных 6 000,0 тыс. кВтч, или 106,0 % плана, реализовано – 5 653,0 тыс. кВтч (по плану 4 991,0 тыс. кВтч) – 113,0 % плана; за 3-й квартал выработано 5 855,0 тыс. кВтч при запланированных 6 000,0 тыс. кВтч, или 98,0 % плана, реализовано 4 998,0 тыс. кВтч (по плану 4 974,0 тыс. кВтч) – 100,0 % плана; за 4-й квартал выработано 7 380,0 тыс. кВтч при запланированных 8 500,0 тыс. кВтч, или 89,0 % плана, реализовано 5 825,0 тыс. кВтч (по плану 7 384,0 тыс. кВтч) – 79,0 % плана; всего же за весь 1939 г. было выработано 27 283,0 тыс. кВтч, при запланированных 28 000,0 тыс. кВтч, или 98,0 % плана, реализовано 22 836,0 тыс. кВтч (по плану 23 688,0 тыс. кВтч) – 96,0 % плана.

В 1940 основные показатели работы станции были таковыми [4, Л. 3]: за 1-й квартал выработано 6 627,0 тыс. кВтч при запланированных 8 396,0 тыс. кВтч, или 77,0 % плана; реализовано 7 109,0 тыс. кВтч (по плану – 5 064 тыс. кВтч) – 71,0 % плана; за 2-й квартал 6 442,0 тыс. кВтч выработано при запланированных 6 143,0 тыс. кВтч, или 105,0 % плана, реализовано – 5 367,0 тыс. кВтч (по плану 5 119,0 тыс. кВтч) – 105% плана; за 3-й квартал выработано 6 713,0 тыс. кВтч при запланированных 6 534,0 тыс. кВтч, или 103,0 % плана, реализовано 5 675,0 тыс. кВтч (по плану 5 392,0 тыс. кВтч) – 105,0 % плана; за 4-й квартал выработано 9 912 тыс. кВтч при запланированных 8 927 тыс. кВтч, или 111,0 % плана, реализовано 8 496,0 тыс. кВтч (по плану 7 618,0 тыс. кВтч) – 112,0 % пла-

на; всего же за весь 1940 г. было выработано 29 695,0 тыс. кВтч, при запланированных 30 000,0 тыс. кВтч, или 99,0 % плана, реализовано 24 603,0 тыс. кВтч (по плану 25 239,0 тыс. кВтч) – 98,0 % плана.

Таким образом, при рассмотрении норм выработки и реализации электроэнергии на Курской ЦЭС в 1939–1940 гг. замечен скачкообразный темп работы станции.

Основными параметрами работы станции являлись выработка электроэнергии, ее реализация предприятиям города и частным потребителям (госучреждения и горожане).

При анализе вышеуказанных данных возник вопрос: почему же выработка электроэнергии и ее реализация на станции в отдельные периоды перевыполняет план, а в иные – сильно отстает от запланированных цифр?

Раскрыть основные причины такой скачкообразной работы станции позволяют рассмотренные докладные записки в областные и городские партийные органы.

Так, например, в докладной записке на имя секретаря Обкома ВКП(б) тов. Баламутова «О недостатках работы партийной организации по руководству промышленностью» [4, Л. 55–56] указаны следующие причины:

«1. Во-первых, Курская ЦЭС являлась коммунальной электростанцией, хотя она в то же время подавала электроэнергию на все предприятия г. Курска, но работала плохо. Из-за отсутствия электроэнергии фабрики и заводы в городе стояли длительное время. Так, например, с 1 августа 1939 г. по 1 января 1940 г. Курская обувная фабрика имела простой 70,0 тыс. чел./ч, швейная фабрика №1 99,5 тыс. чел./ч, трикотажная фабрика 48,0 тыс. чел./ч и т.д.

В первом полугодии 1940 г. эти же фабрики имели простои по вине Курской ЦЭС: обувная фабрика 87,7 тыс. чел./ч, швейная фабрика № 1 40,6 тыс. чел./ч, трикотажная фабрика – 114,3 тыс. чел./ч.

2. Во-вторых, партийно-массовая работа на ЦЭС была в самом запущенном состоянии. Районные, городские партийные и советские организации не руководили ЦЭС как следует, а только от случая к случаю, когда надо достать для станции топливо, а как следует заняться налаживанием всей хозяйственной и партийно-массовой работой никто не хотел. Состояние рабочих мест и организация труда также была запущенна. Оказалось, что плохая работа ЦЭС не только следствие дефицита топлива.

Вскоре Обком ВКП(б) направил свое решение против вопиющих недостатков и заставил заниматься всей работой ЦЭС партийные органы района и города, что дало свои результаты – станция стала работать значительно лучше, хотя и наблюдались некоторые недостатки.

Парторганизация ЦЭС начала по-настоящему бороться за выполнение и перевыполнение плана, улучшила партийно-массовую работу, развернула на деле соцсоревнование и стахановское движение. На станции в 1940 г. было 140 стахановцев вместо 40 в 1939 г. Парторганизация на деле

начала осуществлять права контроля деятельности администрации ЦЭС. Регулярно стали проводиться производственные совещания. Коллектив ЦЭС активно включился в соревнования имени XVIII Всесоюзной партконференции, и январский план 1941 г. перевыполнили досрочно».

Второй проблемой станции было снабжение ее углем: дефицит топлива резко сокращал возможности работы станции и приводил к ее простоям даже в 1941 г.

Так, в докладных записках в Народный комиссариат местной топливной промышленности РСФСР, в Курский облплан, в Управление местной топливной промышленностью имеются факты, указывающие на постоянную недогрузку угля для станции: «...На основании вашего приказа №8/а от 9 января 1941 г. во исполнение постановления Экономического совета при СНК СССР от 29 декабря 1940 г. № 18 и письма Госплана РСФСР от 31 декабря 1940 г. №17–2–40. Начальнику Курского областного топливного управления приказано в 1-м квартале 1941 г. обеспечить отгрузку угля Курской ЦЭС со склада Облтопа не менее 7–8 тыс. т каменного угля. Но Курское областное топливное управление фактически отгрузило в январе 0,981 тыс. т и в феврале 1,474 тыс. т (хотя по плану должны были отгрузить 2,4 тыс. т); в марте же должны были получить – 2,0 тыс. т, но из которых на 7 марта 1941 г. не получено ни одной тонны. В связи с тем что с Ростовского топливного управления мы сняты и запас угля ЦЭС не обеспечивает месячной нормы станции, поэтому просим Вас принять меры к выполнению Вашего приказа и обеспечению станции каменным углем...» [3, Л. 12–13].

С подобными просьбами решить топливную проблему дирекция станции отправляла позднее докладные записки Секретарю Обкома ВКП(б) тов. Доронину, в облисполком тов. Волчкову, в Горсовет тов. Масленниковой от 21 мая 1941 г.: «...Еще раз вынуждены поставить перед вами во всей остроте вопрос обеспечения углем Курской электростанции и о дальнейших перспективах топливоснабжения. Как вам известно, главным поставщиком является управление местной топливной промышленности, которое на протяжении всего времени исключительно плохо выполняло планы отгрузки угля; так, например, за 1-й квартал 1941 г. недогружено 4,4 тыс. т (план 7,8 тыс. т, по факту – получено 3,4 тыс. т), а в апреле недогружено 0,6 тыс. т (план – 2,4 тыс. т, по факту – 1,8 тыс. т), что касается мая, то из 1,4 тыс. т поступило всего 0,7 тыс. т; из-за чего установленный норматив запаса покрывает только около 50,0 %.

Прошу вас срочно обсудить создавшееся положение и принять реальные меры к обеспечению электростанции топливом, учитывая, что после производственной мобилизации внутренних ресурсов мощность станции увеличилась на 500 кВт при существующем оборудовании, отсюда топлива потребуется значительно больше запланированного, и к тому же взятые темпы по перевыполнению плана снижать не намерены, вытекает

задача учесть все обстоятельства и поставить вопрос о дополнительном снабжении топливом» [3, Л. 14–16].

Положительной стороной работы партийной ячейки и дирекции станции стала организация занятий по техническому минимуму с целью повышения квалификации кадров, а также ряд мер по ужесточению трудовой дисциплины, что способствовало улучшению работы ЦЭС. Так, например, исходя из в докладной записки инструктору обкома ВКП(б) тов. Маурину, можно получить следующие данные: «...До издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. был зарегистрирован 81 случай прогула, после издания – прогулы значительно сократились – с июля по декабрь всего 36 случаев – из которых 4 человека получили 4 месяца тюремного заключения, оправданы – 4 человека, остальные приговорены к трудовым исправительным работам на срок от 3 до 6 месяцев с удержанием от 15 до 25 % заработной платы.

Зарегистрированы и случаи опоздания на работу менее чем на 20 минут, и несвоевременный приход с обеденного перерыва – 17 случаев; нарушители трудовой дисциплины получили различные виды административных взысканий (выговор, строгий выговор)...».

Из текста этой же докладной записки имеются данные и о работе по повышению квалификации персонала путем прохождения специальных учебных занятий: «...Что касается занятий по техминимуму, то все необходимые занятия велись по типовым изданиям НК КХ РСФСР. Для занятий каждый месяц выделялись специальные дни техучебы (8-10 дней в месяц). С момента начала работы по техучебе и до апреля месяца занятия проводились в 2 смены (с 14:00 до 16:00 и с 16:00 до 18:00); в апреле занятия проводились в одну смену – с 16:00 до 18:00, с конца июня – с 17:30 до 19:30. Помимо указанных выше групп по техминимуму в октябре–ноябре 1940 г. были проведены краткосрочные курсы по обслуживанию вновь установленного деаэратора – на них были зачислены сменные начальники станции – 4 человека, 4 человека – старшие машинисты турбины, 4 человека – дежурные по аэратору. По окончании занятий слушатели успешно прошли испытания получили допуск к работе с аэратором.

К недостаткам при проведении занятий по техминимуму следует отнести следующие:

Во-первых, недостаточная обеспеченность учебными руководствами из-за их дефицита в типографиях;

во-вторых, посещаемость в группах удовлетворительная, за исключением февраля и марта 1941 г., когда уровень посещаемости был крайне низок из-за недостаточной организованности продажи хлеба через ларек ГЭС. Что же касается группы слесарей, то ввиду большой текучести и малограмотности, техминимум проходил крайне неудовлетворительно, посещаемость крайне низка, имели место срывы занятий в связи с отсутствием слушателей.

В марте 1940 г. была организована группа по техучебе начальников смен и мастеров – в количестве 17 человек, из которых 3 выбыли.

Посещаемость недостаточно удовлетворительная – на занятия в среднем 12–14 человек, лучше себя зарекомендовали электрики станции и сети, плохо – работники котельного цеха и дизельной станции. Для лучшего и более наглядного освоения преподаватели дисциплин проводили работы по созданию технического кабинета с приобретением соответствующих наглядных пособий и инвентаря, но отсутствовало финансирование...».

Такие положительные сдвиги в организации работы станции вскоре дали о себе знать: «...Среди положительного следует отметить научные командировки на Харьковскую и Смоленскую городские электростанции тов. Рузинского и Хуснутдинова соответственно.

Смета на техучебу на 1940 г. утверждена Горкоммунотделом в сумме 20,0 тыс. руб., и к 1 декабря того же года было израсходовано 12,2 тыс. руб., отпущено средств облкомхозом – 5,0 тыс. руб. Отсутствие средств задерживало организацию технического кабинета и оплату преподавателям и заведующему отделом техучебы.

Малограмотные рабочие и работницы охвачены школой малограмотных в количестве 17 человек, из которых ее окончили – 11, а 6 человек отчислены из-за не посещаемости. Позднее учеба организована с привлечением хорошо грамотных рабочих и служащих станции. В школах по общеобразовательной подготовке без отрыва от производства обучения 5 человек, 2 человека учатся в юридической школе и 2 человека на курсах повышения квалификации. ...» [3, Л. 7–10].

Таким образом, работу Курской ЦЭС в предвоенные годы можно назвать удовлетворительной, поскольку, будучи коммунальной электростанцией и изначально не рассчитанной для крупных промышленных мощностей, ей, хотя и с перебоями, но удавалось снабжать промышленные предприятия города. Работа партийной ячейки и дирекции станции была направлена на устранение наиболее крупных недостатков и в целом была решена положительно, за исключением дефицита топлива.

1. Степанов В.Б. Городская электростанция // Путеводитель по исторической части г. Курска. Ч. 1. Красная площадь. Курск, 2002 URL: <http://old-kursk.ru/kp/kp063.html> (дата обращения: 05.04.2015 г.).

2. Ласочко Л.С. Электроснабжение // Курская энциклопедия: Курский краеведческий справочник. Курск, 1997.

3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 2723.

4. ГАОПИКО.Ф. П – 1. Оп. 1. Д. 2702.

СУДЖАНСКИЙ РАЙОН В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ. ПЕРЕСТРОЙКА ЖИЗНИ РАЙОНА НА ВОЕННЫЙ ЛАД

22 июня 1941 года, на рассвете, без объявления войны, нарушив договор о ненападении, немецко-фашистские войска перешли границу Советского Союза. Началась самая страшная разрушительная война в истории человечества, каждый день уносившая тысячи жизней.

В полдень 22 июня с обращением к народу СССР по радио выступил первый заместитель Председателя Совнаркома, нарком иностранных дел В.М. Молотов. Указом Президиума Верховного Совета СССР на основании статьи 49 п. Конституции СССР было объявлено военное положение в отдельных местностях Советского Союза, в том числе и в Курской области. В указе говорилось: «В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения государственного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, округов. В местностях, объявленных на военном положении, военным властям предоставляется право:

а) ... привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов...

б) устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений;

в) объявить трудовую и авто-гужевую повинность для военных надобностей;

г) регулировать время работы учреждений и предприятий, в том числе театров, кино т.д., запрещать появление на улице после определенного времени, ограничивать уличное движение, а также проводить в необходимых случаях обыски и задержания подозрительных лиц;

д) воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении.

За неподчинение распоряжения и приказам военных властей... виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени.

В изменение действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов, а именно:

а) дела о государственных преступлениях;

б) дела о преступлениях, совершенных военными служащими» [1].

В тот же день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации военнообязанных. Мобилизации подлежали военнообязанные 1905–1918 годов рождения, проживающие на территории 14 военных округов. В том числе Орловского округа, на территории которого находилась Курская область [1].

С первого дня войны суджане поднялись на защиту Родины. На прошедших 22-23 июня митингах в трудовых коллективах и по месту жительства они выражали готовность сделать все от них зависящее для разгрома врага.

24 июня 1941 года состоялось заседание бюро суджанского РК ВКП(б) о ходе выполнения нарядов для Красной Армии в порядке указа правительства от 22 июня 1941 года. Оно показало, что на 23 июня 1941 года было мобилизовано 402 человека [2, Л. 156]. В первый день мобилизация проходила с некоторыми шероховатостями, например, по Лебедевскому, Погребскому, Махновскому сельским советам не явилось на сборный пункт 12 человек [2, Л. 156]. Но в последствии все это было проверено и исправлено. Мобилизация военнообязанных района стала проходить более организованно.

Вскоре через Суджу хлынул поток беженцев из Украины и Белоруссии, прошли колонны с эвакуированным имуществом. Вести были одна тяжелее другой, войска Красной Армии с кровопролитными боями вынуждены были отступать. 4 октября на город упали первые фашистские бомбы. Самолет с черным крестом пролетел вдоль улицы Ленина, сбросив пять бомб. Появились первые разрушенные дома, первые жертвы [3].

Для охраны предприятий, колхозных полей и других объектов, для борьбы с диверсантами были сформированы истребительные батальоны и отряды народного ополчения.

Формирование истребительных батальонов в Курской области началось в конце июня 1941 года после того, как 24 июня 1941 года СНК СССР принял два постановления: «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами в прифронтовой полосе» [4, с. 42]. В соответствии с постановлениями правительства Наркомом внутренних дел СССР был подписан приказ № 00804 от 25 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами в прифронтовой полосе» [4, с. 42].

26 июня 1941 года бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполкома приняли постановление немедленно приступить к организации истребительных батальонов во всех районах Курской области [2, Л. 156].

Исполнение постановления было возложено на первых секретарей РК ВКП(б) и начальников райотделов НКВД. Общее руководство истребительными батальонами возлагалось на начальника УНКВД области. С июля 1941 года общее руководство деятельностью истребительных батальонов области осуществляла оперативная группа при УНКВД области, возглавляемая майором А.Г. Климиным [4, С. 42].

27 июня по телеграфу было отдано распоряжение в районные отделения НКВД о формировании в районах истребительных батальонов. В штаб орловского военного округа была отправлена заявка на потребное для них количество оружия и боеприпасов [5, с. 88].

На заседании Суджанского РК ВКП(б) 30 июня 1941 года было решено: «Установить численность истребительного батальона в 200 человек. Утвердить командиром истребительного батальона помощника начальника РО НКВД тов. Гоговицина и помощником командира по политической части утвердить тов. Рожкова» [2, Л. 165–167].

Истребительному батальону были представлены все виды местной связи и транспорта, он был обеспечен оружием, боеприпасами, но в недостаточном количестве. Структура истребительного батальона соответствовала армейскому образцу. Он делился на роты, взвода. Все бойцы проходили боевую подготовку, обучались стрельбе, технике бросания гранат, штыковому бою, самоокапыванию и т.д. [5, с. 8].

Основное ядро Суджанского истребительного батальона составлял партийный актив: Григорий Петрович Калиниченко – второй секретарь райкома партии, Степан Васильевич Трибунский – прокурор района, Павел Михайлович Ревин – заведующий райздравотделом и руководители других районных организаций. Количественный состав истребительных батальонов на 29 июня 1941 года по суджанскому району составлял 200 человек [4, с. 7].

Кроме истребительного батальона на промышленных предприятиях, в колхозах создавались группы содействия для наблюдения и сигнализации о появлении парашютистов, диверсантов, подозрительных лиц. Каждая группа состояла из 5–7 человек [5, с. 10].

Впоследствии, в середине октября 1941 года, по приказу командования Суджанский истребительный батальон вместе с отступающими частями Красной Армии отошел к Старому Осколу, где был расформирован [6].

Учитывая опыт ленинградцев, москвичей по созданию народных ополчений, исходя из желания многих курян стать ополченцами, бюро Курского обкома ВКП(б) 9 июля 1941 года приняло постановление, об организации в области народного ополчения.

В Судже этот вопрос обсуждался на заседании бюро РК ВКП(б) 15 июля 1941 года:

«...Бюро РК ВКП(б) постановило:

– Предложить всем первичным парторганизациям провести собрания на предприятиях, в колхозах и учреждениях для разъяснения трудящимся значения создания народного ополчения и приступить к формированию из добровольцев отрядов народного ополчения (взводов, рот, батальонов), на предприятиях, в колхозах, в учреждениях...

– Для руководства формированием и согласованных действий создать районный штаб. Начальником штаба утвердить секретаря РК ВКП(б)

Кадыкова Г.И., заместителем начальника штаба – председателя исполкома Бочарова М.И.» [2, Л. 107].

На добровольных началах в народное ополчение записывались не подлежащие по разным причинам мобилизации и призыву в Красную Армию рабочие, колхозники, служащие, представители интеллигенции, студенты, учащиеся старшекласники, люди разных возрастов – как мужчины, так и женщины. В отличие от истребительных батальонов, функции подразделений народного ополчения в основном сводились к защите от противника рубежей родного края (как правило, совместно с бойцами Красной Армии) [5, с. 11]. К 15 августа 1941 года количественный состав народного ополчения составлял 549 человек [4, с. 44].

Важное оборонительное значение имело осуществление мероприятий по укреплению противовоздушной обороны области. На случай нападения авиации противника повсюду создавались бомбоубежища, щели и другие укрытия. В специально созданных кружках и группах самозащиты организовали обучение граждан правилам поведения во время налетов вражеской авиации, правилам противохимической защиты [5, С. 11].

Огромная работа была проведена по перестройке на военный лад всех отраслей народного хозяйства. На промышленных предприятиях области организовывали производство некоторых видов вооружения: ручных гранат, бутылок с горючей смесью для борьбы с танками, а также военного обмундирования, обуви для красноармейцев.

Все колхозы Суджанского района приступили к выполнению плана хлебопоставки 1941 года зерном, оставшимся с прошлогоднего урожая. На 27 июня 1941 года в счет обязательных поставок было сдано 3 158 центнеров зерна. Отличился колхоз имени Ленина Замостянского сельсовета, вывезший на пункты Заготзерна 693 центнера, выполнив годовой план зернопоставки 1941 года на 35 процентов. Кроме того, он сдал 78 центнеров в счет натуроплаты МТС [7].

В колхозе «Завет Ильича» старики, проводив своих сыновей на фронт, пришли работать на их места. Это: С. Володьков, М. Самбуров, В. Хренников, Д. Володьков, В. Зозулькин и др. Вместе с ними колхозу помогали и школьники [8]. Многие женщины поменяли свои профессии, став трактористами. Так, если до 22 июня в Заолешенском МТС было 6 женщин-трактористов, то к началу июля 1941 года их стало 11 [9].

28 августа 1941 года Курский обком ВКП(б) установил план изготовления саней по Суджанскому району в размере 140 штук по промкомбинату, 1 215 саней – артелям «Деревообделочник» и имени 1 мая. Леспромхозу, промкомбинату и артели Обллесдревсоюза были установлены также задания по изготовлению бочкотары [10, Л. 165].

Жители района активно участвовали в создании и приумножении фонда обороны, сдав на производство вооружения деньги, ценные вещи. Только за день 24 июня было сдано 42 тысячи рублей наличными [7]. Многие суджане стали донорами.

13 сентября 1941 года прошло заседание бюро Суджанского РК ВКП(б), на котором было принято решение создать районные комиссии по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии [10, Л. 165].

На военный лад перестраивала свою деятельность интеллигенция Курской области. Самым крупным ее отрядом были учителя школ. В первые же дни войны учителя города Суджи выступили с обращением ко всем учителям и интеллигенции Суджанского района:

«Дорогие товарищи!

Кровожадный враг по-разбойничьи напал на нашу Родину. Весь советский народ как один человек поднялся на великую священную Отечественную войну...

Враг силен, нам предстоит жестокая борьба, но каждый из нас знает: победа будет за нами! Но победу надо завоевать. Она завоеывается в боях, она завоеывается также в труде, она куется в тылу... Вместе со всем советским народом мы, учителя города и пригорода, считаем себя мобилизованными и обязуемся отдать все свои силы на укрепление работы в нашей стране. Мы все как один выйдем на колхозные поля и поможем колхозам убрать обильный урожай.

Мы обязуемся:

1) активно участвовать в работе агитколлективов для систематического проведения политинформации и читки военных газет в колхозах, бригадах и помогать в выпуске колхозных стенгазет;

2) организовать две рабочих бригады из числа учителей по уборке сена и зерновых в колхозах;

3) организовать не менее 15 бригад по уборке сахарной свеклы и зерновых культур из учащихся старших классов по руководством учителей этих школ (Заолешенская – 3 бригады, Замостянская – 3, средняя городская – 6, Подолянская – 1, Гончаровская – 1, Махновская – 17);

4) создадим 4 бригады из числа учащихся старших классов и одну из учителей охраны оборонительных работ на селе, подготовки газоубежищ, бомбоубежищ, обеспечим сдачу нормативов на оборонительные значки ГСО и ПВХО по заданиям МПВО... Призываем каждого школьника и интеллигенцию района последовать нашему примеру...

5) Все как один на защиту Отечества!» [10, Л. 1–7].

Подлинный патриотизм проявили и другие отряды интеллигенции: врачи, работники культурно-просветительских учреждений, журналисты и другие. Всех их объединяло одно желание – укрепить военно-экономическую мощь страны, всемирно поддержать армию, упрочить единство тыла и фронта.

Таким образом, мы видим, что в начале войны Суджанский район принял активное участие в укреплении обороноспособности страны. Многие жители района призывного возраста ушли на фронт, оставшиеся мобилизовали все свои силы для приближения победы, для защиты района от немецко-фашистских захватчиков. Были созданы истребительные батальо-

ны, отряды народного ополчения. Все промышленные предприятия перешли на военный лад, мобилизовалась интеллигенция. Поэтому смело можно сказать, что с первых дней войны Суджанский район включился во все мероприятия, которые так или иначе могли помочь фронту.

-
1. Курская правда. 1941. 24 июня.
 2. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 300.
 3. За коммунизм. 1964. 3 марта.
 4. Курский край № 3 (12). Курск, 2000.
 5. Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Курск, 1998.
 6. Колхоз. 1962. 25 апреля.
 7. Курская правда. 1941. 27 июня.
 8. Курская правда. 1941. 29 июня.
 9. Курская правда. 1941. 2 июля.
 10. ГАОПИКО. Ф. 12. Оп. 1. Д.302.

И.В. Куракина

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОЛКОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В 2015 году исполняется 70 лет со дня победы над фашизмом в Великой Отечественной войне. Тема войны и борьба советского народа с фашизмом стала особенно актуальной в связи с трагическими событиями, происходящими сегодня на Украине, когда националистические настроения преобладают в мышлении людей, забывших подвиг своих предков. В связи с непростой политической обстановкой, сложившейся вокруг нашей страны, проявляется тенденция к фальсификации событий войны, предпринимаются попытки «переписать» историю и извратить ее.

Еще задолго до начала гражданской войны на Украине, в 2005 году, заместитель начальника Института военной истории Министерства обороны РФ Николай Никифоров обратил особое внимание на фальсификацию фактов и данных о жестокости советских солдат [1].

Данная ситуация по отношению к историческому прошлому СССР назревала уже несколько лет подряд. Так, в 2007 году вице-премьер-министр и министр культуры Украины Вячеслав Кириленко (одиозный националист) заявил, что государство «не только не намерено противодействовать, но и обязуется всячески способствовать любым общественным инициативам по демонтажу памятников советским деятелям» [2].

Попытки искажения фактов мы часто можем проследить в репортажах западных СМИ и по заявлениям официальных лиц Государственного департамента Белого дома. По данным опроса газеты «Трибуна» от 10 апреля 2015 года к выводу об искажении фактов Великой Отечественной

войны пришли специалисты центра социально-политического мониторинга Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ИОН РАНХиГС). Если говорить о причинах войны, то три человека из четырех возложили ответственность за нее на фашизм, стремившийся к мировому господству. Для 56,5 % опрошенных Вторая мировая, а затем и Великая Отечественная начались из-за желания крупнейших государств мира перераспределить сферы влияния, завладеть новыми территориями и получить доступ к сырьевым ресурсам и рынкам сбыта. Каждый четвертый назвал причиной начала ВОВ противостояние капиталистического Запада с социалистическим Советским Союзом. Остается добавить, что нашлось 4,4 % оригиналов, считающих, что пожар, в огне которого сгинули десятки миллионов человек, разжег СССР, точнее его стремление к мировому господству [3].

В 2014 году украинские националисты перешли от «слов к делу». В городе Бровары под Киевом памятник Ленину снесли еще 2 февраля. «Правосеки» привязали его за шею тросом и стали волочить по городу за грузовиком [4]. Давней мечтой «правосеков» было устроить разгром памятников в Крыму. В одном Севастополе они запланировали уничтожить 150 памятников «оккупационного режима». Но в феврале 2014 года в Крыму удалось уничтожить лишь два памятника Ленину, причем один из них в поселке Зуя ныне восстановлен. В Крыму и Севастополе мародерство удалось сдержать. Волеизъявлением народов Крыма 16 марта 2014 года был проведен референдум. В ходе голосования более 90,0 % пришедших на участки высказались за вхождение республики в состав России [5].

Референдум не был признан западным сообществом («Большая семёрка», государства – члены НАТО, Евросоюза, Совета Европы) в связи с его несоответствием Конституции Украины. При рассмотрении вопроса о ситуации в Крыму в Совете Безопасности ООН тринадцать его членов поддержали проект резолюции, объявляющей референдум не имеющим законной силы, однако Россия наложила на неё вето. В связи с этим в отношении России, Евросоюзом были введены экономические и политические санкции.

В свою очередь США воздерживаются от комментария по поводу заявления главы фракции Петра Порошенко в Верховной раде Юрия Луценко о том, что во что бы то ни стало «продавит» закон о запрете советской символики. «Я голосовал за то, чтобы уничтожить сталинскую символику, которая миллионами трупов стелила дорогу к победе в 45-м году. И сегодня метастазами продолжает отравлять будущее нашей страны. Кровавые скелеты в буденовках должны перестать держаться за руки и ноги нашего будущего», – не стесняясь переборщить с эпитетами, заявил Луценко в интервью газете «Последний рубеж» [6].

Чествования так называемых «героев Украины» проходят сейчас в основном в Западных районах Украины, преимущественно во Львовской и Ивано-Франковской областях. Проходят марши во славу идеолога украин-

ского национализма Степана Бандеры и главнокомандующего Украинской повстанческой армии (УПА) Романа Шухевича. Напомним, в 1943–1944 гг. отряды УПА действовали против советских партизан, отрядов польского подполья – Армии Людовой и Армии Крайовой.

На сегодняшний день апогеем всего происходящего стал пакет законов принятый Верховной Радой Украины, направленных на переписывание истории собственного государства и подавление политического инакомыслия в стране. Речь идет о законах «О правовом статусе и чествовании памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке», «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики», «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов», «Об увековечивании победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.».

Как пишет газета «Взгляд», городской совет города Ивано-Франковск на Украине объявил 9 мая Днем траура по украинцам, погибшим во время Второй мировой войны. В то же время местные депутаты приняли решение запретить размещение символики несуществующих и непризнанных государств (военизированных формирований) на зданиях и сооружениях, предприятиях, находящихся в Ивано-Франковске. Похожим образом поступил и Львовский горсовет, который принял решение о запрете использования коммунистической и нацистской символики в День победы в этом году. Во Львове таким образом поступают не первый год. В посольстве РФ на Украине «Русской службе новостей» пока никак не комментируют эту информацию. В 2011 году львовские депутаты уже принимали аналогичное решение «о запрете использования красного флага, символики несуществующего государства – СССР, коммунистической и нацистской». Однако затем это решение было частично отменено Галицким райсудом [7].

Данный закон прокомментировал Российский МИД: «Преподнося период 1917–1991 годов как период борьбы за независимость Украины и объявляя «коммунистический тоталитарный режим» этого периода «преступным» и «проводившим политику государственного террора», нынешние украинские власти пытаются стереть из памяти миллионов украинцев страницы подлинной истории Украины XX века, ее поступательного развития в составе Советского Союза. Исходя из логики авторов последних украинских новаций, навеянных во многом внешними консультантами, не ясно, чем на деле занимались многие поколения украинцев, строившие современное государство, но не сидевшие при этом в схронах бандеровцев и не участвовавшие в националистическом диссидентском движении.

На фоне декларируемой борьбы с якобы тоталитарным прошлым Киевом вводятся поистине тоталитарные методы ликвидации неудобных партий, общественных организаций и движений. Фактически устанавливается жесткая цензура политической мысли на соответствие извращенным

представлениям о добре и зле, пропагандируемых нынешними украинскими властями. Прикрываясь риторикой борьбы за гражданские права и свободы, украинские законодатели приняли, по сути, акты, напрямую ограничивающие реализацию прав на свободу мысли, совести, убеждений и выражения мнения.

Следует также отметить, что отдельные положения упомянутых законодательных актов дают основания для постановки вопроса об их противоречии обязательствам Украины по Международному пакту о гражданских и политических правах и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Налицо также явное несоответствие этих актов резолюции 69/160 Генассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости».

В момент, когда Украина нуждается в принятии компетентных и квалифицированных решений по выводу страны из глубочайшего социального, экономического, политического и культурного кризиса, стране предлагается погрузиться в пучину масштабного переименования городов, площадей, улиц, предприятий, других объектов под лозунгом освобождения от символики прежнего режима. Заложены правовые основы для вандализма на государственном уровне, демонтажа огромного количества памятников, многие из которых внесены в Государственный реестр памятников Украины. На одну доску в нынешней Украине ставятся фашистские агрессоры и борцы за освобождение страны от фашизма. Продолжается героизация пособников нацистов в лице ОУН/УПА, их старательно пытаются приравнять к ветеранам Великой Отечественной войны.

Поражает кощунство, с которым в Верховной раде Украины была организована вся эта эпопея с принятием пакета «антикоммунистических», а фактически антироссийских и антиукраинских законов именно в преддверии 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Пытаясь искоренить в сегодняшней Украине сам термин «Великая Отечественная война», заменив его на «Вторую мировую войну», нынешние украинские власти не только стремятся извратить суть масштабного исторического противостояния, но и наносят глубокую обиду своим ветеранам, лишая их светлого праздника, предают память миллионов украинцев, сражавшихся в рядах Красной Армии и отдавших свои жизни именно за защиту своего Отечества от фашизма.

Все предпринимаемые сегодня Киевом попытки извратить прошлое своей страны, отказаться от достижений российского и советского периодов в ее истории ведут только к глубокому расколу современного общества. Используемые при этом методы и способы навязывания националистической идеологии вообще ставят под сомнение перспективы успешного развития украинской государственности» [8].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что Россия выглядит, как правило, если не отталкивающе, то и не привлекательно. Что ей только не приписывают: тут и империализм, и авторитаризм, и отсутствие свободы слова, и консерватизм, и отсталость, и вообще подавление всего и вся. Естественно, во время драматических событий в Украине западная пресса также не обходит Россию стороной – это мягко говоря. Материалов на эту тему в электронных и печатных медиа – предостаточно.

Русское государство, Российская империя, РСФСР, СССР, Российская Федерация – все это одно государство, государство с великим прошлым, государство, которое на протяжении почти 12-ти веков своего существования ни разу не встало на колени перед соперниками, как бы ни было трудно. В разные исторические эпохи бесстрашные воины России, которые защищали ее от нашествий, не щадя себя отстаивали каждую пядь родной земли.

23 февраля 2015 года на концерте, посвященном Дню защитника Отечества, президент РФ Владимир Владимирович Путин выступил с поздравительной речью и подчеркнул, что «уже скоро, 9 Мая, мы будем торжественно отмечать 70-летие Великой Победы над нацизмом. Это святой праздник для нас. Именно народ, армия Советского Союза внесли решающий вклад в разгром нацизма. Благодаря мужеству солдат и офицеров под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, под Варшавой, в Ленинграде, под Ленинградом, в Будапеште, или находясь в Берлине, были разгромлены отборные части агрессора. В тяжелейших сражениях наши войска не только изгнали нацистов со своей земли, но и выполнили великую освободительную миссию, избавили от порабощения страны Европы, а затем нанесли удар по агрессору и на Дальнем Востоке, поставили победную точку во всей Второй мировой войне».

Глава государства добавил, что «это наша победа, наша история, которую мы будем отстаивать от лжи и забвения» [9].

-
1. URL: <http://lenta.ru/news/2005/04/14/vov/> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 2. URL: <http://varjag-2007.livejournal.com/7519489.html> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 3. URL: <http://tribuna.ru/news/2015/04/07/64554/> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 4. URL: <http://society.pravda.ru/how/08-10-2014/1230110-lenin-0/> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 5. URL: <http://ria.ru/politics/20140317/999910739.html#ixzz3Wt8jXBDm> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 6. URL: <http://posledniyrubezh.org/blogosfera/vestnik-blogosfery/yurii-lucenko-chestvovanie-upa-vozrodilo.html> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 7. URL: <http://rusnovosti.ru/posts/258973> (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 8. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/96F6BF69FE0EBBA543257E23005AB8B4 (дата обращения: 25.03.2015 г.).
 9. URL: http://moscoweveryday.com/posts/177/rossiya_lyubomu_dast_otpor (дата обращения: 25.03.2015 г.).

ПСИХОИСТОРИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Психоистория – наука, изучающая психологическую мотивацию поступков людей в прошлом. Во многом актуальность обусловлена развитием общества и человека. Начинает возрастать и потребность в изучении вопросов истории, которые еще раскрыты не до конца. К тому же характерной тенденцией современного исторического познания является стремление максимально «антропологизировать» историю, наполнить ее «человеческим содержанием». Еще более важно, что осмысление человека, его менталитета, «картины мира» в настоящее время становится «ключом» для более глубокого понимания различных сторон исторической действительности.

Несмотря на то, что история строится на фактах и есть множество дисциплин, помогающих установить их, история все же остается наукой во многом не точной. Например, объясняя причину войны, что скажет нам историк: жажда власти или придумает какую-нибудь экономическую причину [1, с. 119]. Но такую причину можно увидеть в любом конфликте. Интерес же представляет вопрос, почему для разрешения спора необходима война? К тому же войны требуют больших затрат и уж точно не выгодны. Однако историки продолжают наполнять целые библиотеки описаниями экономических условий перед войной, не затрудняя себя анализом слов и поступков лидеров, развязавших войну, а это помогло бы понять, действительно ли экономические факторы оказали какое-то влияние на их мотивацию [1, с. 119]. Чтобы найти недостающую связь и приблизиться к истине, в начале XX века зарождается наука, получившая название *психоистория*. Начиная с этого времени растет интерес к данной науке. Но психоистория – наука новая, в ней множество пробелов. Если же говорить о популярности психоистории, то больших масштабов она достигла в США. Начиналось это все с небольших статей и монографий, вскоре из-за военных действий в Европе еще недавно сформированный в Германии центр психоисторических исследований переносится именно сюда. Подлинным отцом психоистории как независимой научной дисциплины все-таки считается американец Эриксон (психолог и психотерапевт; создатель жанра психоистории), который в своих трудах 50-х годов XX века изучал историю детства как среды, формирующей роль и место последующих поколений в историческом процессе. Также источником понимания этой науки может служить книга Ллойда Демоза (американский историк и психолог) «Психоистория». Данная книга не только раскрывает суть науки, но с помощью ярких примеров убедительно доказывает, что от прогрессивного развития стилей воспитания детей зависит ход исторического процесса в прошлом, а также предлагает методику прогнозирования на ближайшую

историческую перспективу. Интересна и книга В.А. Шкуратова «Историческая психология». Главной целью автора было дать введение в современную историческую психологию. Он анализирует различные исследования по данной теме.

Помимо книг, наполненных теорией, есть работы, где исследуется та или иная историческая личность. Например, одним из самых первых практических исследований можно назвать работу известного нам австрийского психолога и психиатра Зигмунда Фрейда и американского посла Уильяма Буллита. Работа называется «Вудро Вильсон – 28 президент США. Психологический портрет», выпущена была в первой половине XX века. В этой книге вы увидите не сухой перечень библиографических фактов, а то, как, например, его отношение к Англии, Германии и Америке явилось следствием его детских конфликтов, как его фанатичная религиозность и безудержная любовь к отцу повлияли на ход истории во время Первой мировой войны. Роберт Такер (американский политолог, историк) провел психоисторическое исследование Сталина, его работа «Сталин как революционер» вышла в трех томах. Эриксон, о котором было упомянуто выше, с точки зрения психоистории рассматривал личности Юлия Цезаря, молодого Лютера и даже Гитлера. Не только исследования выдающихся личностей лежит в основе психоистории. Например, большую популярность в наше время набирает социальная психоистория, которая призвана исследовать социальные группы людей с помощью взаимодействия истории и психологии. Так, можно понять, объяснить революционные действия народных масс, подробнее изучить идеологию и ее причины. Например, Е. Вебер и Б. Смит (Смис) сосредотачивают свои усилия на исследовании формирования психоисторической концепции истории германского варианта фашизма – национал-социализма [2].

Из самого названия вы легко поймете, на стыке каких двух наук сформировалась психоистория. История и психология – науки о разных временах. Первая изучает прошлое, вторая – настоящее. Таким образом, судьба профессиональной исторической психологии состоит в возможности соединить в едином рассмотрении разные регистры времени.

Психоистория изучает связь между историческим прошлым и мотивацией людей. Люди создают историю, и поэтому кажется вполне логичным установление подобной связи, несмотря на то, что многие исследователи игнорируют психоисторию, некоторые осуждают приписывание данной науки к разделу истории, к одному из методов истории, некоторые, того хуже, говорят о психоистории как о лженауке. Тем не менее у этой науки есть свой понятийный аппарат, например «групповая фантазия». Ллойд Демоз так понимает этот термин: «Групповая фантазия – это не материальная, а психическая реальность, и именно она заставляет нацию выплескивать на лидера ощущение сдавленности в удушливом родовом канале, а лидеру внушает чувство, что облегчение может принести лишь крайнее решение – война, что лишь она поможет пробить дорогу» [1, с. 124].

Также у психоистории имеются свои особые методы. Например, своя методология открытия, которая пытается решить проблемы исторической мотивации при помощи уникального сочетания исторических документов, опыта клинической практики и собственного эмоционального опыта исследователя. Это и есть главный инструмент открытия в психоистории. В психоистории важны чувства исследователя, он должен идентифицировать себя с объектом, только так он сможет понять мотивы.

Таким образом, психоистория, несомненно, необходимая наука. Ее уникальность, а именно сочетание двух несхожих наук, дает огромные перспективы исследователю, когда он может выявить истинные причины каких-либо событий. Например, влияние психологических особенностей исторических деятелей на исторические события, проблемы психологических истоков распространения различных идеологий, психологических причин социальных революций, национально-освободительных движений и так далее. Можно увидеть, насколько же однобокой кажется история без выявления причин именно людских поступков. Объяснения историков кажутся действительно узкими, если знать, насколько просто можно раскрыть их через понимание мотивации.

1. Ллойд Д. Психоистория / пер. с англ. А. Шкуратова. Ростов-н/Д: Феникс, 2000.

2. Кирчанов М.В. Психоистория URL: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1523&binn_rubrik_pl_articles=112 (дата обращения: 05.04.2015 г.).

СЕКЦИЯ III
ГОНЕНИЯ НА ЦЕРКОВЬ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИИ.
К ВОПРОСУ ОБ УВЕКОВЕЧИВАНИИ ПАМЯТИ
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ XX ВЕКА

Протоиерей Олег Митров

ИСТОРИОСОФИЯ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Падение российской монархии в феврале 1917 года, захват власти большевиками в октябре того же года, гражданская война и последовавшие за кровавые репрессии кардинально изменили ход русской истории. Эти события привели к гибели миллионов людей, к страшным гонениям на Церковь и, в конечном счете, уже в наши дни – к развалу единого государства и расчленению страны.

Сегодня для возрождения России необходимо осознать причины этих событий, определить пути выхода из кризиса, наметить цели для нашего общества, дать идею, вдохновляющую для движения вперед.

Лучшим подспорьем в выборе дальнейших путей развития страны является изучение ее истории. В прошлом мы можем увидеть особенности своего исторического развития, понять, на чем были основаны наши победы и в чем были причины наших поражений. На исторических примерах отдаленных от нас по времени всегда легче оценить удачные решения и ошибки, допущенные тем или иным правительством, потому что мы можем наблюдать последствия их действий в уже свершившейся истории.

Однако, изучая историю как некое нагромождение фактов, мы эту задачу не решим. Необходима какая-то историософская идея, способная расставлять события в их логической взаимосвязи.

На протяжении XX века такой теорией в отечественной исторической науке был марксизм. Но уже с конца 80-х годов XX века многие историки и философы стали понимать, что вульгарное материалистическое учение марксизма не может быть инструментом познания исторического прошлого. В поиске иных теорий многие исследователи пришли к выводу, что открытый великим русским ученым Николаем Яковлевичем Данилевым цивилизационный подход может «заполнить теоретический вакуум, образовавшийся в российском общественном сознании после краха» марксизма [1, с. 6].

В чем же суть открытия Данилевского? В своей книге «Россия и Европа», изданной в 1869 году, он убедительно показал, что в истории человечества нет однонаправленного восходящего эволюционного процесса, нет единой общечеловеческой цивилизации – это искусственная схема прогресса. Разные народы, как и отдельные личности, имеют свое рождение,

ние и рост, цветение и увядание. Некоторые из этих народов образуют культурно-исторические типы.

До открытия Данилевского в исторической науке господствовала схема деления исторического процесса на историю древнего мира, средних веков, новую и новейшую. Данилевский показывает, что такое различие по степени развития возможно только внутри одного и того же типа, или иначе – цивилизации. Таких самобытных цивилизаций Данилевский насчитывает 11. Это типы 1) египетский, 2) китайский, 3) халдейский, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) аравийский, 10) германо-романский, или европейский и 11) славянский тип.

«Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, – писал Данилевский, – были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу» [2, с. 103]. Причем «ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечного прогресса», поэтому каждый тип рождается, развивается, достигает своего расцвета, дряхлеет и, в конце концов, сходит с исторической сцены» [2, с. 103].

Данилевский утверждает, что каждый тип не продолжает развитие предыдущего или существующего рядом с ним типа, а развивает свои, свойственные только ему начала цивилизации. Еврейская цивилизация развивалась как исключительно религиозная, тип эллинский был типом культурным, римский с успехом осуществил лишь политическую сторону человеческой деятельности и т.д. Таким образом, согласно Данилевскому, «прогресс состоит не в том, чтобы идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях» [2, с. 102].

Как заметил один из исследователей творчества Данилевского, «это был взгляд, брошенный на историю не с точки зрения европейской цивилизации, а с высоты космоса и одновременно – с высоты Божественного устройства всего сущего» [3, с. 90].

В своем труде Данилевский излагает пять общих законов исторического развития, вытекающих из группировки явлений по культурно-историческим типам.

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, – для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие...

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним ... растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [2, С. 106].

Среди этих общих закономерностей появления и развития культурно-исторических типов Данилевский подробно останавливается на 3 законе – «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [2, с. 106]. При этом Данилевский не исключает положительного влияния чуждых цивилизаций, которое он сравнивает с влиянием почвы на растительный организм. Так влиял Египет и Финикия на Грецию, Рим на германо-романские народы. При таком влиянии организм продолжает самобытное развитие и только питается результатами чужой деятельности, перерабатывая их по-своему. При таком отношении народов заимствуются достижения науки и техники, но сохраняются своя религия, культура, свой быт, свои традиции государственного управления.

Два других способа передачи цивилизации, которые Данилевский называет «колонизацией» и «прививкой», напротив, крайне губительны для народа-реципиента. При колонизации развитие другого типа совершается только между колонистами, а туземцы, или истребляются или обращаются в людей второго сорта, что приводит к гибели самобытной цивилизации, как это произошло, например, в Америке.

Третий способ передачи цивилизации Данилевский называет прививкой, по аналогии с прививкой растений. При садовой прививке привитой глазок продолжает жить своею жизнью, а дичок – своей, примерно так же происходило и в истории. Таким глазком греческой культуры была Александрия в Египте и римская культура в Галлии. Ни из того, ни из другого опыта не вышло никакой пользы ни Египту, ни Галлии, реальной передачи цивилизации не произошло, а имело место только искажение или полное уничтожение начал цивилизации, которые при самобытном развитии действительно могли принести богатые плоды.

Применяя открытый им цивилизационный подход для исследования истории России, Данилевский обращается к сравнению начал европейской и славянской цивилизаций и убедительно показывает, что они совершенно разные. Во-первых, эти цивилизации возникли в разное время. Славянская

цивилизация моложе европейской примерно на четыре столетия. И если европейская цивилизация уже пережила время своего расцвета и движется к закату, то славянский культурно-исторический тип еще только вступает в период своего плодоношения, поэтому плоды его цивилизации пока менее обильны, но зато запас исторических сил еще не растрочен, и поэтому потенциал этого типа гораздо больше.

Затем Данилевский обращается к различиям в психическом строе германо-романских и славянских племен. Он пишет: «Одна из черт, общих всем народам романо-германского типа, есть насильственность. Насильственность, в свою очередь, есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо-должен ему уступить...» [2, с. 191]. Он приводит многочисленные примеры проявления этой насильственности в истории германо-романских племен. Данилевский упоминает распространение христианства огнем и мечем, массовые казни еретиков, жесточайшую колониальную политику, в ходе которой уничтожались целые племена и народы, работорговлю и многочисленные европейские революции с массовыми казнями. Мы можем добавить к этому списку две мировые войны, неоколониальную политику и даже американский кинематограф, прекрасно иллюстрирующий эту черту.

Наоборот, обращаясь к русской истории, Данилевский делает вывод, что терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. Даже в ходе завоеваний, которые не редко проводились разбойничьими атаманами, «слабые, полудикие инородцы не только не были уничтожены, но даже не были лишены своей свободы и собственности» [2, С. 200]. А инородная знать включалась в общерусскую жизнь на совершенно равных правах.

«Таким образом, развитие европейских народов основывается на начале личности, русское – на начале общенародном. Начало личности ведет к борьбе, заканчивающейся договорами; начало общенародное ведет за собою доверие. Борьба характеризуется жестокостью в защите своего права; начало общенародное требует большой мягкости» [4, с. 537–539].

Следующее различие – вероисповедное. Большинство славянских народов исповедуют православие, а германо-романские – католицизм или протестантство.

Затем Данилевский говорит о различиях в ходе исторического воспитания, понимая под этим переход народа из состояния племенной воли к государственной жизни. Чтобы такой переход совершился и народ воспитал в себе привычку жить в государстве (подчиняться властям, платить налоги, отрабатывать государственные повинности и т.д.), он должен пройти через какую-либо форму зависимости. Для племен германо-романских основной формой такой зависимости стал феодализм, при котором победившая народность расселилась среди покоренных народов, завладела их

имуществом, но оставила им право пользования частью своей прежней собственности за некоторые подати. В русской истории такой основной формой зависимости стало данничество татарам. «Степень культуры, образ жизни оседлых русских славян и татарских кочевников были столь различны», что не произошло не только смешения между ними, но даже и сама власть орды держалась лишь на поверхности. При этом «вся ненавистная сторона мытарства падала на орду», а власть Московского князя «являлась если не избавительницею, то облегчительницею» иноплеменного ига [2, с. 266–267].

Также существенно различается государственное устройство, выработанное народами Европы и России. О европейской системе власти можно сказать, что она является результатом многовековой борьбы (абсолютизм и конституционная монархия – борьбы королей с аристократией, а республика – всех сословий с дворянством). В конце концов, народы Европы пришли к демократии, провозглашающей в теории власть большинства, а на деле являющейся властью финансово-промышленной элиты, политиканов и бюрократии.

Русский народ выработал свой государственный организационный принцип – самодержавную монархию. Главным условием появления монархии, по мнению Льва Александровича Тихомирова, является существование в нации сильного религиозно-нравственного идеала. Тогда для господства этого нравственного идеала нужно «наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность как существо нравственно разумное, и эта личность должна быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее служения» [5, с. 76–77]. Эту же мысль коротко сформулировал А.С. Пушкин: «Должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона» (Цит. по: [6, с. 98]). Если этот человек православный, то он будет осуществлять свою власть прежде всего на основе нравственных принципов.

Мы действительно видим, что русские цари воспринимали свою власть как власть, врученную им самим Богом. Такое происхождение власти налагало на монарха огромную ответственность за свое служение, причем для верующего человека ответственность более чем реальную. Так же, исходя из религиозных представлений, сформировалось и отношение русского народа к власти.

Кроме этого, для московского самодержавия характерны: теснейшая связь с Церковью, поскольку, государство как высший закон признавало над собой христианскую истину, и единение царя и народа в управлении государством, что проявлялось в постоянном созыве Земских соборов, в праве обращения к Государю с челобитными и широчайшем местном самоуправлении.

В силу молодости культурно-исторического типа в московский период не было выработано национальное самосознание. Это таило в себе

серьезную опасность, которая в полной мере проявилась в царствование Петра I, когда Петр захотел сделать прививку европейской цивилизации к русскому дичку, считая, что прививка должна изменить саму природу дичка. Познакомившись с Европой, Петр, «влюбился в нее и захотел во что бы то ни стало сделать Россию Европой» [2, с. 274]. Но «прививка осталась прививкою, а не сделалась метаморфозой».

С Петра I у нас начинаются две параллельные истории. Тесное взаимодействие с другой культурой привело к расколу некогда единого общества. Главным проявлением этого раскола стало изменение положения дворянства. Из служилого сословия, владевшего поместьями только пока оно несет тягло военной или государственной службы, оно превратилось в «благородное шляхетство», безусловно владеющее землей и крестьянами.

Это изменение было дополнено целым рядом культурно-бытовых различий, начиная от костюма, языка, времяпрепровождения и заканчивая верой и мировоззрением. В Россию стали проникать идеи энциклопедистов, масонов, европейские учения государственного права. Наше высшее сословие теперь уже внутри себя разделилось, копируя Европу, на разные направления. Появилось западничество во «всех его разнообразных оттенках» – от феодализма, с одной стороны, до нигилизма – с другой. Но во всех этих случаях, говорит Данилевский, получается только карикатура [2, с. 296–301].

Одним из следствий такого европейского взгляда стало пренебрежительное отношение к истории и культуре своего отечества. Данилевский «сетует на то, что правительство давало полный простор западникам, которые со страниц газет и журналов, с высоты профессорских кафедр делали все возможное для придания подражательного характера нашей культуре, клеймили малейшие проявления самобытности или стремления к ней как обскурантизм и косность. В то же время издания славянофилов всячески преследовались [3, с. 58–60].

«Бацилла европейничания нашла в прессе благоприятную среду, так как в газетно-журнальном деле год от года становилось все больше представителей нерусской части населения, настроенных часто прозападнически и русофобски» [3, с. 270–271]. Поэтому Данилевский предостерегает соотечественников, говоря, что «судьба России будет зависеть от того, будет ли дана возможность в полный голос говорить о своей позиции патристически настроенной интеллигенции» [3, с. 58–60].

С реформами Петра произошло также кардинальное изменение государственного строя России. Самодержавная монархия была разрушена, а ее место занял западный абсолютизм, родившийся в борьбе против Церкви. Первые лица государства перестают смотреть на свою власть как на власть, врученную им самим Богом. Прекращается общение монарха с «землей», исчезают Земские соборы, уничтожается местное самоуправление. Народ лишается своего древнего права «бить челом государю». Так начался развал русской государственности.

Еще одна форма европейничанья, о которой пишет Данилевский, «заключается в стремлении переносить чужеземные учреждения на русскую почву – с мыслью, что все хорошее на Западе непременно так же будет хорошо и у нас. Таким образом были пересажены к нам разные немецкие бюрократические порядки» [2, с. 286]. Наступила эпоха всевластия бюрократии (как говорил император Николай I, «Россия управляется столоначальниками» [5, с. 309]), а также эпоха полного отстранения нации от государственного управления.

Петр, отрицая исторические и национальные основы государственной жизни, решил не улучшать московское управление, а, по совету Лейбница, совершенно упразднить его и на расчищенной почве воздвигнуть новое. Новое было взято из Европы. Идея коллегий была заимствована из Швеции. Эта идея исходит из того, что «все люди недобросовестны, все – враги добра и правды. Потому-то и нужна «коллегия», чтобы члены ее, взаимно следя друг за другом, не допускали злоупотреблений» [5, с. 308]. Поначалу русские вообще не знали, что им делать с новым учреждением, поэтому «царь выписывал и самих членов коллегии из-за границы, из Австрии... Дании», а в 1717 году даже взял «шведских пленников для службы в коллегиях, что повторялось и в другие годы» (Соловьев, кн. IV, с. 140–142). Соловьев пишет, что «Петр устраивал истинно какую-то чиновничью республику, которая должна была властвовать над Россией. ...Члены же этой бюрократии были поставлены выше всех социальных сил России» (Соловьев, кн. IV, с. 143). «Само собой, что эта чиновничья республика действовала в национальных интересах очень плохо, расхищала Россию, не радела к делам...» [5, с. 323]. Около двух третей собранных доходов разворовывалась по дороге в казну. Один Меньшиков украл сумму, превышающую годовой бюджет страны.

Гонения на Русскую Православную Церковь тоже начались не в 1917 году, а гораздо раньше. В царствование Анны Иоанновны часть русских епископов побывала в тюрьмах, была расстрижена, бита кнутом и подвергнута пыточным допросам. Вообще положение Церкви в послепетровскую эпоху кардинально изменилось. С принятием в 1721 году «Духовного регламента» Русская Церковь стала составной частью государственного аппарата. Продолжением этих реформ стало изъятие церковного имущества, проведенное императрицей Екатериной II в 1764 году, и закрытие 2/3 монастырей [7, с. 277, 283].

Массовый отход от православия был вполне закономерным для многих людей из общества, живших европейскими идеями. В то время, когда наша цивилизация вошла в тесное общение с европейской, там уже во всю силу утверждался атеизм. Естественно, что это мировоззрение стало распространяться и в России, сначала среди высшего сословия, а после создания в 1864 году системы министерских и земских школ и среди простого народа. Поэтому, как только православие перестало быть государственной религией, сразу стало ясно, что верующих в России

гораздо меньше, чем это было по паспорту. Так, после отмены Временным правительством обязательного приобщения Святых Тайн для военнослужащих количество причастников сократилось со 100,0 % до 10,0 % [8, с. 214].

Логичным результатом петровских реформ стало появление нового типа патриотизма. Данилевский называет его «внешним политическим патриотизмом». При нем укрепляется только внешняя оболочка – государство, при этом внутреннее, национальное содержание уничтожается, а интересы народа вообще отступают на последний план.

Данилевский особенно подробно останавливается на проявлении болезни европейничания во внешней политике. Дело в том, что правильная внешняя политика возможна только тогда, когда политическая элита страны обладает национальным самосознанием. Лишь тогда она может понять, кто является главным врагом, где можно найти искренних союзников, какие цели достойны того, чтобы ради них жертвовать своими солдатами и материальными ресурсами, а какие нет. Так вот, в России начиная с Петра правящая элита этим самосознанием не обладала. Это постоянно приводило к серьезным внешнеполитическим ошибкам, которые в начале XX века стали фоном событий 1905 и 1917 годов.

Государственный переворот февраля 1917 года, конечно, не был никакой революцией. Революционеры непосредственно не принимали участия в его подготовке и даже о его приближении не имели ни малейшего представления. Монархию устранила от власти своя же правящая элита – думские лидеры в сговоре с генералитетом. В результате этого переворота Россия осталась без власти.

Высадка десанта международной корпорации профессиональных революционеров произошла в условиях крушения старого государственного строя и непрекращающейся мировой войны. По сути, Германия и союзники использовали революционеров как эффективное средство в борьбе против России (как и в наши дни Запад использует «цветные» революции для достижения своих интересов).

В результате переворота власть в стране захватила партия большевиков. И дальше началась вторая европейская прививка, но во главу было поставлено другое западное учение – коммунизм. Поскольку национальное государство коммунисты строить не могли, то они пошли по пути чисто государственного патриотизма – укрепления государства ради государства. Стали строить не национальные институты, а внешнюю оболочку – промышленность, финансовую систему, огромную бюрократическую машину, управляющую всем этим, армию, репрессивный аппарат. Но внешняя оболочка без национального содержания долго существовать не может, поэтому конец Советского Союза был предreshен. У него не было никакой другой перспективы.

Итак, причиной трагедии русского народа стал отход от своей естественной национальной жизни и насильственная прививка чуждой цивили-

зации. Сейчас нашему вниманию предлагается третье издание европейской прививки. Для него характерно навязывание западных псевдодемократических моделей государственного устройства, широкий набор либеральных идей, религиозное равнодушие, господство ценностей общества потребления и массовая «культура», ориентированная на самые примитивные инстинкты человека.

Главная проблема сейчас – отсутствие национального самосознания как у народа в целом, так и у элиты общества, но без этого невозможно никакое возрождение и никакие реформы в национальном духе. Без понимания основ своей цивилизации и их отличий от европейской мы обречены на поражение, потому что «западные партнеры» как раз обладают массовым самосознанием, они знают, чего они хотят, в чем их сила и в чем наша слабость. Например, идеолог холодной войны, бывший советник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский теперь прямо говорит о необходимости «разрушить цивилизационный код России», чтобы заменить его западным, ставит задачу после падения коммунизма сокрушить в России и православие [3, с. 396].

Если мы не сможем противостоять очередному военному, политическому, экономическому, а главное – культурному натиску Запада, то, как написал Данилевский, болезнь европейничания, «иссушив самобытный родник народного духа», может «лишить историческую жизнь русского народа внутренней зиждательной силы, а следовательно, сделать бесполезным, излишним самое его существование; ибо все, лишенное внутреннего содержания, составляет лишь исторический хлам, который собирается и в огонь вметается в день исторического суда».

-
1. Троицкий Е.С. Русская цивилизация: прошлое и настоящее // Русская цивилизация и соборность. М., 1994.
 2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2002.
 3. Балувев Б.П. Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001.
 4. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Данилевский Николай. Россия и Европа. М., 2003.
 5. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.
 6. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2003.
 7. Смолич И.К. Русское монашество (988–1917). М., 1999.
 8. Пospelовский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР: учеб. пособие. М., 1996.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДА «ПАМЯТЬ МУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» И ЕГО ИЗДАНИЯХ

ХАРАКТЕРИСТИКА ПУБЛИКАЦИЙ ФОНДА

Сотрудники регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» привезли в подарок Курскому государственному университету свои книги. Позвольте ознакомить Вас с деятельностью Фонда, а также его изданиями.

Научным руководителем Фонда является игумен Дамаскин (Орловский), секретарь Синодальной комиссии по канонизации святых. В конце 70-х годов он начал собирать устные свидетельства очевидцев страшных событий, которые коснулись Русской Православной Церкви с приходом к власти большевиков. В процессе работы вокруг о. Дамаскина начала складываться небольшая группа добровольных помощников, которые и стали первыми сотрудниками Фонда.

Фонд осуществляет работу по нескольким направлениям.

Во-первых, это архивные исследования, сбор письменных документальных свидетельств о подвиге новомучеников.

В 1991 году был получен доступ к архивам государственных органов, и с этого года о. Дамаскин приступил к изучению архивно-следственных дел в Центральном архиве КГБ (ЦА КГБ) при Совете министров СССР (ныне ФСБ РФ). В дальнейшем также проводилось изучение материалов Архива Президента РФ, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), архивов региональных управлений ФСБ. В результате был исследован более чем 100-тысячный комплекс судебно-следственных дел за период с 1917 по 1950-е гг.

Результатом проведенных исследований стала серия книг «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия» [1]. Книги серии выходили по мере изыскания и обработки материала, каждый том – самостоятельная книга. Это фундаментальная, всеобъемлющая историческая хроника событий России первой половины XX века.

Серию высоко оценили за историческую достоверность, строгую документальность, за уникальную исследовательскую работу по установлению фактов жизни новых православных мучеников и исповедников. В 1997 г. книгам была присуждена премия митрополита Макария, а в 2003 г. – премия Союза писателей России. В 2011 г. игумен Дамаскин за монографию «Епископ Гермоген (Долганев)» удостоен Всероссийской историко -

литературной премии «Александр Невский». Избранные жития сборниками выпущены зарубежными издательствами за границей на английском, сербском, румынском, греческом и немецком языках.

Еще одно издание – «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века» [2] должно будет вместить в себя жития всех прославленных мучеников и исповедников прошлого столетия с расположением их в соответствии с линейным принципом, издание будет состоять из 12 томов, по количеству месяцев в году, пока издано 6 томов.

Все жития, вошедшие в наши издания, размещены на сайте Фонда в открытом и свободном доступе. Представлен богатый фотоматериал, выложены фильмы, снятые с участием Фонда. Все это, безусловно, облегчает доступ к информации о новомучениках. Адрес сайта: www.fond.ru.

Отдельное направление работы фонда – популяризация трудов великих русских мыслителей, историков. В рамках этого направления выпущена книга Балугева «Н.Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”» [3].

Еще одно направление деятельности – публикация научных, богословских и публицистических трудов новомучеников. Они изданы в рамках ещё одной серии книг, которая называется «Духовное наследие мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» [4; 5; 6; 7; 8].

Итак, выше были изложены основные направления исследовательско-просветительской деятельности Фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». В заключение хотелось бы выразить надежду, что она послужит благому делу церковного просвещения и патриотического воспитания каждого из нас лично и всего нашего народа.

ОБ ИЗДАНИИ СЕРИИ «ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ»

Фондом издана серия *«Духовное наследие новомучеников и исповедников Российских»*. Среди них чудом уцелевшие труды: архиепископа Тверского Фаддея (Успенского), архиепископа Воронежского Петра (Зверева), архиепископа Курского Онуфрия (Гагалюка), архиепископа Пермского Андроника (Никольского), священноисповедника Амвросия (Полянского), епископа Каменец–Подольского и Брацлавского.

Эти труды бесценны. Они содержат в себе духовный опыт людей, пострадавших за Христа в годы гонений на Церковь.

Удивительна история обретения рукописей сщмч. Онуфрия (Гагалюка), день памяти которого мы отмечаем 1 июня.

После очередного ареста архиепископа Онуфрия в 1935 г., как вспоминает его брат Андрей Максимович, всякая связь с владыкой прекратилась, поиск его рукописей не давал результата. И только в 1950 г. к одному из близких друзей владыки пришёл глубокий старец. Он назвался иеромонахом Иовом и рассказал, как весной 1935 года архиепископ Онуфрий дал ему несколько писем с адресами и просил, чтобы он отнёс их и взял на

хранение то, что ему дадут, спрятал и берёг пуще глаза. Иов свято хранил принятые вещи, подвергаясь опасности. Чувствуя приближение смертного часа и опасаясь, что вещи, порученные ему владыкой, пропадут, старый иеромонах сумел передать мешок с рукописями, где оказалось более двух тысяч страниц текста.

В его трудах читатель найдет немало интересного материала о науке и религии, о пределах человеческого постижения мира. Немало статей на тему «Человек и общество», «Церковь и государство». Архиепископ Онуфрий обращается к анализу произведений В.М. Гаршина, Л.Н. Толстого, к теме ответственности писателя за нравственное состояние общества.

Большой интерес читателей, как правило, вызывает наследие архиепископа Пермского Андроника (Никольского). Он стал одной из первых жертв революционного террора.

На Поместном соборе 1917 года, где владыка был избран в состав издательского отдела, его называли «огнь пылающий», как одного из самого энергичного участника. После выхода декрета о национализации церковного имущества свщм. Андроник на проповеди сказал прятавшимся среди народа агентам власти, что в храм и ризницу они смогут войти только через его труп. Вскоре после ареста, во время последнего допроса, вл. Андроник «...долго не отвечал ни на один вопрос, а потом, будто решившись на что-то, снял панагию (Небольшая икона Богородицы на цепочке, которую могут носить только архиереи) ... сказал примерно так: « — Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы я не был архипастырем и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно. Больше нам разговаривать не о чем». Сказав это ... он надел панагию, спокойно поправил её на груди, и, весь погрузившись в молитву, не проронил более ни слова» [1: 1, С. 55].

Архиепископ Андроник принял мученическую кончину — был закопан живьём в землю (1918 г.).

Опубликованы его проповеди, статьи, путевые записи о поездке в Японию, куда он был направлен в помощь архиепископу Николаю (Касаткину) Японскому. Он дает исключительно точный анализ революционных событий в России. Рассматривает роль и назначение государства. А так как архиепископ Андроник был учёным-исследователем, изучающим и раскрывающим событийный ряд того времени, и одновременно человеком духовным, то его творения отражают исторический период с исключительной точностью и глубиной и являются фактически объективным научным источником.

Поэтому, изучая жизнеописание святого одновременно с творениями, читатель получает цельное представление и о человеке, и об эпохе, в которой тот жил, перед ним предстаёт вся история XX века.

Составитель жития владыки Онуфрия игумен Дамаскин (Орловский), в предисловии к первому тому творений отмечает, что «он хорошо

знал окружающую его жизнь, знал её на практике, он сам старался вносить в неё свет христианского учения, и потому описание нравственных и духовных недугов, от которых страдало и страдает до сих пор русское общество, сделано им с исключительной точностью, как духовным врачом, не только издали наблюдавшим больного, но и непосредственно лечившим его, почему и средства, предлагаемые им, бесспорны» [2: 1, с. 5].

Эпоха гонений очень мало сохранила из письменного наследия мучеников, тем большую ценность приобретают памятники, которые позволяют нам глубже вникнуть в жизнь и богословие святых нового времени сквозь время, отделяющее нас от их жизни, услышать их проповедь о Христе, обращенную к нам.

1. Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: в 7 т. Тверь: Булат, 1992–2002.
2. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь / Сост. игумен Дамаскин (Орловский). Тверь: Булат, 2005–2008.
3. Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2001.
4. Священномученик Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской. Творения. Кн. I. Проповеди. Кн. II. Записки по дидактике. Тверь: Булат, 2002–2003.
5. Священноисповедник Амвросий (Полянский), епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. Учение о Царстве Божием по сочинению блаженного Августина «О Граде Божием». Тверь: Булат, 2003.
6. Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский. Экзегетический анализ первых двух глав Послания апостола Павла к Евреям. Тверь: Булат, 2004.
7. Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Кн. I. Статьи и заметки. Кн. II. Проповеди, обращения, послания. Тверь: Булат, 2004.
8. Священномученик Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский. Творения: в 2 т. Тверь: Булат, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Е.А. – Курский государственный университет, аспирант;
Акимченко В.В. – Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, аспирант;
Андреев М.В. – Курский государственный университет, студент;
Аргунов О.Н. – Курский государственный университет, студент;
Артамонова Н.А. – Курский государственный университет, студент;
Бобрышев Г.О. – НИУ «Белгородский ГУ», аспирант;
Волкова И.А. – Курский государственный университет, аспирант;
Гофман А.В. – Курский государственный университет, студент;
Жигулин Е.П. – Курский государственный медицинский университет, аспирант;
Зарудный Д.М. – учитель истории Суджанской средней общеобразовательной школы № 1;
Кирина О.В. – Курский государственный университет, студент;
Кретьева А.Н. – Курский государственный университет, студент;
Куракина И.В. – Курский государственный университет, студент;
Лопатина М.Ю. – НИУ «Белгородский ГУ», студент;
Масленников И.П. – Курский государственный университет, студент;
Митров Олег – протоирей, член Синодальной комиссии по канонизации святых Русской Православной Церкви, настоятель Никольского собора города Наро-Фоминска Московской области, благочинный Наро-Фоминского церковного округа;
Петраков Ю.С. – НИУ «Белгородский ГУ», аспирант;
Пудова О.С. – Вологодский государственный университет, студент;
Рябцева М.Н. – Курский государственный университет, студент;
Сахаров А.В. – НИУ «Белгородский ГУ», аспирант;
Седова Ю.Н. – Вологодский государственный университет, студент;
Сердюков Н.Н. – Курский государственный университет, студент;
Соклаков В.Н. – МБОУ «СОШ № 53 – Учебный центр», учитель истории и обществознания;
Третьякова Н.Е. – НИУ «Белгородский ГУ», студент;
Чубаров А.И. – Курский государственный университет, аспирант;
Ярома А.В. – Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова, студент.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы пленарного заседания

Волкова И.А. Структура, основное содержание и направления деятельности провинциальных периодических изданий XIX – начала XX века (на примере Курской губернии).....	3
Андреев М.В. Российский вектор внешнеполитической доктрины США как отражение результатов деятельности консультативной группы при администрации Б. Клинтона.....	14
Аргунов О.Н. Реформы Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева в сельском хозяйстве и их реализация на примере Курской области (1953–1956 гг.).....	21

Секция I. Актуальные проблемы исторической науки с древнейших времен до конца XIX в.29

Артамонова Н.А. Чати – «правая рука» фараона.....	29
Лопатина М.Ю. Изучение позднеантичного Египта в последние десятилетия.....	35
Третьякова Н.Е. Должность и функции префекта в Афинском экзархате.....	39
Сердюков Н.Н. Из истории церковных приходов Суджанского уезда Курской губернии в XIX – начале XX в. (Крестовоздвиженский храм и церковь Дмитрия Солунского).....	41
Рябцева М.Н. Николай I и преобразования: за и против?.....	45
Сахаров А.В. Роль дворянства и купечества в проекте приведения реки Сейм в судоходное состояние.....	48
Соклаков В.Н. Особенности крестьянских восстаний в Китае в XIX в. (на примере восстания ихэтуаней).....	50
Абакумова Е.А. Повседневная жизнь российского мещанина во второй половине XIX в.....	55
Кретьева А.Н. Роль художественно-просветительской деятельности А.Г. Венецианова в общественной и культурной жизни России первой половины XIX века.....	58
Ярома А.В. Сельские общины Пермской губернии в пореформенный период: опыт самоорганизации в социальной сфере (1861–1905).....	63
Чубаров А.И. Организация помощи раненым в Курской губернии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.....	68
Пудова О.С. Феномен «макрейкерства» в общественно-политической жизни США конца XIX – начала XX в.....	71

Секция II. Актуальные проблемы исторической науки XX–XXI вв.76

Гофман А.В. История грузино-абхазских отношений как один из примеров дилеммы «принципа самоопределения народов» и «принципа территориальной целостности».....	76
Бобрышев Г.О. Повседневный быт нижних чинов русской армии в Русско-японскую войну (на примере Псковской дивизии).....	81
Масленников И.П. Внешняя политика Временного Всероссийского правительства (Уфимская Директория).....	86
Акимченко В.В. История деятельности объединенного семинария при государственном Херсонесском историко-археологическом музее.....	90
Петраков Ю.С. Источниковый потенциал сведений Курского областного управления коммунального хозяйства о жилищном фонде области (по материалам ГАКО).....	94
Кирина О.В. Культурный аспект советско-американских отношений в 1933–1939 гг.....	96
Жигулин Е.П. Специфика работы Курской ЦЭС в 1939–1941 гг.....	103
Зарудный Д.М. Суджанский район в начале войны. Перестройка жизни района на военный лад.....	109
Куракина И.В. Великая Отечественная война в истолковании современных СМИ.....	114
Седова Ю.Н. Психоистория: теория и практика.....	119

Секция III. Гонения на церковь в Курской области в контексте истории России. К вопросу об увековечивании памяти новомучеников и исповедников XX века.....122

Протоирей Олег Митров Историософия Н.Я. Данилевского.....	122
Нуйкина Елена, Канурская Ирина О деятельности фонда «Памяти мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» и его изданиях...	131
Сведения об авторах.....	135
Содержание.....	136

Научное издание

Исторические чтения – 2015

**Материалы научной конференции
с международным участием
(21–23 апреля 2015 г.)**

Редактор
Е. С. Головина

Дизайн обложки
М.И. Анпилогова

Лицензия ИД № 06248 от 21.11.2001 г.
Подписано в печать 15.03.2016 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,6 Тираж 70 Заказ №2845

Курский государственный университет
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории информационно-методического обеспечения
Курского государственного университета